

Фундамент. бібліотека

В: рш. IV. женск. гимн.

Хрон. кат. № 549

Систем. кат. } Отд. 27
                  } № 131

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЛЕКЦИИ

СТЕПАНА ШЕВЫРЕВА,

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА И ПРОФЕССОРА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ XV-Е СТОЛѢТІЕ И НАЧАЛО XVI-ГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1887.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Характеръ духовно-словесной дѣятельности въ Россіи XV вѣка.—Черты жизни духовныхъ дѣятелей.— Святитель Іона.— Митрополиты: Θεодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ.— Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ Рыло.— Другой Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ.— Общее содержаніе Посланій.— Посланія, имѣющія предметомъ: 1) единство Церкви Вселенской, 2) единство Церкви Русской, 3) устроеніе единой державы, 4) освобожденіе отечества, 5) дѣйствіе на власти и князей, 6) дѣйствіе на народъ, 7) дѣйствіе на семью и домъ, 8) на внутреннее состояніе церкви и ея священнослужителей.— Заключение.

Пятнадцатый вѣкъ мы называли вѣкомъ по преимуществу Святителя Алексія, который соединялъ въ себѣ образецъ пастыря Церкви съ мужемъ государственнымъ. Алексіевы заслуги передъ государствомъ перешли на цѣлыя поколѣнія нашихъ церковныхъ пастырей въ XV вѣкѣ. Ихъ мыслію, ихъ словомъ, ихъ дѣлами сохранено единство Церкви, создано единое державное государство, сокрушена чуждая варварская власть и водворена отечественная. Словесная дѣятельность нашихъ пастырей, принесшая такіе благотворные плоды для жизни отечества, обнаруживается въ этомъ столѣтіи обиліемъ церковныхъ посланій, изученіе которыхъ будетъ предметомъ нашего шестнадцатаго чтенія. Здѣсь каждое слово является плодомъ жизни и переходитъ въ дѣло.

Но прежде чѣмъ ознакомимся съ словесными подвигами духовныхъ дѣятелей этого вѣка, узнаемъ хотя главныя черты ихъ жизни, потому что только изъ жизни, оправдываемой дѣлами, можетъ истечь и слово, дѣйствующее на пользу ближнимъ и отечеству.

Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Московскіе митрополиты: Іона, Θεодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ и два Вассіана, архіепископы Ростовскіе.

Святитель Фотій посѣтилъ однажды Симоновъ монастырь. Помолвившись въ храмѣ и благословивъ архимандрита съ братією, онъ пошелъ по монастырскимъ службамъ, чтобы видѣть и благословить въ нихъ меньшую труждающуюся братію. Вошедши въ хлѣбню, Фотій увидѣлъ инока, который, будучи утомленъ воздержаніемъ, трудомъ и молитвою, спалъ крѣпкимъ сномъ; правую руку держалъ онъ на головѣ согнутую, какъ будто на благословіе. Видъ спящаго инока поразилъ

Фотія удивленіємъ: онъ не велѣлъ будить его и прозрѣлъ въ немъ великаго себѣ преемника. Этотъ спящій инокъ былъ послѣ Святитель Іона. Такъ говорить о немъ преданіе, записанное въ его житіи.

Родомъ онъ былъ изъ Галича; родился на рѣкѣ Святицѣ, въ селеніи Одноушевѣ, которое было такъ названо по имени благочестиваго отца его Феодора Одноуша и подарено имъ въ соборный домъ Успенія, въ Московскую митрополию. Двѣнадцати лѣтъ Іона былъ уже на родинѣ своей инокомъ; воспиталъ же себя для иноческой жизни въ Москвѣ, на Симоновѣ, гдѣ сохранялись живыя преданія Феодора, племянника Сергіева, и Кирилла Бѣлозерскаго. Товарищами его въ этой жизни были: Вареломей, эконоомъ обители, Іоаннъ Златый и Игнатій иконникъ. Первые подвиги его для церкви начались въ Рязанской и Муромской областяхъ, куда назначенъ онъ былъ епископомъ. Многихъ язычниковъ изъ Финскихъ племенъ: Муромы, Мещеры и Мордвы, обратилъ онъ въ христіанство. По смерти Фотія, онъ былъ избранъ на Московскую митрополию въ 1433 г. Замѣчательно, что въ этомъ избраніи, по свидѣтельству самого В. Князя, въ его думѣ участвовали и Великая Княгиня его мать, и братья Русскіе великіе Князья и Князья помѣстные, и Литовской земли Осподарь съ великимъ Княземъ, и всѣ Святители земли Русской, и всѣ священники и духовные люди, общежители и пустынные отходники со святыми старцами, и бояре наши, и вся земля Русская со всѣмъ православнымъ христіанствомъ. Но пятнадцать лѣтъ прошло до 1448 года, когда Іона возмогъ, по новому избранію Русскихъ епископовъ, самостоятельно взойти на престолъ митрополіи Русской. Причиною тому были церковныя смуты: сначала самозванство Смоленскаго епископа Герасима, утвержденное по настоянію Литвы Царьградскимъ патріархомъ, а потомъ коварная измѣна Исидорова и извѣстное покушеніе его на Флорентинскомъ Соборѣ.

Во время сей послѣдней смуты Церковь Русская имѣла достойнаго поборника и защитника въ своемъ Великомъ Князѣ Василіи Темномъ. „Самъ Господь Богъ, какъ выражается лѣтопись, даровалъ тогда слово разума и премудрости святономазанному Царю и рабу Своему“.

Когда для самого Василія настали тяжкія времена испытанія отъ коварныхъ гоненій Дмитрія Шемяки, Святитель Іона явился ему свѣтлымъ утѣшителемъ и твердымъ помощникомъ и сохранилъ двухъ сыновей ихъ несчастному отцу, а Іоанна, будущаго основателя и освободителя государства, отечеству.

Со времени Св. Іоны митрополія Русская перестала уже зависѣть отъ утвержденія Константинополя. Не желаніе самовольно отторгнуться отъ іерархическаго единенія съ колыбелью нашей вѣры, но зависимое положеніе Царьграда и происшедшія отсюда церковныя смуты на Востокѣ послужили основательными причинами къ утвержденію Русской независимости въ іерархическомъ отношеніи.

Когда Святитель Іона въ 1448 году уже самостоятельно вступилъ на пре-

столю митрополіи, онъ прежде всего сталъ твердою опорою у престола великокняжескаго. Неумоимо дѣйствовалъ онъ словомъ противъ притязаній Шемяки, воздвигавшаго смуты и кровопролитіе, противъ Новгорода и Вятки, которые помогали безпокойному Князю. Между тѣмъ на Западѣ, въ борьбѣ съ Литвою и ея Князьями, Иона возстановилъ и, сколько могъ, поддерживалъ единство Русской митрополіи. Во время двухъ нашествій Ногайскаго Хана, Мазовши, сына Се-диахметова, въ Москвѣ, оставленной В. Княземъ, подъ тучами Татарскихъ стрѣлъ, въ дыму, при заревѣ пожаровъ, совершалъ Святитель молитвенные крестные ходы по стѣнамъ осажденнаго города. Во время одного изъ такихъ всенародныхъ шествій Чудовской инокъ Антоній Кловыня палъ отъ Татарской стрѣлы и, умирая, предсказалъ соотчичамъ избавленіе отъ варваровъ. Между тѣмъ народъ, изнемогшій отъ великой истомы и дыму, но подкрѣпленный духомъ молитвы Святителя и вѣрою мученика Антонія, смѣло выходилъ изъ города на битву и отражалъ непріятеля.

Лѣтопись говоритъ, что два Святителя, соименныхъ другъ другу: митрополитъ Московскій и архіепископъ Новгородскій, испросивъ у Князя Василя милость для Новгорода, общались ему испросить у Бога свободу Русской державѣ отъ Татарскаго владычества и предсказали, вмѣстѣ съ самодержавнымъ царствованіемъ Русскихъ Князей въ отечествѣ, великой Ордѣ разореніе, а Русскому царству распространеніе.

Въ 1453 году палъ Константинополь отъ руки Магомета. Изъ Святителей Русскихъ Св. Иона послѣдній видѣлъ Царьградъ еще въ его славу и въ немъ принялъ благословеніе на свою митрополію. Послѣ страшнаго и громкаго паденія колыбели нашего православія прискорбный Святитель заботился о выкупѣ Греческихъ плѣнныхъ и помогалъ, сколько могъ, патриарху Геннадію.

Послѣднимъ предсмертнымъ подвигомъ Св. Ионы была борьба съ Григоріемъ, ученикомъ Исидоровымъ, котораго поставилъ митрополитомъ на Литву лжепатриархъ Царьградскій Григорій Мамма. Твердо и грозно защищалъ престарѣлый Святитель единство Русской церкви и православіе. Но раздѣленіе митрополіи уже окончательно совершилось по смерти Григорія. Конечно, предчувствіе этого событія тяжкимъ горемъ легло на сердце архипастыря и ускорило кончину его въ 1461 году.

Событія времени, междуусобныя распри Князей, достигавшія самыхъ ужасныхъ размѣровъ, измѣны, смуты и разрывъ въ самой Церкви, которая должна была бы служить образцомъ единства для міра, положили рѣзкую печать неумолимой строгости на характеръ Святителя. Отсутствіе любви и вражда между сильными міра отзывались и въ народѣ, проникали даже въ сердца близкихъ къ Пастырю церкви. Ключникъ его жестко отогналъ убогую вдовицу, которая просила у него испить немного меду немощи ради. Другой слуга Владыки отказалъ

другой вдовиць въ милостынѣ, которую обязанъ былъ именемъ Святителя раздавать убогимъ. Грозный приговоръ изъ устъ Іоны поразилъ жестокихъ сердцемъ. И по отшествіи его изъ этого міра, въ преданіяхъ о чудесахъ, имъ совершенныхъ, мы видимъ ту же самую строгость. Маловѣріе онъ наказывалъ такъ же грозно, какъ отсутствіе любви. Народное преданіе 1812 года говоритъ, что Святитель поднялъ изъ гроба грозящую руку на нечестивыхъ враговъ, когда они, вѣшая серебро иконъ во храмѣ, оскверняли храмъ Божій своимъ корыстолюбіемъ. И здѣсь тотъ же строгій характеръ! Такъ, видно, нужны были по времени и кротость Святителя Петра, когда онъ полагалъ духовное основаніе Москвѣ, и строгость Святителя Іоны, когда бури внутреннія угрожали новорожденной столицѣ¹⁾.

Преемникомъ Святителя Іоны, по его собственному назначенію, утвержденному соборомъ духовенства, былъ митрополитъ Θεодосій. Неизвѣстными остались его происхожденіе и первый иноческій искусь. Одно только прозваніе Бывальцева уцѣлѣло изъ этихъ извѣстій. Исторія застаётъ его уже архимандритомъ Чудовской обители. Здѣсь, конечно, хранившіяся преданія митрополита Алексія и близость къ Святителю Іонѣ могли благотворно дѣйствовать на его духовное воспитаніе и приготовить въ немъ достойнаго вождя для всей Русской паствы. Въ 1454 году Іона возвелъ его на кафедру Ростовскую. Въ первый годъ своего служенія на чредѣ этой паствы самъ подвергшись гнѣву Святителя Московскаго за нарушеніе церковнаго устава, впоследствии онъ сдѣлался остороженъ и выскателенъ къ самому себѣ и къ своимъ подчиненнымъ. Духовенство его епархіи должно было къ нему являться отвсюду для принятія его наставленій. Соборъ въ Вѣлозерскѣ для всего духовенства, ему подвѣдомаго, былъ имъ собранъ въ 1459 году. Разрѣшеніе третьихъ и четвертыхъ браковъ особенно было предметомъ строгихъ запрещеній Θεодосія. На престолѣ митрополіи Θεодосій старался быть посредникомъ мира между Москвою и Новгородомъ въ отношеніи къ духовной іерархіи, такъ какъ нельзя уже было сохранить его въ мірѣ политическомъ; онъ же привелъ и Псковъ въ должное повиновеніе къ Новгородскому архипастырю.

Строгость, наслѣдованная Θεодосіемъ отъ предѣстника, побуждала его сзывать каждую недѣлю священниковъ со всей Москвы для духовныхъ наставленій. Вдовы попы и дьяконы подвергались сильнымъ его укоризнамъ. Такая настойчивая бдительность архипастыря показалаея слишкомъ тяжелою и духовенству, и мірянамъ. Услышавъ всеобщій ропотъ, Θεодосій оставилъ свой престолъ и удалился въ келью Чудова монастыря; народъ не пожелалъ его строгаго надзора; святитель взялъ къ себѣ разслабленнаго, ходилъ за нимъ и омывалъ его струпы. Послѣднее время жизни своей онъ провелъ въ Сергіевой лаврѣ и здѣсь скончался.

Уже будучи митрополитомъ, онъ передалъ письму одно воспоминаніе изъ своей жизни въ Чудовской обители: это было чудо исцѣленія, совершенное у раки мощей святителя Алексія надъ однимъ хромымъ монахомъ Наумомъ, уроженцемъ

села Филиппова, у котораго скорчена была нога. Предметъ разсказа и подробности переносятъ насъ въ пятнадцатый вѣкъ. Исцѣленіе совершилось ночью, во время самыхъ сильныхъ страданій больнаго, котораго онъ побѣждалъ молитвою; весь монастырь пришелъ въ движеніе и ночью же благодарными духовными пѣснями праздновалъ это чудо. Авторъ разсказа передаетъ событіе не безъ примѣси риторическихъ цвѣтовъ, какъ на примѣръ: *„не презрѣхъ украсить настоящимъ измаргадомъ слова вѣнецъ;“* „омочихъ мою трости въ свѣтящееся смиреніе“. Сказаніе вставлено было въ лѣтопись и встрѣчается въ Софійскомъ Временникѣ подь 1462 годомъ, т. е. вскорѣ послѣ того, какъ Θεодосій былъ поставленъ митрополитомъ на Москвѣ²⁾).

Θеодосію, отрекшемуся отъ митрополіи, соборнымъ избраніемъ наслѣдовалъ въ 1464 году Филиппъ, изъ епископовъ Суздальскихъ. Онъ управлялъ своею паствою въ духѣ кротости. Въ дѣлахъ Псковскихъ гражданъ съ Новгородскимъ владыкою онъ принялъ сторону архіепископа противъ распорядженій паствы, впрочемъ не безъ законныхъ правъ прилагавшей заботы свои о нравственности вдовыхъ поповъ и діаконовъ. Въ рѣшительной войнѣ Іоанна съ Новгородомъ, положившей конецъ его гражданской свободѣ, Филиппъ старался дѣйствовать миротворно: онъ отклонялъ Новгородъ отъ измѣны православному отечеству и смягчалъ гнѣвъ Государя, когда Іоаннъ послалъ грозу свою и мечъ свой на землю Новгородскую. Когда Софія Ѳоминишна Палеологъ, невѣста Іоанна III, готовилась къ вѣзду въ Москву, и папскій легатъ Антоній, ей сопутствовавшій, хотѣлъ торжественно вступить въ столицу въ преднесеніи Латинскаго креста, — митрополитъ Филиппъ, на вопросъ Государя: дозволить ли это легату? твердо отвѣчалъ: „легатъ войдетъ въ одни врата, а я выйду въ другіе. Кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ недругъ своей“. Легатъ былъ принужденъ, при вступленіи въ Москву, спрятать свой крестъ. Объявлены были пренія между нашимъ митрополитомъ и Папскимъ легатомъ о различіяхъ между церковью Греческою и Римскою. Филиппъ къ нимъ изготовился. У насъ были тогда извѣстны писанія патріарховъ Константинопольскихъ: Фотія, Михаила Керуларія и Германа, Антиохійскаго Петра и Никиты Стифата, въ которыхъ опровергалось все ученіе Римской церкви, противное нашей. Къ пренію съ легатомъ приглашенъ былъ одинъ Русскій книжникъ Никита Поповичъ, хорошо знакомый съ литературою славнаго спора. Митрополитъ восторжествовалъ надъ легатомъ, который, вызвавшись самъ на преніе, долженъ былъ отказаться отъ него за неимѣніемъ книгъ. При митрополитѣ Филиппѣ начато было строеніе новаго Успенскаго собора, и по этому случаю совершено перенесеніе мощей Святителей Петра, Кипріана, Фотія и Іоны. Филиппъ скончался въ 1473 году, вскорѣ послѣ страшнаго Московскаго пожара, истребившаго домъ его и имущество. Онъ оставилъ пять посланій. Преосвященный Филаретъ полагаетъ, что исторія похода Іоанна III на Новгородъ писана, если

не самимъ митрополитомъ Филиппомъ, то, по крайней мѣрѣ, подѣ личнымъ его наблюденіемъ³⁾.

Филиппу наслѣдовалъ на митрополіи Геронтій, при митрополитѣ Іонѣ бывшій архимандритомъ на Симоновѣ и рукоположенный имъ въ епископа на Коломну. Мысль о построеніи новаго соборнаго храма была послѣднимъ завѣтомъ умравшаго Святителя Филиппа Государю Іоанну. Геронтій продолжалъ дѣло строенія; но церковь, едва складенная до сводовъ, рушилась по неискусству зодчихъ. Призваны лучшіе каменщики изъ Пскова и новый зодчій изъ Италіи Фіоравенти Аристотель. Храмъ, довершенный въ четыре года, былъ освященъ въ 1479 году митрополитомъ Геронтіемъ. Въ 1480-мъ, во время послѣдней борьбы Іоанна съ Ордою и Ханомъ ея Ахматомъ, Геронтій участвовалъ въ примиреніи Государя съ его единокровными братьями и благословилъ его на подвигъ освобожденія отечества такими словами: „Богъ да сохранитъ твое Царство и дастъ тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину. Мужайся и крѣпись, о сынъ духовный! какъ истинный воинъ Христовъ. Добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы; ты не наемникъ! Избави врученное тебѣ Богомъ словесное стадо отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ“! Всѣ духовные примолвили: *Аминь! буди тако.* Духовенство и митрополитъ во главѣ его, одушевленные истинною любовью къ отечеству, торжествовали надъ коварствомъ и малодушіемъ ложныхъ свѣтниковъ Государя. Славное въ нашей Исторіи посланіе Вассіаново подкрѣпилъ и Геронтій своею грамотою. Въ память освобожденія отечества отъ Монголовъ и прекращенія позорнаго рабства онъ установилъ праздникъ и крестный ходъ 23 Іюня. Митрополитъ Геронтій скончался въ 1490 году.

Зосима, преемникъ Геронтія изъ архимандритовъ Симоновскихъ, четыре года занималъ кафедру митрополіи и запятналъ свою память ересью и отступничествомъ. Въ 1494 году Іоаннъ повелѣлъ ему удалиться сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Симонъ, игуменъ Троицкій, былъ преемникомъ Зосимы. При возведеніи его на престолъ Московской митрополіи въ первый разъ упоминается въ лѣтописи священный обрядъ сего поставленія, введенный Іоанномъ III. Въ символахъ сего обряда, во взаимныхъ привѣтствіяхъ государя и митрополита, знаменуется ясно то согласіе власти духовной и свѣтской, которое составляетъ отличительную черту нашей Исторіи.

Симонъ являлся нѣсколько разъ ходатаемъ за опальныхъ слугъ Іоанна: онъ просилъ за Татищева, чтобы не отрѣзали ему языка; въ первой несчастно-знаменитой опалѣ царской — за дворянъ Патрикеевыхъ, чтобы не отсѣкали имъ головы. Симону приносилъ слезное покаяніе Іоаннъ III въ томъ, что братъ его Андрей окончилъ жизнь свою въ душевной темницѣ. Симонъ благословилъ на царство внука Іоаннова Дмитрія, которому не суждено было однако царствовать. При Симонѣ осуждена была и совершенно истреблена Жидовская ересь. Три собора соверши-

лось при этомъ митрополитѣ: первый для составленія новаго Пасхальнаго круга на восьмое тысячелѣтіе; второй для сужденія объ имѣніяхъ церкви, тяготу которыхъ для духовнаго существа ея начала сознать власть свѣтская; третій противъ вдовыхъ поповъ. Годъ кончины митрополита былъ 1511-й.

За митрополитами слѣдуютъ архіепископы, участвовавшіе также въ посланіяхъ церковныхъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ Вассіанъ, по прозванію Рыло, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій. Происхожденіе его, первоначальное воспитаніе, иноческій искусъ остались неизвѣстны. Исторія застаётъ его игуменомъ Троицкой обители, восьмымъ послѣ Преподобнаго Сергія, отъ котораго, конечно, могъ онъ наслѣдовать ту любовь къ отечеству, какая одушевила его въ главномъ подвигѣ его жизни. Отсюда м. Иона посылалъ его въ Кіевъ къ супругѣ Князя Кіевскаго Александра Владиміровича, Анастасіи, и дѣтямъ ея съ увѣщаніемъ, чтобы укрѣпить ихъ въ православіи противъ навѣтовъ Латинскаго духовенства. Десять лѣтъ игуменствовалъ онъ у Троицы, потомъ былъ архимандритомъ Новоспасской обители въ Москвѣ и вскорѣ рукоположенъ въ архіепископа Ростова и Ярославля.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ его жизни видно, что онъ, какъ духовный отецъ, былъ близокъ къ Великому Князю и пользовался большою отъ него довѣренностью. Въ сеорѣ Іоанна III съ братьями Вассіанъ былъ миротворнымъ посредникомъ. Онъ воспринялъ отъ купели сына Іоаннова Василя. Онъ удержалъ въ своей епархіи монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, противъ воли самого митрополита Геронтія, преклонивъ въ этомъ спорѣ на свою сторону Великаго Князя.

Главный подвигъ, которымъ онъ увѣнчалъ жизнь свою, было участіе въ освобожденіи отечества отъ Татарскаго ига. Когда Іоаннъ, осторожный и нерѣшительный, бѣжалъ отъ береговъ Оки, занятыхъ войскомъ Ахмата, и колебался въ Красномъ Селѣ около Москвы — идти на врага или нѣтъ, тогда Вассіанъ побудилъ его къ дѣйствию словами горькаго упрека, которыя записала исторія: „Вся кровь Христіанъ падетъ на тебя за то, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь и не бьешься съ Татарами. А почему? Боишься смерти! Не безсмертенъ человѣкъ, а смертенъ. Безъ рока нѣтъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю: дай мнѣ въ руки твоихъ воиновъ; я хотя и старикъ, но не утую (закрою) лица противъ Татаръ“. Посланіе Вассіаново, съ которымъ мы познакоимся послѣ, довершило великое дѣло избавленія отечества. Изъ этого славнаго примѣра мы видимъ, какъ духовный отецъ въ древней Руси силою вѣры могъ дѣйствовать на Государа и какое благо отсюда было отечеству. Не долго жилъ Вассіанъ послѣ освобожденія Россіи: онъ скончался въ 1480, а по другимъ лѣтописямъ, въ 1481 году⁴).

Съ этимъ Вассіаномъ смѣшиваютъ другаго Вассіана, который былъ также архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Іосифомъ Волоколамскимъ онъ былъ постриженникомъ и ученикомъ Пафнутія

Боровскаго и написалъ житіе своего учителя по преданіямъ, какія сохранилъ самъ и принялъ отъ брата своего и отъ товарищей по обители. Это житіе ученые приписывали до сихъ поръ ошибочно первому Вассіану, который, судя по лѣтамъ своимъ, не могъ быть ученикомъ Пафнугія. Вассіанъ второй изъ архимандрита Симоновскаго былъ рукоположенъ на каѳедру Ростова и Ярославля послѣ Іоасафа и Тихона, которые наслѣдовали Вассіану первому. Онъ скончался въ 1515 году. Въ бібліотекѣ монастыря, основаннаго братомъ его Іосифомъ, хранится ненапечатанное посланіе его о Латинской церкви и православной литургіи, написанное противъ Папскаго легата Николая Шомберга, или Нѣмчина, какъ у насъ его звали.

Узнавъ хотя главныя черты жизни Святителей нашихъ въ XV вѣкѣ, мы перейдемъ теперь къ словамъ ихъ, которыя можно назвать также ихъ дѣлами. Всѣ они писаны Славяно-Русскимъ языкомъ, въ которомъ народная стихія нерѣдко довольно сильно выдается надъ Славяно-церковною. Въ нѣкоторыхъ словахъ есть признаки обычая, что посланія Святителей къ народу читались въ церквахъ, что священники въ духѣ посланія Святительскаго должны были повсюду продолжать поученіе. Церковь въ этихъ посланіяхъ заботилась объ утвержденіи своего вселенскаго единства во всемъ православіи и единства мѣстнаго въ Россіи, объ устроеніи единой державы и освобожденіи отечества отъ ига иноземныхъ варваровъ, дѣйствовала словомъ на власть Князей, умягчая ее своими совѣтами, на народъ, уничтожая въ немъ предрасудки и суевѣрія, на семьи и дома, водворяя согласіе между членами семьи и защищая иногда меньшую братію, и, наконецъ, на внутреннее свое благоустройство, поучая священнослужителей и заботясь объ ихъ образованіи. По порядку сказаннаго мы познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Посланій числомъ сохранилось болѣе пятидесяти: это, безъ всякаго сомнѣнія, малая часть изъ того, что было написано, что истребили пожары и разгромы, что таится еще въ древнихъ книгохранилищахъ.

Мы откроемъ рядъ этихъ посланій тѣмъ, которыя касаются единства вселенской церкви и нашей связи съ нею. Князь Василій Темный, жертва послѣднихъ смутъ удѣльнаго періода, пишетъ посланія къ Царьградскому Патріарху Митрофану (1441) и къ Царю Греческому Константину Палеологу (1448). Духовное воспитаніе нашихъ В. Князей, въ древней Руси принадлежавшее Церкви, здѣсь обнаружило всю свою силу и принесло плодъ самый зрѣлый въ лицѣ такого Князя, который въ дѣлахъ государства обличилъ вредную слабость. Василій знаетъ начало единой вѣры въ единую и нераздѣльную Троицу отъ временъ Владиміра, когда посланные имъ мужи увидѣли истинную вѣру Греческую, *какъ свѣчу на свѣшницѣ, многосвѣтло свѣтящую*, и повѣдали ему о ней. Черезъ четыреста пятьдесятъ и три лѣта сохранилась она въ землѣ Русской. Хладно-

кровно, но съ рѣзкими подробностями рассказываетъ Василій измѣну Исидорову. „Принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру“, говорилъ онъ ему, неохотно отпуская его на соборъ въ Феррару. Писаніе, присланное съ Исидоромъ отъ Папы, прочтено было въ присутствіи Русскихъ епископовъ и отвергнуто ими. „Свободно намъ сътворите въ нашей земли поставленіе Митрополита“, — такъ проситъ Василій свободы Русской іерархіи. Онъ указываетъ на причину вѣншію, что невозможно государю совѣщаться съ митрополитомъ о дѣлахъ государственныхъ чрезъ молодыхъ толмачей, которымъ ввѣряются тайны самыя важныя. Но настояла потребность свободы и для той цѣли, чтобы въ Россіи вѣрнѣе сохранить единство вселенскаго православія. Посланіе заключается мыслию объ единствѣ съ Греческою церковію: „Земля наша доколѣ иметъ стояти, а никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіанство до вѣка“⁵⁾.

Въ посланіи къ Царю Константину Василій рассказываетъ, какъ Святитель Иона былъ избранъ на митрополию Русскую совѣтомъ семейнымъ Бязю, совѣтомъ всей церкви Русской отъ святителей до пустынныхъ старцевъ и всюю землею Русскою. *За великую нужду* это они сотворили, *а не киченіемъ и не дерзостію*, чтобы Русская земля не страдала безъ Пастыря церкви, ибо „церковь Русская всегда святой Божіей вселенской соборной апостольской церкви Премудрости Божіей святой Софіи Цареградской благословенія требуетъ и ищетъ“. Тяжкое чувство неизвѣстности, есть ли въ Царьградѣ патріархъ, заключаетъ посланіе и обнаруживаетъ причину соборнаго избранія митрополита въ Россіи безъ благословенія отъ Царьграда⁶⁾.

Митрополитъ Θεодосій пишетъ посланіе Новгородцамъ и Псковичамъ (1464) „отъ Архіепископа и вельможъ даже до меньшихъ людей, всему народу истиннаго православія“, и проситъ о милостынѣ на искупленіе гроба Господня. Сводъ Иерусалимскаго храма, этого древняго Сіона, сокрушился. Египетскій Султанъ хотѣлъ поставить на мѣстѣ его мечеть и требовалъ дорогаго окула. Зѣмли, Болгарская и Сербская, помогавшія святому Христову гробу, стали уже безсильны. Патріархъ Иерусалимскій Іоакимъ, наслышавшись о нашемъ православіи, самъ двинулся къ намъ съ моленіемъ о гробѣ господнемъ и умеръ на дорогѣ въ Кафѣ. М. Θεодосій приглашаетъ вѣхъ по силѣ приносить жертву на созиданіе святаго храма, *еже есть Сіонъ, всѣмъ церквамъ глава и мати, Сіонъ, отъ негоже изиде радость и свѣтъ Христосъ*. — „Взыщите узрѣть лице Господне, говоритъ Святитель, какъ оныя святыя жены муроносицы любовію сердца Христа взыскали, и рано притекли къ святому Христову Гробу, желая муромъ помазать святое Его тѣло, и, не обрѣтши тѣла, когда Ангель своимъ глаголомъ огласилъ ихъ, принявши милость отъ Бога, возвратились. Такъ и вы, уподобясь онымъ святымъ женамъ, любезно притеките, прося отъ Бога прощенія своимъ согрѣшеніямъ, и вмѣсто мурѣ подайте милостыню на искупленіе Христова гроба и на созиданіе святой

Божіей церкви“. Самъ Господь глаголетъ о милостыни: „блажени милостиви, яко тѣ помиловани будутъ...“ „милостыни хошу, а не жертвы...“ „даждь милостыню, Богу взаимы даждь...“ Сія же милостыня не къ нищему, но къ самому вышнему Творцу Христу и къ его живодавному Христову гробу... Пространнѣ бы писалъ къ вамъ, но знаю, что „божественая писанія знати добръ разумны есте“, и того ради, сыны, мы послали къ вамъ сію грамоту... Подающій такую милостыню *другъ Божій наречется* и въ страшный оный грозный день великаго Божія суда, неизмолимаго Судію Христа умилостивитъ⁷⁾.

Подобныя грамоты, кромѣ Новгородъ и Пскова, конечно, были посланы въ другія области Русской земли и читались во всѣхъ храмахъ, подвигая народъ на благочестивый подвигъ искупленія Гроба Господня. Другія святыни Востока привлекали также участіе Святителей и православной ихъ паствы. Есть окружное посланіе митрополита Симона (1495 — 1505) ко всѣмъ князьямъ, архіепископамъ, боярамъ, вельможамъ, въ городахъ намѣстникамъ, воеводамъ, волостелямъ, гостямъ, купцамъ и всѣмъ людямъ земскимъ, далѣе всѣмъ духовнымъ, о томъ, чтобы сотворили милостыню Ксиропотамской обители горы Аѳона, ограбленной Турками. Грамота послана была съ инокомъ старцемъ Герасимомъ, который самъ былъ плѣненъ Татарами, проданъ въ Астрахань, оттуда въ Казань и изъ Казани выкупленъ въ Москву⁸⁾. Замѣчательно въ этихъ грамотахъ соединеніе всѣхъ словъ, всѣхъ людей Русской земли, во имя одной святой мысли, во имя добраго подвига.

М. Іона (1452 — 1453) посылаетъ патриарху Геннадію дары и говоритъ: „твоя великая святыня за тѣ наши малые поминки на насъ не помолви, занеже, господине, по грѣхомъ, и наша земля отъ поганьства и междособныхъ браней *велики истощала и потомилася*“. Онъ проситъ у патриарха грамоты къ Вел. Князю въ утѣшеніе, припоминая со скорбью, сколько такихъ сокровищъ, свидѣтельствовавшихъ объ исконной связи Русской церкви съ ея православною колыбелью, погибло: „занеже господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ Патриархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земскую честь, къ своей душевнѣй ползѣ, поминая тыхъ святыхъ Патриарховъ, да тыя всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земская неустроенія въ пожары истерялися“⁹⁾.

На другой годъ (1454), по взятіи Царьграда Турками, Грекъ Димитрій, потерявшій все и плѣненный съ своимъ семействомъ въ этомъ разореніи, убѣжавъ изъ плѣна, явился къ м. Іонѣ и рассказалъ ему объ ужасахъ гибели своего отечества. Святитель снабдилъ несчастнаго окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ, прося ихъ сотворить милостыню единовѣрцу для искупленія жены и дѣтей его изъ плѣна¹⁰⁾.

Такъ этими посланіями и свѣтская и духовная власть дѣйствовали въ пользу вселенскаго единства нашей церкви. Съ другой стороны, Западъ, опираясь на не-

правду Флорентинскаго собора, простираля свои притязанія на насъ и въ Псковѣ, и въ Москвѣ. Сюда относятся посланія, въ которыхъ обнаруживается уже полемическая дѣятельность нашего духовенства, переходящая болѣе въ слѣдующее столѣтіе.

Филиппъ Петровъ, вѣроятно, посадникъ Пскова, извѣщаетъ Новгородскаго архіепископа Геннадія (1491), что сѣрые чернецы Нѣмецкіе приходили въ Псковъ спорить о вѣрѣ, опираясь на восьмой соборъ, бывшій во Флоренціи, и что священники Псковскіе отстояли противъ нихъ православіе. Замѣчательно, какъ соединяли тогда понятіе о семи соборахъ съ современною мыслию о семи вѣкахъ, или тысячелѣтіяхъ, предназначенныхъ для человѣчества: „Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столповъ седмь, явѣжъ есть седмь Соборъ святыхъ Отець и седмь вѣкъ до будущаго вѣка, по Богослову Іоанну“. Сіа, государь, пишетъ посадникъ, твоимъ благословеніемъ и ина многа отъ божественныхъ писаній Господни священники къ тѣмъ студнымъ Латиняномъ *отмолвили*. Грамота писана около 1491 года, незадолго до того времени, когда у насъ ожидали кончины міра¹¹⁾.

Другое рукописное посланіе¹²⁾, полемическое, писано уже въ началѣ XVI вѣка, вѣроятно, Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ, въ отвѣтъ папскому легату Николаю Шонбергу, который извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ Николая Нѣмчина и дѣйствовалъ силою римской пропаганды, употребляя всѣ къ тому средства. Отвѣтъ Вассіановъ представляетъ двѣ части, одну положительную, православную, другую отрицательную, полемическую. Въ первой онъ строго и твердо исповѣдуетъ вѣру вселенской Церкви, начиная ея изложеніе словами Апостола Павла. Въ этой части особенно замѣчательно объясненіе православной литургіи по Григорію Богослову, какъ соединеннаго служенія Богу Ангеловъ и людей. Здѣсь раскрывается незримое присутствіе Ангеловъ, слетающихся съ неба во храмъ въ извѣстныя мгновенія литургіи. Ясно, что эти таинственныя видѣнія впечатлѣвались въ сердцахъ и воображеніи нашего народа подъ руководствомъ духовныхъ учителей!—Вторая часть посланія, полемическая, направленная противъ Латинской церкви, исполнена раздраженія, объясняемаго временемъ. Она гораздо слабѣе первой. Сравненія Латинской церкви съ птицей зогзулей и съ рыбой амуромой нисколько не могли быть назидательны для защитниковъ православія и, конечно, еще менѣе для его противниковъ.

У насъ дома была тогда и своя забота объ удержаніи іерархическаго единства. Отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, возбуждало опасеніе Московскихъ іерарховъ. Въ Кіевъ же былъ присланъ изъ Рима митрополитъ Григорій¹³⁾, поставленный въ Царьградѣ лжепатріархомъ Григоріемъ Маммою. Многія посланія и грамоты относятся къ этому событію. Святитель Іона писалъ посланія къ Литовскимъ боярамъ и панамъ, къ Князю Кіевскому

Александрѣ Владиміровичѣ объ единствѣ митрополіи, къ Смоленскому епископу Мисаилу, къ Черниговскому Евѣимію, къ епископамъ Литовскимъ о томъ, чтобы не признавали Кіевскаго митрополита Григорія, къ Новгородскому архіепископу Іонѣ о томъ, чтобы ограждалъ паству свою отъ навѣтовъ лжемитрополита, къ Литовскимъ князьямъ, сановникамъ и мірянамъ объ единствѣ въ православной вѣрѣ и объ удаленіи отъ Исидоровыхъ единомышленниковъ¹⁴). — Русскіе епископы (1458) сходятся въ соборную церковь Успенія въ Москвѣ, у гроба Святаго Петра митрополита, чудотворца Русскаго, и соборною грамотою утверждаютъ единство Русской митрополіи въ лицѣ святителя Іоны, отрекаясь отъ Григорія. Тѣ же епископы пишутъ посланіе (1459) къ епископамъ Литовскимъ противъ Григорія за Іону¹⁵). — Митрополитъ Θεодосій, наслѣдникъ Іоны (1461), продолжаетъ тѣ же убѣжденія къ Новгородскому святителю Іонѣ¹⁶). Іоаннъ III самъ пишетъ подобную грамоту тому же святителю¹⁷). Въ Новгородѣ вольные граждане, противившіеся властолюбію Іоаннову, грозили отпаденіемъ отъ православія: сильно убѣжденіями и словомъ посланіе митрополита Филиппа къ вольнымъ мужамъ Новгорода и къ священникамъ всѣхъ семи соборовъ Новгородской земли¹⁸).

Русская Церковь была опорой Русскаго государства въ устроеніи единодержавія, положившаго конецъ губительнымъ удѣламъ. Многія посланія духовенства посвящены этой мысли, — и здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ нибудь, убѣдительное слово обратилось въ очевидное дѣло. Первое мѣсто между памятниками этого благотворнаго краснорѣчія нашей Церкви занимаетъ Посланіе Русскаго духовенства къ Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу. Карамзинъ назвалъ его *достопамятнымъ* и привелъ значительный изъ него отрывокъ въ своей исторіи¹⁹). Димитрій Шемяка представляетъ послѣднее нравственное безобразіе удѣльныхъ междоусобиць Россіи. Память его неправдъ и незаконій осталась въ народной пословицѣ о Шемякиномъ судѣ, дожившей и до нашего времени. Сильно и смѣло укоряютъ Русскіе святители этого гордаго противника власти Великокняжеской. Изложимъ главные ихъ упреки.

Душегубный врагъ рода человѣческаго діаволь *позавидѣлъ* праотцу нашему Адаму и положилъ въ сердце ему *равнобожество*, и восхотѣлъ праотець нашъ *обожитися* и *равенъ Богу быти въ разумннги*, но за то осужденъ былъ и *самомнѣтельствомъ* обоженія пострадалъ. Такъ и отецъ твой, Князь Юрій Димитріевичъ, покушался на великое княженіе, какъ древній нашъ праотець Адамъ къ обоженію! И въ Орду отецъ вашъ къ Царю ходилъ, и всему православному Христіанству была отъ него въ началѣ истома и великіе убытки, а княженія великаго не досягнулъ, потомучто ему Богомъ не дано, ни *земскою изъ начала погнмною*. Чтоже вышло? Великаго Князя Василія Васильевича согналъ, а потомъ самъ съ Великаго Княженія *въ пяти человекѣхъ съгналъ*. Такъ и братъ твой, Князь Василій, восхотѣлъ того же не отъ Божіей помощи и воли, но отъ

гордости и высокомыслія: сколько христіанской хрови пролилося, а Богъ ему не попустилъ. Воспомянемъ и тебя самого. Когда безбожный Царь Махметъ приходилъ къ Москвѣ, Великій Князь Василій Васильевичъ сколько пословъ по тебя посылалъ и сколько писалъ къ тебѣ грамотъ, а ты къ нему не пошелъ,—и много хрови христіанской пролилося, и какое множество Христіанства въ поганый полонъ пошло, и сколько святыхъ Божіихъ церквей разрушилось, и сколько дѣвицъ растлѣнено, а *все то въ твоємъ небреженіи, и видится намъ, что все то все-сильный Богъ отъ твоихъ рукъ взыщетъ*. Потомъ безбожный Царевичъ Мамотякъ приходилъ къ городу Суздалью: и Великій Князь Василій Васильевичъ съ своею братією, боярами, дѣтьми боярскими, воинствомъ, вышелъ на поганыхъ — и братья его сколько ранъ понесли! Князь Михаилъ въ полонъ уведень! и сколько за вѣру православную въ томъ бою бояръ и дѣтей боярскихъ и иныхъ людей побито: они мученически къ Богу отошли, *имъ же вѣчная память!* а по тебя Великій Князь сорокъ пословъ посылалъ, зовучи за христіанство помогати: *и ты ни самъ къ нему не поѣхалъ*, ни воеводъ своихъ съ своими людьми не послалъ, — и сколько тутъ хрови христіанской пролилося, и сколько въ полонъ уведено, за *все то Богъ отъ твоихъ рукъ взыщетъ*.

Потомъ, когда Богъ милостію своею Великаго Князя отъ поганыхъ освободилъ,—дѣволъ снова вооружилъ тебя желаніемъ самоначальства, и ты замыслилъ разбойнически, *нощетаствомъ* изгнать его, и сотворилъ надъ нимъ не менѣе Каина и Святополка. Разсуди самъ въ себѣ: какое благо сотворилъ ты православному христіанству? чѣмъ самъ себя *попользовалъ*? сколько *погосподарствовалъ*? въ какой жизни пожилъ? *не все ли въ суетѣ и въ прескаканьи отъ мѣста до мѣста*, во дню томимый мыслями, въ ночи мечтами сновидѣнія? *Ища и желая большаго, и меньшее изгубилъ*. А Божією милостію Князь Великій опять на своемъ государствѣ: кому дано что отъ Бога, того не можетъ у него отнять никто.

Или ослѣпила тебя душевная слѣпота, и возлюбилъ ты временную и преходящую честь и славу княженія и начальства, и захотѣлось тебѣ слышать, какъ зовутъ тебя и именуютъ Великимъ Княземъ? Или златолюбіемъ ты объять, или женовнимателенъ и женопокоренъ, какъ Иродъ?... А святія епитрахили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими рѣчами; а надѣмся, что и самъ знаешь, чѣдъ суть тѣ святія епитрахили: онѣ *воображеніе* муки Господа нашего Иисуса Христа при спасительномъ его распятіи, а ты сквернишь ихъ злыми рѣчами, не какъ христіанинъ, но и поганыхъ горше. Епитрахили наши твоимъ рѣчами не могутъ скверниться никакъ, но только самъ ты свою душу губишь.

Слѣдуетъ исчисленіе условій, которыя сдѣланы были между Великимъ Княземъ и Углицкимъ Дмитріемъ и утверждены крестнымъ цѣлованіемъ: ими сей послѣдній обѣщался — *держать своего брата старѣйшего Великаго Князя*

Василія Васильевича честно и грозно, вездѣ за одинѣ, до своего живота; друзьямъ его быть другомъ, а недругамъ недругомъ; о добрѣ его и лихѣ повѣдать ему правду; Орду управлѣвать и знать Великому Князю, а ему, Углицкому, давать только выходъ, и проч.

Но все эти условія были имъ нарушены, и крестное цѣлованіе ни во что вмѣнено. „Мы,—такъ продолжаютъ духовные слово своего наказанія,—о прежнихъ твоихъ дѣлахъ ужъ не много говоримъ, но скажемъ теперь о нынѣшнемъ твоёмъ преступленіи. Ты обѣщаль съ Великимъ Княземъ быть вездѣ за одинѣ, а самъ ссылаешься съ иновѣрцами, съ поганствомъ, съ другими землями. Посылаешь къ Новгороду просить его о помощи, какъ будто на Татаръ, что *изневолили* нашу отчину Москву, а самъ *злохитрствуешь* на брата своего старѣйшаго, на Великаго Князя, — и если Татары во христіанствѣ живутъ, то чинится ради твоего съ братомъ старѣйшимъ Великимъ Княземъ неуправленья, *и ты слезы христіанскія встѣ на тебѣ же....* Не ты ли обѣщаль держать брата твоего *честно и грозно*; повѣдать ему о добрѣ его и лихѣ? и что же? *идѣ его честь и его гроза? Какъ ты блюдеши подѣ нимъ его отчину, все его Великое Княженіе? А ты самъ посылаешь вездѣ на его мѣхо, на его кровь, какъ всюду во христіанство, такъ и въ бесерменство, къ Новгороду къ Великому посылаешь, ко Князю Ивану Андреевичу посылаешь, къ Вятчаномъ посылаешь, а въ Вятку тебѣ по крестному цѣлованью и не должно вступаться“.*

Отъ упрековъ переходитъ Церковь къ умиленнымъ просьбамъ и увѣщаніемъ: „О томъ тобѣ своему господину и воспоминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, поберези своей души и своего христіанства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, братомъ передъ старѣйшимъ, передъ Великимъ Княземъ, исправися во всемъ чисто“. — Держась не одной стороны Великаго Князя, а наблюдая выгоды и права Князей удѣльныхъ, Церковь является безпристрастною и примиряющею посредницею между обѣими сторонами, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „А мы, господине, ваши богомольци, по своему долгу. били есмь за тебе челомъ своимъ господину, а твоему брату старѣйшему Великому Князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій Великій Князь, какъ ему Богъ положилъ на сердци, нашего слова своихъ богомолцевъ послушалъ, а тебе своего брата жаловати хочеть и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управлѣваться срокъ, по Крещеньи двѣ недѣли“.

Въ заключеніе повторенныхъ нѣсколько разъ кроткихъ убѣжденій Церковь заключаетъ угрозою въ случаѣ неисполненія.... „Ино то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себе наложишь тягость церковную духовную, по Господню глаголющему словеси: „егоже аще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и его же аще свяжете на земли, и будетъ связанъ на небесѣхъ“, и паки: „слушая

вась мене слушаеть, а отметаийся вась мене ся отмещеть, а отметайся мене отмещется и пославшаго мя“.

И если ты не обратишься къ Богу и къ своему брату старѣйшему къ Великому Князю съ чистымъ покаяніемъ, — тогда чуждъ будешь Бога и Церкви Божіей, *и не будетъ на тебѣ милости Божіей и Пречистыя его Богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ Великому Князю Василію Васильевичу црловалъ*, „и по святымъ правиломъ проклятъ да будешь отъ Св. Апостоль и отъ Св. богоносныхъ Отець, отъ всѣхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши . . . Такожь и нашего смиренія, святительскаго и священническаго не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ си вѣкъ ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто имѣеть тобѣ думати, и нашу кровь къ тобѣ приставати и побърати или спѣшествовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на великаго Князя лихо и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіанства на неустроеніе и на негишину. А въ томъ твоёмъ неисправленіи какова, по грѣхомъ, кровь христіанская прольется, и христіанская кровь вся на тобѣ же будетъ“²⁰).

Митрополитъ Іона (1448)²¹), окружною грамотою сановникамъ и народу объявляя о поставленіи своемъ, обнаруживаетъ измѣну Князя Дмитрія Юріевича, нарушившаго крестное цѣлованіе^е передъ Великимъ Княземъ, и убѣждаетъ всѣхъ отложиться отъ измѣнника и покориться Василію Васильевичу, если не хотятъ, чтобы кровь христіанская на нихъ отъ Бога взыскалась; въ противномъ случаѣ угрожаетъ отлученіемъ церковнымъ. „Коли вашимъ ожесточеніемъ еще кровь христіанская прольется, тогда ни христіанинъ кто будетъ именуяся въ вашей земли, ни священникъ священствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія“.

Въ посланіяхъ, писанныхъ между 1448 и 1458 годами²²), митрополитъ Іона обращаетъ вниманіе Новгородскаго архіепископа на междуусобныя распри, убійства и кровопролитія, совершаемыя въ Новгородѣ; даетъ ему, какъ пастырю, наставленія, почерпнутыя изъ Пророковъ и Святыхъ Отцевъ, особенно же изъ Іоанна Златоуста. За тѣмъ слѣдуетъ особое увѣщаніе къ посаднику степенному и старымъ посадникамъ, тысяцкому степенному и старымъ тысяцкимъ, къ боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и всему великому Новгороду: здѣсь главный пастырь Церкви словами Писанія убѣдительно говоритъ противъ гнѣва и ярости и призываетъ людей къ покаянію, именуя его *корнемъ жизни*. Изъ этихъ обоихъ посланій узнаемъ мы нѣкоторыя любопытныя подробности. Видно, что они читались всенародно, по всему вѣроятію, въ церкви; что архіепископы обязаны были сами въ этихъ случаяхъ наставлять проповѣдію народъ и власти; что, кромѣ того, наставленія подобнаго рода поручались отъ архіепископовъ священникамъ. Вотъ

мѣста изъ посланій, подтверждающія нами сказанное: „И того ради, сынове, и вашему отцу, а нашему о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смѣренія, Архіепископу Великаго Новгорода Владыцѣ Евѣимію, нѣчто есмы малое въкратцѣ отъ божественнаго писанія написали въ вашу душевную ползу; и то, Богъ дастъ, сынове, писаніе наше грубое послушайте, и отъ своего отца, а нашего сына, и святителя нашего и учителя словеса и наказаніе услышите же, чѣмъ его Богъ милосердый челоуколюбецъ и святыи всесильный его Духъ божественный наставитъ; а васъ, нашихъ духовныхъ дѣтей, Богъ вразумитъ и писанія и наказанія отца вашего послушати, и внимати, и повиноватися, за свою духовную ползу“. — Въ посланіи же къ самому архіепископу митрополитъ такъ выражается: „И благословляю тебя, своего сына и брата, яко да и самъ наказуеши и научаеши своими словесы, и священникомъ вспъмъ заповѣси, яко киждый отъ нихъ наказуетъ и учитъ своихъ дѣтей духовныхъ отступити и отлучитися всякаго зла дѣла“.

Тотъ же святитель Іона пишетъ (1451—1452) въ Тверь къ епископу Іліѣ, чтобы говорилъ Тверскому Великому Князю Борису Александровичу, билъ челомъ и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, объ отсылкѣ своихъ воеводъ къ В. Князю Василю Васильевичу на безбожныхъ Татаръ, *съ своими со многими людьми, за святыя Божіи церкви и за все православное христіанство*... Занеже, сыну, вѣдомо тебѣ, что тамо учинитея, великимъ Божиимъ милосердіемъ, тому Великому Государю Великому Князю которое что добро, къ строенію христіанскому и тишинѣ, и то обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства вообще добро.... И о томъ, сыну, Богу вѣдущу, по Пророку: „исчезосте ми очи отъ слезъ“ и непрестанное моленіе имѣю къ Богу, по своему святительскому долгу, о любви и о соединеніи Великимъ Государемъ нашимъ православнымъ, и о благостроеніи и тишинѣ нашему всему великому православію; а тебя, своего сына, благословляю, чтобы еси о томъ великомъ дѣлѣ великое попеченіе имѣлъ²³...

Въ посланіи къ Новгородскому архіепископу Евѣимію (1452—1453), отличающемся чрезвычайно простымъ, сильнымъ Русскимъ слогомъ, митрополитъ Іона является благоразумнымъ и великодушнымъ посредникомъ между властію Великаго Князя Московскаго и Великимъ Новгородомъ. Такое же мѣсто посредника занимаетъ онъ между тою же властію и Псковомъ, какъ свидѣтельствуется посланіе ко Псковичамъ, писанное между 1455 и 1461 годами²⁴). — Нельзя не замѣтить, какъ въ первомъ изъ сихъ посланій выдаются изъ формъ грамматики полу-славянской обороты и выраженія чисто Русскія, какъ напримѣръ: „Великій Новгородъ и Псковъ прислали своихъ пословъ (пословъ, такъ и есть, прислали людей великихъ), но прислали ни съ чѣмъ“... Или: „чтобы и то могло быти, Князь бы Велики свое сердце облегчилъ, грубость бы его къ себѣ отложилъ, а и

пожаловать бы его потому“. — Или еще: „чтобы далъ Богъ, свелося все добро, какъ бы милостію Божіею всему православному Христіанству въ прокъ лучше было“.

Посланіе митрополита Іоны (1454) Смоленскому епископу Мисаилу объ измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго Князя Іоанна Андреевича и о наблюденіи, чтобы онъ не учинилъ вреда отчинамъ Великокняжескимъ, показываетъ еще разъ, какъ Церковь участвовала дѣятельно въ устроеніи единой державы Русскаго и преслѣдовала строго всѣхъ тѣхъ, которые противились сотредоточенію власти въ новомъ отъ Бога назначенномъ центрѣ Русскаго Государства — въ Москвѣ²⁵). Грамота митрополита Филиппа къ Новгородцамъ (1471) и Посланія митрополита Геронтія къ Вятчанамъ (1486 — 1489)²⁶) смиряли буйную вольность вѣчеваго города и его колоніи.

Новгородъ тянулъ къ Литвѣ и колебался въ православіи. Митрополитъ Филиппъ пишетъ къ Новгороду: „А и то, сынове, разумѣйте: царствующій градъ и церкви Божія Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ ли солнце сіяло въ благочестіи? А какъ оставя истину, да съединился Царь и Патріархъ Іосифъ съ Латиною, да и подписалъ Папѣ злата дѣля, и безгоднѣ скончалъ животь свой Іосифъ Патріархъ, не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ Турецкихъ ли рукахъ и нынѣ? Вы пакъ такъ ли не чаете Божія гнѣва? Колико лѣтъ прапращури ваши и пращури, и прадѣди и дѣди, и отци ваши, отъ которыхъ вы и до сего времени, а своя старина держалися неотступно отъ своея господы отъ Великихъ Князей Рускихъ; а какъ до васъ дошло, *на конци послѣдняяго времени*, какъ бы надобѣ душа своя челоуѣку спасти въ православьи, и вы, въ то время все оставя, да за Латинскаго Господаря хотите закладыватися“?

Посмотримъ теперь, какъ наше церковное слово въ XV вѣкѣ участвовало въ освобожденіи отечества отъ варварскаго ига, которое тяготѣло надъ нимъ два вѣка съ половиною. Церковь сочувствовала народной власти и давно уже въ важныхъ случаяхъ подкрѣпляла Князей въ мысляхъ о независимости. Устроивъ единой державѣ въ государствѣ, она сознала и необходимость и возможность исполнѣ вернуть ему свободу.

Въ 1480 году ханъ Ахматъ, подкрѣпляемый совѣтами Литвы, покрылъ своими полчищами берега Угры и Оки, которая, какъ поясъ Богоматери, по народному выраженію того времени, охраняла сѣверъ Россіи отъ Татаръ. Іоаннъ послалъ часть войскъ своихъ на берега обѣихъ рѣкъ, а самъ оставался въ Коломнѣ. Оттуда онъ пріѣхалъ въ Москву за совѣтомъ и думою. Его мать, Великая Княгиня Марѳа, митрополитъ Геронтій, духовникъ его Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, молили Іоанна подвизаться за православное христіанство. Іоаннъ снова поѣхалъ на Угру; но тамъ мнѣнія колебались. Одни хотѣли упорно драться, другіе совѣтовали бѣжать. Малодушные бояре Ощера и Григорій Мамонъ, близкіе

къ Іоанну, нашептывали ему о постыдномъ мирѣ. Въ это время Церковь своимъ словомъ подкрѣпила Государя.

Къ событію относятся два посланія къ Іоанну. Одно соборное, отъ 13-го Ноября 1480 года, писано отъ всего Русскаго духовенства и митрополита Геронтія во главѣ его къ В. Князю на Угру²⁷⁾. „Добрѣ стойте, говоритъ Церковь ему вмѣстѣ съ его князьями, боярами и воеводами, за домъ святыхъ и живоначальныхъ Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и за домъ Пречистые Богородици и великаго чудотворца Петра Митрополита, и за вся Божія святыхъ церкви всеа Русскія земля, и за свою святую чистую нашу пречестнѣйшую вѣру, яже во всей поднебеснѣй, якоже солнце, сіяше“... Да пошлетъ тебѣ Господь свыше, на помощь вашу, скорого своего Архистратига Михаила, Воеводу небесныхъ силъ, бывшаго древле помощника Гедеоу на Мадіамы... А ежели, господинъ и сынъ, во ополченіи вашего пречестнаго подвига и благочестія, случится кому отъ православныхъ на той брани убыену быти, за домъ Пресвятыя Богородицы и за святыхъ церкви, и за все множество народа людей православныхъ, ихъ же Христосъ искупилъ честною своею кровью, — тотъ, по реченному Господню словеси, второе святое крещеніе, мученическое приметъ и пролітіемъ своей крови очистится.... Вамъ за оружіе и за благостраданіе тѣлесное вѣчныхъ благъ воспріятіе, и за мечное утѣченіе съ мучениками радованіе.

Второе посланіе²⁸⁾, написанное духовникомъ Іоанна, старцемъ Вассіаномъ, и отправленное также на Угру, можетъ быть названо истиннымъ перломъ въ памятникахъ отечественнаго краснорѣчія. Мы приведемъ его въ извлеченіи.

Напомнивъ государю слова, сказанныя въ Москвѣ м. Геронтіемъ и подтвержденныя всѣмъ предстоявшимъ духовенствомъ въ то время, когда онъ пріѣзжалъ въ столицу, *добраго ради совѣта и думы*, такъ продолжаетъ Вассіанъ: „Какъ добрый пастырь, *вземъ* Бога на помощь и пречистую Его Матерь и святыхъ Его, и святительское благословеніе, и всенародную молитву, крѣпко вооружась силою честнаго креста, ты исходилъ противъ окаяннаго волка Ахмата, желающаго исхитить словесное стадо христовыхъ овецъ. По твоемъ отшествіи, мы со всѣми христіанами по всѣмъ церквамъ непрестанно совершаемъ молитвы. Нынѣ же слышимъ: когда бесерменинъ Ахматъ приближается, губя Христіанъ и хвалясь на тебя и на твое отечество, ты смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, дышущему однимъ гнѣвомъ и хотящему до конца разорить христіанство. Дошло до нашего слуха, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ на ухо льстивыя слова и совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить... Внимай не имъ, а себѣ и всему стаду, въ немъ же Духъ Святой поставилъ тебя. Боголюбивый царь вседержавный! послушай Павла, общающаго такимъ гнѣвъ Божій; послушай самого Господа глаголющаго: аще око твое соблазняетъ тя, истени е, или рука или нога, отсѣчь ю. Богъ разумѣетъ не чувственное око,

руку или ногу, а ближнихъ нашихъ, предлагающихъ неблагое. Они, мнимые христіане, совѣтуютъ тебѣ, повергнувъ щитъ свой и оставивъ христіанство и отечество, бѣгуномъ скитаться въ иныхъ странахъ. Помысли, велемудрый Государь! отъ такой славы въ такое безчестіе сводятъ твое величество, толикимъ тьмамъ народа погибшимъ и церквямъ Божиимъ разореннымъ и оскверненнымъ, — и кто, каменносердеченъ, не восплачется о сей гибели? Убойся и ты, о пастырь! не отъ твоихъ ли рукъ тѣхъ кровь взыщетъ Богъ по пророческому слову, — и куда хочешь убѣжать или гдѣ воцариться, погубивъ врученное тебѣ отъ Бога стадо? Слыши, что Пророкъ глаголетъ: аще разыграешься яко орелъ и аще посреди звѣздъ гнѣздо свое сотвориши, то и оттуду ты свергу, рече Господь... Куда отходишь, пастырь добрый! кому оставляешь насъ, какъ овецъ неимущихъ пастыря?... Не слушай тѣхъ, что хотятъ твою честь ввести въ безчестіе, славу твою предложить въ безславіе и бѣгуномъ тебѣ явиться, и предателемъ христіанскимъ. Отложи весь страхъ: возмогай о Господѣ. Единъ поженетъ тысящу, и два двигнетъ тьмы. Ихъ боги не нашъ Богъ. Лукъ сильныхъ изнеможетъ; немощные препоянутся силою. Внемли, что говоритъ Демокритъ философъ: Князю подобаетъ имѣть умъ ко всему временному, на сопостатовъ крѣпость и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и сладкій привѣтъ. Вспомни слова Христовы: блаженъ человекъ, иже положить душу свою за други своя. Поревнуй прародителямъ твоимъ: не только обороняли они Русскую землю отъ поганыхъ, но и другія страны подъ себя принимали. Припомни Игоря, Святослава, Владиміра, бравшихъ дань съ царей Греческихъ. Припомни Владиміра Мономаха, какъ бился онъ съ окаянными Половцами за Русскую землю и иныхъ многихъ. Припомни Димитрія, какое мужество показалъ онъ надъ окаянными сыродцами, какъ не убоился Татарскаго множества, но, забывъ жену и дѣтей и не усомнясь, рѣшился на подвигъ, желая исхитить изъ волчьихъ устъ Мамая словесное стадо овецъ Христовыхъ. И Господь помогъ ему — и онъ нынѣ похваляемъ и славимъ, не только отъ человекъ, но и отъ Бога: Ангеловъ удивилъ и людей возвеселилъ своимъ мужествомъ, а воины его, какъ первые мученики, пріяли вѣнцы мученія. Если ты поревнуешь ему, Богъ поможетъ и тебѣ, и покоритъ враговъ подъ ноги твои, а воины твои, крестясь вторымъ крещеніемъ, какъ святые мученики своею кровію, воспріимутъ отъ Вседержителя вѣнцы нетлѣнные и радость неизреченную, какой ни око не видѣло, ни ухо не слышало, и какая на сердце человекъ не взошла.

„Если же ты вопреки сему скажешь: мы подъ клятвою отъ прародителей — не поднимать руки противъ царя — послушай, Боголюбивый царь! — когда клятва дана по нуждѣ, прощать и разрѣшать отъ нея повелѣно намъ. Такъ святѣйшій митрополитъ, и мы, и весь Боголюбивый соборъ, прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ тебя, не яко на царя, но яко на разбойника и хищника и богоборца. Лучше *составши животъ* получить, нежели *истинствоу* погибнуть, пуская тѣхъ

въ землю на разрушеніе и потребленіе всего христіанства. Который пророкъ пророчествовалъ, который апостоль или святитель научилъ тебя, великаго Русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться сему богостудному и самозванному царю?—Ради согрѣшеній нашихъ, и еще болѣе ради отчаянія, ради того, что мы не уповали на Бога, попустилъ онъ Батя поработить нашихъ прародителей, и поплѣнить землю нашу, и воцариться надъ нами, ему не царю и не отъ царскаго рода. Мы прогнѣвали тогда Бога, и Богъ наказалъ насъ, какъ чадолубивый отецъ, по словамъ Апостола: кого Богъ любить, того наказуетъ какъ сына. Но Онъ проститъ, если ты покаешься, Государь, отъ всего сердца и, прибѣгнувъ подъ его крѣпкую руку, общаешься всѣмъ умомъ и всею душою не согрѣшать болѣе: ибо человѣческое дѣло падать грѣхомъ и возставать покаяніемъ, ангельское не падать, бѣсовское не вставать и отчаяваться, — если сотворишь судъ и правду посреди земли, не будешь никому насиловать и покажешь милость къ согрѣшающимъ. Кайся не словомъ, а сердцемъ, какъ благоразумный разбойникъ на крестѣ покаялся. Истинное покаяніе — перестать отъ грѣха. Если такъ покаешься, Господь освободитъ насъ отъ Ахмата, какъ Израилтянъ избавилъ отъ Фараона. Вспомни, какъ Господь посылалъ имъ Моисея, Исуса Навина, Гедеона, Сампсона: такъ и тебя пошлетъ освободителемъ намъ, новому Израилю. И такъ, Богомъ утвержденный Царь, царствуй ради истины, кротости и правды; престоль твой да будетъ совершенъ правдою, крѣпостью и судомъ, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь отъ Сіона. Такъ глаголетъ Господь: „Азъ воздвигохъ тя Царя правды. „призвахъ ты правдою, и пріяхъ ты за руку десную, и укрѣпихъ ты да послушаютъ „тебѣ языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю ти двери, и гради не затворятся. Азъ предъ тобою пойду, и горы поровняю, и двери мѣдныя сокрушу, и „затворы желѣзные сломя“. Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ тебѣ Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ въ вѣки. — Мы не перестанемъ отъ чистой вѣры молить о тебѣ, да одолѣешь враговъ, да разсыплются они поганые, омраченные молніею Бога, да лижутъ землю какъ голодные псы, и Ангель Господень да гонитъ ихъ. Мы радуемся и веселимся твоимъ подвигамъ, но помни слова: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

Есть лѣтописное сказаніе, что Иоаннъ исполнился веселія, мужества и крѣпости, прочитавъ это письмо; что единодушно, вмѣстѣ съ Государемъ, охрабрилось и все Русское воинство и съ тѣхъ поръ часто билось съ Татарами, стоя все лѣто и всю осень на берегахъ Угры и Оки.

Въ этомъ посланіи въ первый разъ такъ крѣпко сознается отечественная власть въ лицѣ народнаго Русскаго властителя и отвергается позоръ власти чуждой и варварской. Хотя нѣкоторыя лѣтописи говорятъ, что В. Князь не вдругъ еще послушалъ посланія владычняго и слѣдовалъ малодушнымъ внушеніямъ бояръ,

своихъ любимцевъ; но слово уже было сказано и запало въ душу, и принесло свой плодъ довольно скоро.

Власть единодержавная въ христіанскомъ властителѣ здѣсь отличена отъ власти грубой и безотчетной Ордынскаго Хана тѣмъ, что соединяется съ глубокимъ, искреннимъ, сердечнымъ покаяніемъ, какъ залогомъ совершенствованія чело-вѣческаго въ государѣ. Одною изъ силъ, помогающихъ въ освобожденіи отече-ства, признана и всенародная молитва.

Отношенія духовной власти къ свѣтской обозначились уже для насъ въ про-стодушныхъ назидательныхъ посланіяхъ Кирилла Бѣлозерскаго къ В. Князю Мо-сковскому Василю Дмитріевичу и брату его Андрею Дмитріевичу Можайскому²⁹). Кириллъ указываетъ на великія нравственныя обязанности князей въ отношеніи къ народу, умѣряетъ власть любовью, вноситъ миръ въ междоусобную вражду вѣка, уничтожаетъ преграды взаимнаго общенія людей во внутреннихъ таможняхъ, на-правляетъ вниманіе властителей на пороки народныя, на пьянство и на грубую брань, внушаетъ благоговѣніе, страхъ и трепеть при стояніи въ храмѣ Господнемъ.

Когда Іоаннъ III послалъ грозу свою и мечъ свой на мятежный Новгородъ и самъ *стлг на конь, хотя его добръ показити*, митрополитъ Филиппъ (1471) явился ходатаемъ за покоренныхъ Новгородцевъ передъ государемъ, уже торже-ствовавшимъ побѣду³⁰). Вотъ слова его: „о нихъ же много моля и прося челомъ бью, твоему великому благородію, чтобы, господине, пожаловалъ, смилвался надъ ними: пошлютъ къ тебѣ, къ своему Господарю, люди твои, отчина твоя, Великій Новгородъ, а тебѣ имутъ челомъ бити, и ты бы, господине, пожаловалъ еси при-принялъ, а меча бы еси своего поудержалъ, чтобы ся въ твоей земли многое крови христіанскыя не пролило промежду твоихъ людей“... Напоминаю тебѣ Гос-поднихъ устъ глаголющее слово: „будите, рече, милостивіи, якоже Отець вашъ небесный милостивъ есть; аще оставите челоуѣкомъ съгрѣшенія ихъ, и Отець вашъ небесный оставитъ вамъ съгрѣшенія ваша, и паки рече: „блажени милостиви, яко тѣи помиловани будутъ“... Богъ мира да будетъ съ твоимъ господствомъ“.

Въ Дмитровѣ народъ погибалъ отъ голода. Іосифъ Волоцкій (1512) пи-шетъ о томъ къ Дмитровскому Князю Юрію Ивановичу. Напомявъ ему изъ исторіи Греческихъ императоровъ попеченія ихъ о народѣ въ тяжкія времена го-лода и указывая ему на примѣръ брата его Василя Ивановича, онъ говоритъ: „Аще подобно тому и ты, государь, сътвориши въ своемъ государствѣ, оживиши нищія и убогія челоуѣки: занеже, государь, уже многіа нынѣ люди мрутъ голодомъ, а кромѣ тебя, государь, некому той бѣдѣ пособити“³¹).

Не такъ много находимъ мы грамотъ и посланій, которыми Церковь дѣй-ствовала бы на народъ прямо или чрезъ духовенство. Есть посланія м. Іоны въ Вятку къ воеводамъ ея и жителямъ (1452—1456), чтобы не воевали и не гра-били Сысола, Выми, и Вычегды, не жгли и не мучили звѣрски старцевъ, мужей и

младенцевъ. Святитель грозить мучителямъ: та кровь христіанская вамъ *отомляется*, и напоминаетъ близость кончины міра и страшнаго суда. При этомъ есть грамота съ упреками и угрозами къ Вятскому духовенству. Не знаемъ, называли васъ священниками, говоритъ святитель. Вы забыли, какову подобаеть священнику быти, якоже речеся: „идѣже желаютъ Ангели приинкнуги у страшнаго престола Христова“. — Тамошнія ваши духовныя дѣти незаконно живутъ, *понимая* женъ до пяти, до шести, до семи, а вы ихъ благословяете и приношенія отъ нихъ пріемлете, чѣмъ Богу мерзко. — Тѣ же упреки и угрозы повторилъ м. Геронтій въ двухъ своихъ посланіяхъ въ Вятку къ духовенству и народу (1486—1489), прибавляя, что онъ священникамъ велѣлъ, если не послушаетъ ихъ народъ, чтобы *церкви Божьи затворили и пошли изъ земли всѣ вонъ* ³²).

Замѣчательна грамота м. Филиппа (1471), которою онъ благословяеть Псковичей учредить шестой соборъ во имя святаго Божія входа въ Іерусалимъ, со ста и двумя священниками ³³). Новгородъ имѣлъ уже тогда семь такихъ соборовъ. — Въ Псковскомъ народѣ жили еще въ началѣ XVI вѣка остатки обрядовъ языческихъ, которые преслѣдовала Церковь. Игуменъ Елеазарова монастыря Памфиль писалъ намѣстнику и властямъ Пскова, чтобы прекратили языческія игрища въ день рождества Іоанна Предтечи, развалину отъ праздника Купалы, въ которой участвовалъ весь народъ ³⁴).

Есть посланія, изъ которыхъ видно, что Церковь дѣйствовала на семьи Князей и на отношенія господъ къ рабамъ. М. Іона (послѣ 1448 г.) утѣшалъ Новгородскаго князя Юрія Семеновича Лугвеніева, по случаю кончины супруги его Княгини Софіи, *воспомявая добрый нравъ ея и благое покореніе къ Богу и къ церкви Божіей* и говоря о смерти, что она *единъ мостъ общій, обиновенія не имущъ, велику же и малу, нищу и богату, праведному и грѣшному* ³⁵). — М. Іона обращаетъ строгое посланіе (послѣ 1455 г.) къ дѣтямъ ³⁶), не повинующимся матери, говоря словами изъ Священнаго Писанія: „всѣмъ сердцемъ прослави отца твоего, и рожденія матерня не забуди, вспомяни, яко отъ того родился еси: что воздашь имъ за то, чѣмъ они дали тебѣ?“ И паки: „какъ рабъ послужи родившему тебя: чѣмъ ты воздашь за даръ ихъ? они тебя родили, можешь ли ты таеже родить ихъ?“ Приточникъ сказалъ: „чтущій отца и мать свою самъ возвеселится о чадахъ“.

Но особенно замѣчательно прекрасное посланіе Іосифа Волоцкаго къ вельможѣмъ о помилованіи рабовъ (1479 — 1515) ³⁷). Приведемъ его въ извлеченіи. „Слухъ дошелъ до меня, господинъ, про твое благородство, что немилосердіе твое велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость великая тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не только недовольны, но и голодомъ тають и наготою страждутъ. Я грѣшный о томъ напоминаю тебѣ, помянувъ твою вѣру. Не лѣпо бы было мнѣ писать: самъ я грѣшенъ; какъ же восхищать санъ учитель-

скій? Но пишу не мои мысли, а что самъ слышалъ отъ божественныхъ писаній, какъ повелѣваютъ они не рабовъ въ нихъ имѣть, но какъ братію миловать, питать и одѣвать довольно, пецись о спасеніи душъ ихъ, наставлятъ ихъ на всѣ благія дѣла и отъ своихъ избытковъ творить милостыню нищимъ, чтобы души ихъ поставить передъ Богомъ чистыми и непорочными. А до меня, сынъ, грѣшнаго доходитъ такой слухъ про твое благородство, что твои рабы и сироты живутъ у тебя въ такой тѣснотѣ, что имъ не только нельзя дѣлать добрыхъ дѣла и творить другимъ милостыню, а сами голодомъ таютъ и отъ злыхъ обычаевъ удержаться не могутъ, не имѣя одежды, или пищи тѣлу, и ощущая скудость во всѣхъ нужныхъ потребахъ. Страшно, господинъ, говорить о томъ Божественное писаніе: бѣда великая, мученіе безконечное тѣмъ, кто не печется и не имѣетъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, не только дѣломъ ихъ насилуетъ, но ранами казнить, не даетъ одежды и пищи, и моритъ голодомъ; не печется о спасеніи душъ ихъ, но гордяся житіемъ суетнымъ и тщетнымъ, прелестями свѣта сего, не помышляетъ о томъ, и не помнитъ, что мы всѣ созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ мвромъ единымъ помазаны, всѣ въ рукахъ Господнихъ, кого хочетъ Онъ обнищеваетъ, и что всѣмъ намъ стать передъ единымъ Царемъ страшнымъ на Судъ его необъименномъ....

„Господинъ, Богъ на тебѣ Свою милость показалъ и государь тебя князь великій пожаловалъ: такъ и тебѣ, господинъ, подобаетъ своихъ клеветовъ пожаловать и милость показать къ нимъ... я же писалъ къ тебѣ не отъ слуха, а самъ ихъ нужду видѣлъ“.

Заключимъ изученіе церковныхъ посланій XV вѣка тѣми, которыя касаются собственно самой Церкви и ея внутренняго устроенія. Ихъ довольно ³⁸). Въ одномъ изъ посланій Ростовскій архіепископъ Θεодосій самъ осуждаетъ себя передъ лицомъ всего духовенства въ нарушеніи поста въ богоявленскій сочельникъ и проклинаетъ свой проступокъ. Въ другомъ онъ строго требуетъ, чтобы все духовенство его епархіи съѣхалось въ Бѣлозерскъ для исправленія церковныхъ потребъ и злоупотребленій. М. Θεодосій жалуется Псковичамъ на нихъ самихъ, что обижаютъ Софійскую отчину владыкъ Новгородскихъ; м. Филиппъ приноситъ тѣ же самыя жалобы Новгородцамъ. Новгородскій святитель Геннадій пишетъ м. Симону о необходимости устроить училища для просвѣщенія народа грамотою, безъ чего онъ изъ народа ставить священниковъ не можетъ ³⁹).

Особенно замѣчательны *Поученія священнослужителямъ* (1499). Постоянно, въ теченіи всѣхъ вѣковъ древней нашей жизни отъ самага начала у насъ христіанства, мы слышимъ глаголы Церкви, заботящейся о достоинствѣ пастырей народа, своихъ служителей. Въ поученіяхъ 1499 года, которыми повершается пятнадцатый вѣкъ, нельзя лучше сознать и поставить высокое званіе священника. „Потщись, пресвитерь, говорить поученіе, представить себя дѣлательемъ, непо-

стыдно правящимъ слово истины... Никого не прощай мзды ради: благодать Святаго Духа не продается на сребрѣ; не убойся челоуѣка, на грѣхъ тебя ведущаго, хотя бы и угрожалъ смертію; не предай сына Божія въ руки недостойныхъ; не устыдись никого отъ славныхъ земли, но стань какъ добрый воинъ Христовъ... Хранись отъ пьянства: оно оскверняетъ молитвы твои и помрачаетъ умъ: не *кощунай* — ты Богу совѣтникъ, и тѣло чистое блюди — ты Богу ходатай о людяхъ; хожденіе имѣй кроткое — ты стоишь на святомъ мѣстѣ; руки блюди отъ нечистоты — ими подѣмлешь тѣло Христово; чистъ имѣй языкъ отъ осужденія и злословія — имъ славить Бога; не обязуйся куплями житейскими, да всѣмъ сердцемъ печалуешь о порученномъ тебѣ стадѣ; читай книги часто, чтобы ими научать неразумныхъ... Служитель таинъ Христовыхъ, серафимъ ты плотный, служишь Христову тѣлу... Не приноси приноса на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ, отъ грабителя и властеля немилосердаго, отъ злобника, или кто томить челядь свою голодомъ и ранами и наготою... Явился во всемъ по имени твоему, а имена твои многи и велики, по Господню словеси и Святыхъ его: свѣтъ міру, соль земли, врачъ больныхъ, вождь слѣпыхъ, наставникъ блудящимъ, учитель и свѣтильникъ, око тѣлу церковному, столпъ премудрости, уста Божія, дающій миръ міру, ангелъ Господень, труба небесная, отецъ братіи твоей, къ Богу нудитель, міру молитвенникъ, подражатель Господень и Апостольскій подобникъ, источникъ воды, несущей въ источникъ не свое имя⁴⁰)...

Можно ли глубже и яснѣе сознать, даже и въ болѣе просвѣщенное время, высокое назначеніе священнослужителей Церкви, какъ сознавала его Церковь Русская въ XV столѣтіи, когда словомъ своимъ укрѣпляла свое единство съ Церковью вселенскою, поддерживала свое единство внутреннее противъ навѣтовъ внѣшнихъ, скрѣпляла силы государства единодержавіемъ; благославляла сверженіе позорнаго ига власти чуждой, воспитывала сознаніе власти отечественной, смягчала ея грозу передъ народомъ, внушала народу любовь къ ней и повиновеніе, устраивала узы семьи и въ домѣ учила сильныхъ миловать слабыхъ и пешихъ о нихъ.

Можетъ быть, не совсѣмъ некстати будетъ и въ наше время напомнить о той нравственной силѣ, которую имѣло Русское духовенство у насъ въ XV столѣтіи. Думаемъ, что эта сила, какъ бы ни ослабляли ее постороннія вліянія, всегда въ немъ присуща и готова къ пробужденію. Нельзя безъ сочувствія видѣть, какъ современно намъ оно сознаетъ свое призваніе, и со всѣхъ сторонъ раздаются голоса его въ нашемъ новомъ общественномъ движеніи. Государство пускай вспомнить теперь, что духовенству оно обязано было своимъ единствомъ и своею независимостью. Сословію, назначенному для воспитанія и укрѣпленія высшихъ духовныхъ силъ въ народѣ, не мѣсто стоять на низшихъ ступеняхъ лѣстницы сословія. Конечно, не награды, не почести свѣтскія могутъ возстановить

нравственную силу въ тѣхъ людяхъ, которые должны бы отъ людей восходить къ небу и начинать собою между нами чинъ ангельскій. Поражена была много духовная сила въ этомъ сословіи, какъ и во всемъ народѣ Русскомъ, со временъ Петровыхъ: теперь настало время сознать и возстановить ее. Прежде всего само духовенство должно тому содѣйствовать; но тогда только оно достигнетъ высшей своей цѣли, когда сознаетъ вполнѣ свои духовныя силы, возненавидитъ лести и ложь въ средѣ своей и полюбитъ одну животворную истину.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Источники для изученія жизни митрополита Ионы: Степенная книга. Т. II, стран. 69 — 97. Сказаніе отъ части житія, иже во святыхъ отца нашего Ионы Митрополита всея Русіи. Тоже самое Сказаніе встрѣчается и въ рукописяхъ: Библиот. В. М. Ундольскаго № 322. Но должно замѣтить, что здѣсь, въ заключительной похвалѣ Святому, нѣтъ упоминанія о митрополитѣ Макаріи, которое читаемъ въ Степенной Книгѣ, а именно отсутствуютъ слова: „Преосвященнаго же господина нашего Архіепископа Макарія Митрополита всея Росіи, правящаго престоль твой, въ мирѣ житіе исправити, и учительство Божія проповѣди исполнити, поспѣши ему, яко да будутъ и молитвы его дѣйственны и пріятны Богу“.—Творенія С. Отцевъ. 1846. Годъ IV. Кн. 2. Прибавленія. Святый Иона Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, стран. 222.—Житія Святыхъ Россійской Церкви. Спб. 1858. Мѣсяць Іюнь, число 15-е. Житіе Святителя Ионы, Митрополита всея Руси, стран. 153. Посланія Митрополита Ионы въ числѣ 12-ти напечатаны въ Актахъ Историческихъ Т. I. №№ 44, 46, 47, 51, 53, 60, 62, 63, 64, 65, 66.—Объ избраніи его всею землею Русскою см. № 41 въ Актахъ Историческихъ. Т. I.

2) Творенія Св. Отцевъ. Годъ 15-й кн. 2. 1857. Прибавленія. Митрополиты Московскіе: Θεодосій и Филипъ.—Труды митрополита Θεодосія. Статья въ Извѣстіяхъ И. Академіи наукъ. Т. II. Листъ 21. Посланія М. Θεодосія приведены будутъ ниже.—Сказаніе о бывшемъ чудеси у гроба иже во св. отца нашего Алексѣя митрополита всея Русіи чудотворца, о изцѣлѣвшемъ хромцѣ въ Софійскомъ Врем. II. 81—89. Слово на Рождество Богородицы обозначено въ вышепомянутой статьѣ въ Твореніяхъ Св. Отцевъ стран. 213. Слово похвальное Апостоламъ Петру и Павлу есть не что иное, какъ сокращеніе похвальнаго Слова Григорія Цамблака тѣмъ же Апостоламъ.

3) См. Обзоръ Русск. духовн. литературы, стран. 102.

4) Вассіанъ, современникъ Іоанна. Записка М. И. Сухомлинова. Напечатана въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ. Т. II. Л. 12 и 13. Здѣсь въ возможной полнотѣ собраны изъ лѣтописей всѣ извѣстія о Вассіанѣ, но не упомянуто о томъ, что онъ посланъ былъ митрополитомъ Іоною въ Кіевъ въ 1458 году. Также напрасно приписано ему сочиненіе Житія Пафнутія Боровскаго.

- 5) Акты Историч. Т. I. № 39.
- 6) Другая грамота къ тому же Царю Константину о поставленіи митрополита Іоны (1452) не была отправлена, можетъ быть, потому, что здѣсь слишкомъ рѣзко говорилось объ измѣнѣ Исидоровой (№ 262).
- 7) № 78.
- 8) № 103.
- 9) № 263.
- 10) № 264.
- 11) № 286.
- 12) Находится въ Сборникѣ бібліотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря за № 551, л. 261 на обор. подъ заглавіемъ: Посланіе нѣкоего доктора и великаго риторства именемъ Николаа отъ Немецкіа области. — Пишетъ же нѣкоему гну великіа области Васьяну Архіепископу Ростовскому... Можетъ быть, это посланіе лишь приписано Вассіану, а писано кѣмъ нибудь другимъ.
- 13) Этого Григорія смѣшиваютъ съ Григоріемъ Цамблакомъ, который скончался въ 1419 году. Тотъ же былъ въ Россіи въ 1460-хъ годахъ. Первая ошибка была сдѣлана въ заглавіи грамоты Іоанна III къ Новгород. архіеп. Іонѣ (1465—1470), напечатанной въ I-мъ т. Актовъ Археограф. экспед. подъ № 80. Отсюда она перешла и въ другія ученые сочиненія.
- 14) 1449 — 1459. №№ 45, 47, 62, 63, 65, 66, 273.
- 15) №№ 61 и 272.
- 16) № 275.
- 17) 1465—1470. Акты Археографич. Экспед. Т. I. № 80.
- 18) Акты Историч. Т. I. 281.
- 19) Т. V. 1819, стран. 335.
- 20) № 40.
- 21) № 43.
- 22) № 44.
- 23) № 51.
- 24) №№ 53 и 60.
- 25) № 56.
- 26) №№ 98 и 280.
- 27) № 90.
- 28) Степенная книга. Ч. 2, стран. 140. — Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. 6, стр. 225.
- 29) См. Ч. 3. Истор. Русск. Слов. стран. 127—130.
- 30) Акт. историч. Т. I. № 282.
- 31) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 216.
- 32) №№ 261, 267, 97, 98.
- 33) № 283.
- 34) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 22.
- 35) Акты историч. Т. I. № 46.
- 36) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 11.
- 37) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 213.
- 38) №№ 57, 64, 82, 104, 109, 265, 276, 277, 278, 283.

39) 1496—1504. Эту грамоту противники древней Руси приводятъ обыкновенно въ укоръ невѣжеству и безграмотности, опираясь на недоразумѣніи, къ которому подаетъ поводъ незнаніе дѣла. Въ древнія времена духовенство не образовывало у насъ касты. Въ Новгородѣ народъ избиралъ священниковъ на ставленіе и приводилъ иногда къ архіепископу такихъ людей, которые едва знали грамоту. Вотъ на что жалуется Геннадій и вотъ для какой цѣли предлагаетъ завести училища. Конечно, грамота была распространена преимущественно въ духовенствѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ у насъ безграмотные сыновья поповъ попадали въ *изгои*, т. е. изгоняемы были изъ своего сословія.

40) Тоже самое поученіе вставлялось въ ставленныя грамоты священникамъ, какъ нашель я въ рукописяхъ Іосифова монастыря.

ЛЕКЦІЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

Рукописи XV вѣка, обозначенныя годами. — Мѣста написанія ихъ. — Писцы. — Значительнѣйшія рукописи. — Геннадіевская Библия 1499 года. — 70 новыхъ обителей. — До 70-ти св. мужей. — Составители Житій: Епифаній, Пахомій Логоветъ, Иринархъ, Митроп. Спиридонъ, Вассіанъ, Θεодосій, клирикъ Василій, Палсій Ярославовъ, пресвитеръ Василій, Романъ, Савва черный, Иродіонъ. — Примѣры житій изъ устъ народа перешедшихъ на хартїи. — Лики и черты Святыхъ. — Черты историческія. — Сословія, изъ какихъ выходили Святые, преимущественно боярское и крестьянское. — Иноземцы въ числѣ Святыхъ. — Дѣйствіе святыхъ мужей на народъ и на власти. — Жизнь пустынныхъ отходниковъ. — Отрывки изъ Житій: Евѣимія Новгородскаго, Пафнутія Боровскаго, Зосимы Соловецкаго, Александра Ошевенскаго, Александра Свирскаго, Даниила Переяславскаго. — Общее заключеніе о житїяхъ. — Мысль о скоромъ преставленіи свѣта. — Зародыши и происхожденіе этой мысли въ Греціи. — Отголоски ея въ Русской Словесности отъ начала XIII. — Противорѣчїя Геннадія. — Ночь на 25 Марта 1492 года.

Рукописные памятники наши въ XV вѣкѣ все болѣе и болѣе умножаются. Въ печатныхъ каталогахъ древнихъ библиотекъ, описанныхъ Русскими Археологами, рукописи относятся, по большей части, къ XV-му и XVI-му столѣтіямъ. Дешевизна тряпичной бумаги, распространившейся у насъ въ XV вѣкѣ, конечно, была тому причиною; пергамень и бомбицина были дороже и не столько доступны писцамъ. Мы обратимъ вниманіе на рукописи, обозначенныя годами. Число ихъ уже такъ становится значительно, что невозможно да и ненужно называть всѣ. Мы упоминаемъ о тѣхъ, которыя чѣмъ либо особенно замѣчательны.

Сначала скажемъ о мѣстахъ, гдѣ писались книги. Іоаннъ Лѣтвичникъ 1421 года писанъ въ Царьградѣ, въ обители Вожіей матери Перивлепто. Рукопись хранится въ Іосифовомъ монастырѣ. Въ Звенигородской обители Саввы Сторожевскаго, въ 1408 — 1412 и въ 1428 годахъ, сдѣлано было два списка съ Устава церковнаго, подъ заглавіемъ: Око церковное, рукописи, которую въ Царьградѣ переписалъ Аѳанасій, игумень Высоцкаго Серпуховскаго монастыря, удалившійся

изъ Россіи въ 1392 году и полюбившій болѣе одинокую келью въ Константинополь, чѣмъ всѣ почести, какія предлагало ему отечество¹⁾. — Дошли до насъ переводы съ греческаго, совершенные на Аѳонской горѣ: Гавріиль, инокъ Лавры Хиландарской, перевелъ Толкованіе Олимпіодора Александрійскаго и другихъ на книгу Іова, въ 1412 году; инокъ Іаковъ и священникъ Венедиктъ въ 1426 году перевели на Славянскій и на Сербскій языки Шестодневъ Іоанна Златоуста или Бесѣды его на книгу Бытія въ то время, когда славный деспотъ Стефанъ правилъ Сербією и Боснією. Переводы Аѳонскихъ тружениковъ дошли до насъ въ ихъ собственноручныхъ рукописяхъ, но перевезены были въ Россію Арсеніемъ Сухановымъ, въ 1655 году, при Патріархѣ Никонѣ, какъ даръ горы Афонской²⁾. Но есть признаки, что иноки Аѳонской горы трудились тогда въ переводахъ съ Греческаго и для Русскихъ иноковъ: такъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ хранится Максима исповѣдника слово постническо по вопросу и отвѣту, переведенное съ Греческаго языка на Русскій во святой горѣ Аѳонской, въ лѣто 1425, куръ Іаковомъ доброписцемъ убогому Евсевію, непотребному Ефрему Русину³⁾.

Изъ надписаній мы видимъ, что языки Славянскій, Сербскій и Русскій считались тогда за одно. — Есть Евангеліе пергам. 1498 года, писанное въ Немецкомъ монастырѣ въ Молдавіи⁴⁾.

На рукописяхъ, писанныхъ въ Москвѣ, имя Москвы не обозначается; но, судя по благословенію Митрополитовъ, напримѣръ, Фотія или Геронтія, или именамъ Князей, для которыхъ писаны, можно заключать, что писаны въ Москвѣ: такъ, напримѣръ, Іоаннъ Лѣтвичникъ, перг. 1419 г. писанный по благословенію М. Фотія; Октоихъ 1455 года для Василія Темнаго. Имена же Московскихъ монастырей обозначаются на рукописяхъ: такъ напримѣръ, *на Симоновъ*, писанъ въ 1453 году, Іоаннъ Лѣтвичникъ и при немъ сочиненія Ипполита Папы и Палладія монаха объ Антихристѣ и второмъ пришествіи: въ томъ же монастырѣ Тактиконтъ Никона Черногорца въ 1461 году. Въ Андроньевѣ монастырѣ написанъ Изборникъ Святославовъ въ 1403 году.

Изъ городовъ славился своею рукописною дѣятельностію особенно Новгородъ. Съ нимъ въ этомъ соперничалъ и младшій братъ его Псковъ. Близъ Новгорода славилась тѣмъ же Хутынъ монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ Преп. Варлаамомъ, и гора Лисичья. Служебникъ, содержащій литургію Іоанна Златоуста безъ чина проскомидіи, въ 1400 году писанъ на Хутынѣ; Іоаннъ Лѣтвичникъ 1431 года, съ сочиненіями Григорія Синаита, Филоея, Исихія пресвитера и Нила, на горѣ Лисичьей. Полный списокъ Библии 1499 года писанъ въ Новгородѣ. Многія рукописи XV столѣтія принадлежатъ Ольгиной родинѣ — Пскову: особенно Лукинское Евангеліе 1409 года и Хронографъ 1494 года.

Древнѣйшія рукописи наши ведутъ свое начало изъ Новгорода и Пскова; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы оба эти города брали руко-

писною дѣятельностію перевѣсь надъ Москвою и древнимъ Кіевомъ. Явленіе объясняется тѣмъ, что до Новгорода и до Пскова не достигали погромы Татарскіе, и что древняя письменность безопасно могла въ нихъ храниться. Вотъ почему и Святители наши, ревновавшіе о распространеніи рукописей, обращались преимущественно къ книгохранилищамъ Новгородскимъ.

И отъ другихъ городовъ дошли до насъ рукописи, обозначенныя годами. Толкованіе на Евангелистовъ Іоанна и Луку писано въ 1434 году въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ, и тамъ же Кіевопечерскій патерикъ, въ 1461 году. Но древнѣйшая рукопись патерика, извѣстная подъ именемъ рецензій Арсеніевской, писана въ Твери. Мы о ней еще скажемъ.

Кромѣ Твери есть рукописи, дошедшія къ намъ изъ Смоленска, Углича, Ярославля, Коломны. Исаакъ Сиринъ писанъ полууставомъ въ 1428 году, въ Смоленскѣ, по повелѣнію Епископа Герасима, родомъ Москвитина⁵⁾. Въ Угличѣ славился письмомъ Ѳеодоръ Климовичъ Шараповъ: онъ написалъ въ 1485 году Псалтирь въ лицахъ, съ лицевыми изображеніями по сторонамъ, выбранными изъ текстовъ Священнаго писанія, а другой экземпляръ Псалтири съ возслѣдованіемъ въ 1491 году⁶⁾. — Въ Ярославлѣ дьякъ Ларіонъ въ 1494 году переписалъ Козьму Индикоплова и Палея, съ изображеніемъ творца книги и съ сорока раскрашенными картинами⁷⁾.

Монастыри, учрежденные въ XIV и XV столѣтіяхъ, отличались также письменною дѣятельностію. Есть рукописи, писанныя въ Звенигородскомъ монастырѣ Саввы Сторожевского; но въ самой обители ни одна не сохранилась. На древнѣйшихъ рукописяхъ Соловецкой обители, принадлежащихъ теперь Казанской духовной академіи, читаемъ имена Зосимы и Германа, основателей монастыря. Древностию рукописей, современныхъ началу обители, замѣчательны особенно монастыри Кирилло-Бѣлозерскій и Іосифовъ Волоколамскій. Въ первомъ находимъ духовное завѣщаніе Кирилла, Псалтирь 1424 года, канонникъ 1405 и другія книги, писанныя рукою Преп. Кирилла; нѣкоторыя книги писаны учениками его: Евангеліе пергам. въ 1416—1417 годахъ Христофоромъ и канонникъ 1423 года Мартиніаномъ. Въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ самъ Преп. Іосифъ написалъ своею рукою Евангеліе, Трїодъ постную въ 1460 году, еще до основанія обители, Богородичникъ въ 1489 году, Псалтирь; Сборникъ поученій, переложенныхъ съ Греческаго на Русскій въ 1343 году, переписанъ его повелѣніемъ въ 1490 году.

Кромѣ лицъ духовныхъ, писцами были и люди свѣтскіе, особенно дьяки. Такъ Новгородскую полную Библию для Архіепископа Геннадія, подъ руководствомъ архидіакона Герасима, писали на Архіепископскомъ дворѣ три дьяка: Василь Іерусалимскій, Гридя Исповѣдницкій и Климентъ Архангельскій. Одинъ изъ нихъ, Гридя, написалъ въ 1495 году Апостоль для Михаила Васильевича Кутузова и перевелъ его съ тетра на апракосъ, за что получилъ двойную плату.

Въ Москвѣ извѣстенъ былъ дьякъ Василій Мамыревъ, списавшій Обътоихъ для Василія Темнаго; имя дьяковъ Мамыревыхъ встрѣчается на рукописяхъ Иосифова монастыря. Въ Ярославлѣ славился дьякъ Ларіонъ, писатель Козьмы Индикоплова. Углицкій писецъ Шараповъ, вѣроятно, былъ также свѣтскій человѣкъ.

Три раза въ рукописяхъ XV вѣка, обозначенныхъ годами, встрѣчается Іоаннъ Лѣтвичникъ, писанный въ 1419, въ 1421 и 1431 годахъ. Видно, что онъ составлялъ любимое чтеніе нашихъ обитателей. — Нерѣдко встрѣчаются рукописи, украшенныя миниатюрными изображеніями: таковы Евангелія 1401 и 1409 годовъ, съ изображеніями Евангелистовъ, Палея Новгородская 1477 года, Углицкій Псалтирь 1485-го и Ярославскій Козьма Индикопловъ 1495 года.

Остановимся на рукописяхъ, наиболѣе замѣчательныхъ и извѣстныхъ по описаніямъ нашихъ археологовъ и филологовъ. *Четвероевангеліе 1401 года* принадлежитъ Румянцевскому музеуму. Оно извѣстно было Калайдовичу подъ именемъ Зарайскаго или Аверинскаго и описано въ его Іоаннѣ Экзархѣ, подробнѣе же А. Х. Востоковымъ⁸⁾. Писано оно на пергаментѣ, правописаніемъ Русскимъ, съ примѣсью позднѣйшаго Болгарскаго. Живописныя изображенія четырехъ Евангелистовъ тщательно расписаны красками и золотомъ. — *Патерикъ Кіевопечерскій* 1406 года, писанный на пергаментѣ въ Твери, принадлежитъ купцу Берсеневу въ г. Ржевѣ Тверской губерніи. Онъ описанъ подробно Кубаревымъ⁹⁾ и извѣстенъ подъ именемъ Арсеніевской рецензіи. Рукопись Патерика, хотя и первая по древности, но искажена въ текстѣ и неполна, потомучто изъ нея, по причинамъ мѣстнымъ, исключены нѣкоторые отрывки и въ числѣ ихъ одно важное свидѣтельство о Несторѣ лѣтописцѣ. — *Евангеліе* 1409 года, недѣльное (апракосъ), писанное на пергаментѣ, принадлежитъ Синодальной библіотекѣ. Оно описано было въ первый разъ Калайдовичемъ подъ именемъ Лукинскаго, потомучто писано дьякономъ Лукою, въ монастырѣ Св. Николы на Завеличѣ, въ предѣлахъ Псковскихъ, за рѣкою Великою, при посадникѣ города Пскова Романѣ Сидоровичѣ. Въ новое время его описывали профессора: Горскій, Невоструевъ и Буслаевъ¹⁰⁾. Оно украшено миниатюрными изображеніями трехъ Евангелистовъ Матвея, Луки и Марка; заставки и первыя заглавныя буквы изъ разныхъ перевитыхъ животныхъ особенно красивы. Въ формахъ языка находимъ борьбу народнаго устнаго употребленія съ книжнымъ преданіемъ, которое начинаетъ сильно вторгаться. Измѣненіе буквы ц въ ч обнаруживаетъ признаки Новгородскаго нарѣчія. — *Хожденіе Св. Іоанна Богослова*, описанное будто бы Прохоромъ, ученикомъ его, 1419 года. Въ библіотекѣ Румянцевскаго музеума это самая древняя рукопись, писанная на трипичной бумагѣ¹¹⁾. Хожденіе Іоанна Евангелиста, встрѣчающееся нерѣдко между памятниками нашей древней письменности, показываетъ, что наша древняя каноническая Русь была не такъ взыскательна къ апокрифическимъ сказаніямъ объ Евангелистахъ. — *Іоаннъ Лѣтвичникъ* 1431 года,

писанный на Лисичьей горѣ близъ Новгорода, находится въ Румянцевскомъ музеумѣ и описанъ А. Х. Востоковымъ¹²⁾. — Замѣчательна рукопись *Симеонова Изборника*, открытая мною въ Кирилло-Бѣлозерскомъ книгохранилищѣ. Она писана въ 1445 году. Въ ней имя Симеона, царя Болгарскаго, замѣняетъ имя Святослава и указываетъ на истинное происхожденіе Сборника 1073 года, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Святославова¹³⁾. — Замѣчательны также *Палея Синодальной библиотеки*, писанная въ 1477 году въ Новгородѣ дьякомъ Несторомъ, съ живописными раскрашенными рисунками въ текстѣ, и сходный съ нею *Хронографъ* 1494 года, писанный въ Псковѣ¹⁴⁾. Остановимъ вниманіе на полномъ экземплярѣ *Библии 1499 года*, которою такъ значительно завершаются рукописи XV столѣтія¹⁵⁾.

Мы имѣемъ превосходное описаніе Геннадіевской Библии, составленное профессорами Горскимъ и Невоструевымъ. Она писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, въ большой Александрійскій листъ, на 1002 листахъ. Пятокнижіе Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руѣ, Псалтирь и Притчи принадлежатъ къ первоначальному собранію ветхозавѣтныхъ книгъ у насъ и носятъ на себѣ признаки древнѣйшаго перевода съ Греческаго на Славянскій языкъ, особенно же пять книгъ Моисеевыхъ. — Двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Маккавейскія переведены съ Латинской Вульгаты и носятъ на себѣ слѣды варварскихъ латинизмовъ. Самое расположеніе книгъ ветхозавѣтныхъ, согласное съ Вульгатою, заставляетъ думать, что это полное собраніе книгъ библейскихъ въ одинъ кодексъ совершенно было тогда, когда изданіе Латинской Вульгаты въ XV вѣкѣ стало распространяться на Западѣ и дошло до насъ. — Четыре книги Царствъ переведены съ Греческаго, но не представляютъ признаковъ такой глубокой древности. Первые девять главъ книги Есеиръ переведены прямо съ Еврейскаго, и переводъ носить слѣды Польскаго происхожденія; но вторая половина той же книги, не сохранившаяся на языкѣ Еврейскомъ, переведена съ Латинской Вульгаты. Славянскій текстъ книги Іова извлеченъ изъ толкованія на нее Олимпіодора Александрійскаго и носитъ признаки глубокой древности, равно какъ и переводъ Псалмовъ. Притчи Соломоновы и Екклесіастъ, „сборникъ Царя Соломона“, какъ онъ названъ въ нашей Библии, переведены съ Греческаго; но книга Притчей на концѣ приведена въ порядокъ, сообразный съ текстомъ Еврейскимъ, по Вульгатѣ. Переводъ книги Премудрости, приписываемой Соломону, сдѣланъ съ Вульгаты, а переводъ Премудрости Иисуса сына Сирахова — съ Греческаго. Особенно замѣчательны древностью перевода книги Пророковъ, большихъ и малыхъ. У насъ сохранился этотъ переводъ въ двухъ спискахъ XV вѣка и въ одномъ спискѣ XVI-го, но списанный съ рукописи 1047 года, изготовленной попомъ Упиремъ Лихимъ для Новгородскаго Князя Владиміра Ярославича¹⁶⁾. Сличеніе текста обнаружило, что составители Библии

пользовались этою древнею рукописью, но располагали текстъ согласно съ Вульгатою и Еврейскимъ подлинникомъ. Книги новозавѣтныя издавна сохраняли у насъ глубочайшую древность Славянскаго перевода въ отдѣльныхъ рукописяхъ и не измѣнили ей также и въ полномъ составѣ Библии.

Великій этотъ трудъ—собрание всѣхъ переведенныхъ на Славянскій языкъ книгъ Священнаго Писанія въ одинъ полный кодексъ—совершенъ былъ Архіепископомъ Геннадіемъ въ Новгородѣ, вѣроятно, послѣ роковаго 1492 года, когда страхъ преставленія свѣта исчезъ, и оконченъ въ 1499 году, обозначенномъ на рукописи. Извѣстно, что издатели Острожской Библии пользовались этимъ трудомъ, который перешелъ и въ другіе списки, но исправляли однако текстъ по Греческому подлиннику¹⁷⁾. Нельзя не пожалѣть, что ученые описатели этого перваго по древности списка Славянской Библии не сличили въ новозавѣтныхъ книгахъ рукописнаго Апостола съ тѣмъ печатнымъ изданіемъ, которое совершенно было въ Москвѣ въ 1564 году.

Еще славный нашъ филологъ Востоковъ, разбирая и описывая рукописныя сокровища Румянцевскаго музеума, открылъ въ Пятонкижїи Моисеевомъ слѣды исправленій по Еврейскому тексту, совершенныхъ у насъ въ XV вѣкѣ¹⁸⁾. Въ недавнее время ученые Троицкой Лавры нашли случай подвергнуть открытіе филолога болѣе подробному изслѣдованію и, воспользовавшись двумя рукописями Пятонкижїи Моисеева, перевезенными изъ Іосифова монастыря въ Сергіеву Лавру, исчислили всѣ мѣста славянскаго перевода, исправленныя по Еврейскому подлиннику¹⁹⁾. Они пришли къ тому заключенію, что какой-нибудь выходецъ изъ Малороссїи или Литвы, знавшій хорошо Еврейскій языкъ и искушенный въ различїи текстовъ Еврейской Библии, совершилъ это исправленіе. Состояло ли оно въ связи съ великимъ трудомъ Геннадія, собиравшаго всю Библию въ одинъ полный кодексъ, рѣшить трудно; но извѣстно однако, что это исправленіе не вошло въ Геннадіевскую Библию, а осталось отдѣльнымъ. Замѣтить надобно, что въ этихъ исправленіяхъ не видно никакого особеннаго умысла и что они всѣ совершены не противно православному пониманію книгъ ветхозавѣтныхъ.

Въ Кирилло-Бѣлозерской обители, въ Сборникѣ XV вѣка, находится Псалтирь, переведенная съ Еврейскаго на Русскій языкъ вмѣстѣ съ 9-ю библейскими пѣснями по благословенію Митрополита Филиппа I, который святительствовалъ между 1464 и 1473 годами²⁰⁾.—Въ одномъ Сборникѣ Іосифова монастыря мы находимъ опытъ перевода на Русскій языкъ надписаній изъ Псалмовъ Нѣмецкой псалтири, совершенный въ 1500 году, и сравненія его съ текстомъ Латинской Вульгаты²¹⁾.

Семьдесятъ обителей основано было въ разныхъ концахъ Россїи. Мысль Сергіева продолжала неутомимое свое дѣйствіе. И сыновья, и внуки его по духовному родству, ученики учениковъ его, распространили пустынножителство въ

самыхъ отдаленныхъ краяхъ и въ самыхъ неприступныхъ дебряхъ Россіи. Сношенія съ Аеономъ были довольно часты въ этомъ столѣтіи: Арсеній Коневскій, Ниль Сорскій съ своимъ спутникомъ Иннокентіемъ Вологодскимъ, ученики Макарія Колязинскаго посѣщали Аеоны; Савва Крыпецкій, по преданію, самъ пришелъ оттуда, чтобы въ предѣлахъ Псковскихъ основать обитель. Никонъ, ученикъ Сергія, дѣйствовалъ въ Лаврѣ, имъ основанной, и твердо соблюдалъ всѣ подробности устава, введеннаго учителемъ. Никита, другой ученикъ Сергіевъ, былъ руководителемъ Пафнутія Боровскаго, который въ свою очередь образовалъ Іосифа Волоцкаго и многихъ другихъ. Кирилло-Бѣлозерская обитель на сѣверѣ была разсадникомъ пустынножителей: изъ нея вышли Мартиніанъ, Діонисій Глушицкій, ученики самого Кирилла, Савватій Соловецкій, Александръ Опевенскій, Корнелій Комельскій, Ниль Сорскій. Ей соревновала въ образованіи пустынныхъ отходниковъ обитель Валаамская, въ которой воспитался Александръ Свирскій. Островъ Соловецкій сталъ новымъ разсадникомъ духовной жизни, благодаря неустрашимости и подвигамъ Германа, Савватія и Зосимы. Сергіи Нуромскій и Павелъ Обнорскій, еще въ началѣ XV вѣка, тронули Комельскій лѣсъ въ предѣлахъ Вологодскихъ. Ученики Кирилла Бѣлозерскаго и Діонисія Глушицкаго проникли въ глубину самой его дебри. Прибережье Бѣломорское, области Новгородская, Псковская, Вологодская, берега Волги, Унжи, до предѣловъ Нижняго, не смотря на грозное сосѣдство Татаръ, служили мѣстами духовныхъ подвиговъ для нашихъ пустынножителей. Въ этомъ вѣкѣ, казалось, особенно искали они не роскошныхъ угодій природы, но самыхъ уединенныхъ, дикихъ, болотныхъ мѣстъ, для одинокой молитвы и для борьбы съ природою. Замѣчательно въ этомъ отношеніи чудесное преданіе о Паисіи Углицкомъ: онъ хотѣлъ сначала построить обитель свою на высокой горѣ, на берегу Волги, но зданіе самѣ чудеснымъ образомъ переносилось за рѣку на болото, и Богоматерь въ видѣннн Самы, наконецъ, указала ему это мѣсто для основанія обители.

До семидесяти святыхъ мужей украшаютъ нашу церковь въ XV вѣкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ начали свою подвижническую жизнь еще въ прошломъ столѣтіи и докончили въ первой половинѣ XV-го; другіе совершили ее въ продолженіе столѣтія; третьи, наконецъ, переходятъ въ XVI вѣкѣ. Житія нѣкоторыхъ подвижниковъ составлены въ XV-мъ же столѣтіи; другія записаны въ послѣдующемъ по преданіямъ устнымъ, какія сложились тогда же. Предложимъ подробности объ извѣстныхъ сочинителяхъ и способѣ составленія самыхъ житій.

Мы уже знакомы съ произведеніями одного изъ жизнеописателей. Это былъ Епифаній, ученикъ Сергія Радонежскаго. Современники прозвали его *премудрымъ*. Остались неизвѣстны родъ его и происхожденіе. Онъ былъ собесѣдникомъ Стефана Пермскаго, довольно къ нему близкимъ; велъ жизнь странническую, переходя съ мѣста на мѣсто; посѣтилъ Царьградъ, Аеоны и Іерусалимъ²³⁾; послѣд-

нее время жизни провелъ подъ руководствомъ Сергія: написалъ Житія Стефана и Сергія, намъ уже извѣстныхъ, и скончался въ обители своего наставника. Гдѣ Епифаній могъ получить то риторическое образованіе, которое ярко замѣтно въ обоихъ его произведеніяхъ? Можно предположить, что на него имѣла вліяніе Ростовская школа въ обители Св. Григорія Богослова, гдѣ выучился по гречески Стефанъ Пермскій.

Другой жизнеописатель, наслѣдовавшій славу и труды Епифанія, былъ Пахомій, прозванный Логоетомъ. Онъ былъ родомъ Болгаринъ, прибылъ къ намъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ Фотіемъ въ 1410 году, дѣлилъ съ нимъ уединеніе въ Сенежской пустынѣ, во Владимірской области, куда Святитель убѣгалъ отъ Татаръ. Принесли риторическое образованіе къ намъ, по всему вѣроятію, изъ школъ Греческихъ и Болгарскихъ, Пахомій сложилъ много житій Русскихъ Святыхъ, церковныхъ имъ каноновъ и похвальныхъ словъ. Сначала жилъ онъ въ обители Сергіевой, гдѣ узналъ Епифанія и дополнилъ описаніемъ чудесъ житіе, имъ написанное. Митрополитъ Іона съ священнымъ соборомъ поручилъ ему написать житіе Алексѣя Митрополита и канонъ Святителю. Новгородскій Архіепископъ Іона пригласилъ Пахомія въ Новгородъ и здѣсь поручилъ ему написать житіе предмѣстника своего на святительской каедрѣ Евѳимія, житія Варлаама Хутынскаго, Саввы Вишерскаго, съ канонами этимъ Святымъ. Особенно занимало Іону одно чудо, совершенное Варлаамомъ Хутынскимъ во время пришествія въ Новгородъ Василя Темнаго. За эти труды Іона дарилъ Пахомія и серебромъ, и соболями. Много другихъ порученій намѣренъ былъ Іона дать Пахомію, но его звали въ Москву. Здѣсь Василій Темный и Митрополитъ Феодосій возложили на него новое занятіе. Они послали его въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель для того, чтобы на мѣстѣ собрать преданія о Преп. Кириллѣ и написать его житіе. Пахомій самъ рассказываетъ, какъ онъ собиралъ эти свѣдѣнія отъ игумена Кассіана, отъ учениковъ Кирилловыхъ и изъ нихъ особенно отъ Мартиціана.

Ученики пустынныхъ подвижниковъ сообщали первыя свѣдѣнія писателямъ житій. Такъ напримѣръ, ученики Діонисія Глушицкаго, Амфилохій, Макарій, Михайль, были уже сѣдовласыми старцами, когда Иринархъ пришелъ къ нимъ въ обитель и собралъ преданія, чтобы написать житіе Діонисіево († 1437)²³).

Германъ († 1484), спутникъ Савватія († 1462) и Зосимы († 1478), въ ихъ подвигахъ на островѣ Соловецкомъ, самъ не умѣя грамотѣ, продиктовалъ клирикамъ все то, чему былъ очевиднымъ свидѣтелемъ при жизни друзей своихъ. Досіеѳей, игумень Соловецкій, по настоянію Новгородскаго Архіепископа Геннадія, собралъ эти свѣдѣнія, положилъ ихъ на бумагу и потомъ передалъ въ Терапонтской обители Митрополиту Спиридону, который, будучи поставленъ въ Митрополиты на Востокъ безъ согласія Іоанна III, былъ сосланъ этимъ Государемъ на Бѣлозеро и тамъ написалъ житіе Зосимы и Савватія по тѣмъ источникамъ,

какіе сообщилъ ему Досіеѣй²⁴). Изъ подробностей, какія сей послѣдній передалъ по этому случаю, видно, что житія святыхъ первоначально слагались по преданіямъ изустнымъ простою рѣчью, но что потомъ этотъ безыскусственный матеріалъ поступалъ въ руки какого нибудь смышленнаго ритора, который украшалъ его цвѣтами школьнаго краснорѣчія. Драгоцѣннѣе были бы для насъ эти простыя первоначальныя преданія, но, къ сожалѣнію, ихъ не сохранили хартіи, а развѣ живутъ они еще въ устахъ народа около тѣхъ обителей, гдѣ подвизались святые.

Житіе Іоны, Святителя Новгородскаго († 1471), было составлено неизвѣстнымъ инокомъ Отенской обители, откуда вышелъ Іона, сохранивъ горячую любовь къ мѣсту своего духовнаго воспитанія.—Вассіанъ († 1515), братъ Іосифа Волоцкаго, Архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, написалъ житіе Пафнутія Боровскаго († 1479), по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, какъ очевидецъ, и по тѣмъ преданіямъ, какія сообщили Вассіановъ братъ Іосифъ и другіе ученики Пафнутія: Иннокентій, дивный старецъ, и священноинокъ Исаія черныи, Пафнутіевъ сродникъ²⁵). — Житіе Александра Ошевенскаго († 1479) написано было въ слѣдующемъ столѣтіи (1567), въ основанной имъ обители, іеромонахомъ Θεодосіемъ. Оно изобилуетъ весьма любопытными подробностями, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ даръ разсказа.—Житіе Евфросина Псковскаго († 1481) сочинилъ клирикъ Василій, спустя 80 лѣтъ послѣ кончины святаго (1561). Оно подверглось большимъ искаженіямъ отъ раскольниковъ и послужило имъ опорой для ихъ ученія о сугубой аллилуіѣ. Въ него вставлены странствіе Евфросина въ Царьградъ для бесѣды съ Патріархомъ объ этомъ вопросѣ, преніе съ священникомъ Іовомъ и переписка съ Новгородскимъ Архіепископомъ Евфиміемъ о томъ же²⁶). — Паисій Ярославовъ, инокъ Спасокаменской обители, написалъ житіе Іоасафа, Князя Кубенскаго († 1453), по преданіямъ старцевъ обители, о которой также онъ составилъ историческое сказаніе (1481).—Жизнь Саввы Крыпецкаго († 1495) была описана пресвитеромъ Василіемъ при Грозномъ; Ефрема Перекомскаго — († 1492) ученикомъ его Романомъ.—Сынъ священника соборной церкви города Устюга, по разсказамъ отца, составилъ житіе Іоанна, юродиваго Устюжскаго, который жилъ при соборномъ храмѣ и подражалъ въ жизни предмѣстнику своему Прокопію.—Ученики Іосифа Волоцкаго († 1516) составили о немъ многія жизнеописанія, почти современныя, по кончинѣ своего учителя, но всѣхъ полнѣе Савва черныи, епископъ Крутицкій, также ученикъ его. — Житіе Александра Свирскаго († 1533) отличается большими подробностями, какъ и Александра Ошевенскаго: оно написано Иродіономъ, ученикомъ его, 12 лѣтъ спустя послѣ кончины Александра. Въ разсказѣ говоритъ нерѣдко отъ своего имени бояринъ Андрей Завалишинъ, котораго олень на охотѣ чудесно завлекъ въ неприступную дѣбрь на рѣкѣ Свири, гдѣ поселился Александръ. Можно бы было подуматъ, что

инокъ Родіонъ и бояринъ Андрей одно и тоже лицо, тѣмъ болѣе, что сей послѣдній одинъ изъ первыхъ раздѣлилъ пустынножителство съ Александромъ и принадлежитъ къ числу самыхъ усердныхъ учениковъ его ²⁷).

Преданія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ сохранились въ устахъ народа. Таковъ, напримѣръ, Максимъ юродивый, Московскій чудотворецъ († 1437). Онъ жилъ въ Москвѣ во времена самыя бѣдственныя Россіи, когда Татары, засуха, голодь, Черная Смерть, попеременно терзали народъ. Лишаясь всего, бѣгая почти нагишомъ въ самыя суровыя зимы и повторяя любимое слово: „хоть яростна зима, но сладостенъ рай“, Максимъ своимъ терпѣніемъ внушалъ бодрость духа страдавшему народу, который сохранилъ въ устахъ своихъ преданія о Святомъ до XVI столѣтія, когда торжественно открыты были его мощи. — Житіе Паисія Углицкаго въ пожарѣ города Углича полуистлѣло; но народъ сохранялъ въ памяти преданія о Святомъ, и житіе его было вновь написано по этимъ устнымъ сказаніямъ.

Во многихъ житіяхъ сохранены описанія внѣшняго вида Святыхъ. Мы знаемъ, что Діонисій Глушицкій написалъ портретъ Кирилла Бѣлозерскаго, служащій иконою въ его обители; такъ и портретъ-икона Евфросина Псковскаго написана была ученикомъ его Игнатіемъ. Подробности кончины многихъ святыхъ мужей передаются съ такою точностію, которая обнаруживаетъ очевидныхъ свидѣтелей. Есть черты нравственнаго характера, переданныя учениками: таковъ, напримѣръ, даръ проицанія въ Пафнутіи Боровскомъ, который по взгляду узнавалъ человѣка и открывалъ то, чтѣ таилось въ душѣ его. Иосифъ, ученикъ его, сообщилъ жизнеописателю три подобныхъ примѣра.

Есть событія историческія въ житіяхъ, которыми дополняется отчасти Исторія. Таковы въ томъ же житіи Пафнутія Боровскаго свѣдѣнія объ Иванѣ, который отравилъ Дмитрія Шемяку въ Новгородѣ и потомъ постригся въ монахи, о болѣзненномъ струпѣ, который былъ признакомъ Черной Смерти ²⁸), и другія. Есть черты нравовъ общества того времени, какихъ нельзя найти въ Исторіи. Такъ напримѣръ, въ житіи Александра Ошевенскаго отецъ его, крестьянинъ Никифоръ Ошевень, беретъ у боярина Ивана грамоту слободскую, идетъ на мѣста, отведенныя ему бояриномъ, сзываетъ жильцовъ, ставитъ дворы и основываетъ слободу Ошевенскую, близъ которой послѣ водворяется сынъ его, инокъ Александръ, и учреждаетъ обитель ²⁹).

Святые мужи Россіи выходили изъ всѣхъ сословій, особенно же изъ бояръ и крестьянъ. Между Святими XV вѣка находимъ мы четверыхъ высокаго княжескаго рода. Первый изъ нихъ былъ Михаилъ Клопскій († 1451), сынъ Симеона Гордаго, законный наслѣдникъ Московскаго престола. Оставивъ Москву и родъ свой, отрекшись отъ правъ своихъ, онъ постригся въ Новгородѣ, въ монастырѣ Клопскомъ; славился чтеніемъ Апостола и житій святыхъ; переписывалъ Дѣянія

Апостольскія. Константинъ Димитріевичъ, сынъ Донскаго, будучи въ Новгородѣ, призналъ въ немъ своего дядю. Въ народѣ сохранились преданія, что онъ предрекъ гибель Шемякѣ, паденіе Новгорода, Ionъ еще въ отрочествѣ святительство, Иоанну III его славу въ тотъ самый день, какъ онъ родился.—Игнатій Вологодскій († 1522), сынъ Андрея Углицкаго и внукъ Василя Темнаго, былъ политическою жертвою Иоанна III: 13-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ, онъ заточенъ былъ на Бѣлоозеро.—Иосафъ Кубенскій и Іаковъ Желѣзнодорожскій († 1441) принадлежали также къ княжескому роду.

Изъ родовъ боярскихъ вышли: Григорій Пельшемскій († 1442), ученикъ Діонисія Глушицкаго; Савва Вишерскій, уроженецъ города Кашина; Макарій Калязинскій, изъ рода Кожинныхъ, сынъ знаменитаго воина при Василии Темномъ, Василя; Инноентій Вологодскій, изъ рода Охлебниныхъ; Геннадій Новгородскій, изъ Московскаго рода Гонзовыхъ; Ниль Сорскій, изъ рода Майковыхъ; Лаврентій блаженный Калужскій, изъ рода бояръ Хитровыхъ.

Изъ семей крестьянскихъ вышли: Зосима Соловецкій, Александръ Ошевенскій, Евфросинъ Псковскій, Іоаннъ юродивый Устюга, Серапѳонъ, святитель Новгородскій, Александръ Свирскій.

Изъ духовенства находимъ только одного Евѳимія, святителя Новгородскаго; изъ купцовъ также одного, Ефрема Перекомскаго. Макарій Унженскій и Желтоводскій вышли изъ людей посадскихъ города Нижняго; Арсеній Коневскій былъ мѣщанинъ, ремесломъ мѣдникъ.

Замѣчательны иноземцы, въ ликѣ нашихъ Святыхъ, или ихъ потомки: Пафнутій Боровскій былъ внукъ Татарскаго Баскака, который вынужденъ былъ Русскими князьями креститься и нареченъ въ крещеніи Мартиномъ. Предокъ Іосифа Волоцкаго, Санинъ, выѣхалъ изъ Литвы. Исидоръ, († 1492) юродивый Ростова, былъ Нѣмецъ родомъ, родственникъ Великаго Магистра Ливонскаго: онъ жилъ на улицѣ Ростова, въ кушѣ изъ хвороста, и лѣто и зиму. Тихонъ Луховскій († 1503), основатель обители на рѣкѣ Лухѣ, Макарій, Митрополитъ Кіевскій, мученически убитый Татарами, были родомъ Литвины. Савва Крыпецкій († 1495) вышелъ изъ Сербіи и переселился къ намъ съ Аѳона. Кассіанъ Углицкій († 1504), Грекъ изъ Морей княжескаго рода, пріѣхалъ въ Россію изъ Италіи въ свитѣ Софіи Ѳоминыны, совершилъ иноческій искусь въ обители Ѳерапонтовой близъ Бѣлоозера и основалъ монастырь въ Угличѣ на берегу Волги.

Разсмотримъ теперь, извлекаая изъ житій, какъ святые мужи этого вѣка дѣйствовали на народъ и на власти. Арсеній Коневскій († 1444), устроивъ обитель свою на Коневскомъ островѣ, уничтожилъ одинъ суевѣрный обычай народа, вѣроятно, остатокъ времени язычества. На островѣ находился огромный утесъ, называемый конь-камень. Народъ каждое лѣто оставлялъ на островѣ передъ этимъ утесомъ коня въ жертву невидимымъ духамъ, будто бы обитавшимъ около того

мѣста и охранявшимъ за то скоть, который на лѣтнее время приводили на островъ для прокормленія и оставляли безъ всякаго надзора. Вотъ почему и островъ назывался Коневцемъ. Конь, покинутый на островѣ, пропадалъ зимою, и народъ вѣрилъ, что нечистые духи его пожирали. Не было ли это суевѣріе еще остаткомъ языческаго поклоненія Велесу, богу скотоводства? Арсеній приступилъ къ камню съ молитвою, окропилъ его святою водою, — и преданіе говоритъ, что духи, въ видѣ вороновъ, полетѣли отъ него на Выборгскій берегъ въ Большую Губу, которая и понынѣ называется Чертовой Лахтою.

Питиримъ, святитель Перми, одинъ изъ наслѣдниковъ Стефана Пермскаго на чредѣ Христіанской проповѣди, защищалъ свою паству отъ грабежа Вогуличей и Вятской вольницы, поучалъ въ домахъ, проповѣдывалъ въ храмахъ, чаще всего бесѣдовалъ съ народомъ на открытомъ полѣ и палъ мученическою смертію среди богослуженія, во время проповѣди, отъ руки Асыки, вождя разбойнической ватаги Вогуличей и Вятчанъ († 1455).

Новгородцы любили краснорѣчивую проповѣдь святителя своего Іоны, когда онъ бесѣдовалъ съ ними въ Софіи Новгородской. Макарій Калязинскій отличался также даромъ слова въ бесѣдахъ своихъ къ братіи и къ народу. Даніилъ Переяславскій, котораго дѣятельность переходитъ болѣе въ слѣдующій вѣкъ († 1540), посвятилъ жизнь свою на собраніе тѣлъ умершихъ въ полѣ и на дорогахъ; онъ приносилъ ихъ самъ и днемъ и ночью въ особую усыпальницу, отпѣвалъ своихъ мертвыхъ, молился за ихъ души и соорудилъ надъ ними храмъ во имя Пресвятой Троицы. — Корнилій Комельскій призывалъ младенцевъ, бросаемыхъ родителями около стѣнъ его обители. — Александръ Свирскій не принималъ милостыни въ монастырь отъ крестьянина Григорія за то, что онъ безчестилъ мать свою, и послалъ его испросить у нея прощенія прежде, чѣмъ приметъ его даръ.

Святые мужи выступали нерѣдко ходатаями за народъ противъ сильныхъ міра. Димитрій Шемяка разорялъ и грабилъ Вологду. Григорій Пельшемскій обличилъ его словомъ и сброшенъ былъ съ моста Шемякою за смѣлыя рѣчи. Но угрозы святаго подѣйствовали, и Шемяка отступилъ отъ Вологды на Галичъ. — Святитель Іона долго отстаивалъ вольность Новгорода противъ притязаній на нее Василя Темнаго. — Макарій Унженскій взятъ былъ въ плѣнъ Татарами; но они освободили его за его кротость и съ нимъ вмѣстѣ сорокъ Русскихъ плѣнныхъ. — Серапіонъ, святитель Новгорода, своимъ ходатайствомъ предъ Іоанномъ III избавилъ отъ казни трехъ именитыхъ боярынь, обвиненныхъ въ чародѣйствѣ.

Особенно замѣчательны жизнеописанія пустынныхъ отходниковъ. Это люди съ высшимъ призваніемъ; внутренній зовъ души отдается имъ звономъ благовѣстнаго колокола изъ самыхъ неприступныхъ дебрей необозримаго отечества. По большей части, они выходятъ изъ самыхъ теплыхъ семей, согрѣтыхъ нѣжною родительскою любовью. Нерѣдко это дѣти, вымоленные у Бога теплыми молитвами

отца и матери. Семи лѣтъ отдають ихъ на обученіе грамотѣ, иногда причетникамъ церковнымъ, а иногда и свѣтскимъ грамотѣямъ. Кирилль Бѣлозерскій, принявъ на себя духовное воспитаніе Мартиніана, ученика своего, по волѣ его благочестивыхъ родителей, отдалъ его учиться грамотѣ Олешу Павлову, мірскому дьяку⁸⁰).

Весьма рано, въ иныхъ съ 10-ти, съ 12-ти лѣтъ, открывается призваніе къ пустынножительству. Странники-иноки, блуждая по городамъ и по селамъ, распѣвая священные псалмы по улицамъ, пристава къ благочестивымъ семьямъ, питають эту склонность въ избранныхъ отрокахъ и юношахъ своими разказами о славныхъ обителяхъ, о подвижникахъ, сіяющихъ въ нихъ святою жизнію. Въ призванныхъ къ тѣмъ же подвигамъ рано начинается борьба съ крѣпкимъ семейнымъ началомъ. Внутренній голосъ зоветъ; они покидаютъ домъ родительскій, бѣгутъ въ сосѣдную обитель, иногда прямо въ пустыню, въ мѣста безлюдныя, лишенныя всего. Упорная борьба отцовъ съ сыновьями-пустынниками особенно замѣчательна въ житіяхъ Александра Ошевенскаго и Александра Свирскаго. Побѣда на сторонѣ сыновей. Отцы слѣдуютъ за ними и принимаютъ постриженіе. Иосифъ Санинъ крѣпостью воли побуждаетъ всю семью свою постричься и, лелѣя въ кельѣ своей престарѣлаго отца своего, уже инока, ходитъ за нимъ какъ за младенцемъ.

Но первые порывы къ пустынножительству и уединенію должны были уступать сильной волѣ великихъ наставниковъ, приготовлявшихъ къ этой жизни. Иноческій искусъ былъ продолжителенъ. Опытные подвижники нѣсколько разъ отвергаютъ покушенія молодыхъ борцовъ, еще неопытныхъ въ уединеніи, и охлаждають ихъ пламенные порывы. „Нѣтъ, нѣтъ, чадо, говоритъ настоятель Валаамской обители Александру Свирскому; не утвердившись ногами на первой степени общаго житія послушаніемъ, какъ на корнѣ, нельзя касаться верха молчаніемъ и уединеніемъ, нельзя безвременно водиться своею волею: на все бываетъ свое время“. Послѣ многихъ и многихъ усилій вѣнчаются успѣхомъ первыя попытки, — и желанная пустыня принимаетъ въ свои объятія ея пламеннаго любовника.

Пустынники бывали ревнивы къ мѣсту, ими избранному, и чуждались совмѣстниковъ или близкихъ сосѣдей. Оерапонтъ, спутникъ Кирилла Бѣлозерскаго, удалился отъ него на озеро Паское, когда Кирилль избралъ себѣ мѣсто на Сиверскомъ. Въ предѣлахъ Вологодскихъ Александръ Куштскій († 1439) поставилъ сначала келью на рѣкѣ Сняжемѣ, а потомъ перешелъ на Кушту, гдѣ поселился уже Евѳимій. Сей послѣдній уступилъ ему Кушту, а самъ пошелъ на Сняжему; пустытники дружельбно обмѣнялись мѣстами своего уединенія, но не остались жить вмѣстѣ. Павелъ Обнорскій пришелъ, было, въ сосѣдство къ Діонисію Глушицкому и поставилъ келью за двѣ версты отъ рѣки Глушицы; но пустытникъ просилъ собрата не основывать такъ близко отъ него особой обители, — и Павелъ удалился въ Комельскіе лѣса.

Уединенная молитва и безмолвно-одинокая жизнь отходника скоро привлекали къ нему братію, — и образовывалось житіе общее, и строилась церква, и благовѣсть раздавался кругомъ, и князья и поселяне содѣйствовали устройству обители. Но пустынники изъ среды братіи, ихъ окружавшей, все рвались къ своей любимой пустынѣ, все алкали молитвеннаго уединенія, котораго не давала имъ монастырская келья. Никонъ, наслѣдникъ Сергія, выговорилъ себѣ у братіи часть дня для безмолвнаго богомыслия и слезной молитвы. Діонисій отъ Глушицы, гдѣ основалъ обитель, уединяется въ свой любимый Сосновець, гдѣ подъ навѣсомъ огромной сосны онъ свободно весь предавался молитвѣ и богомыслию. Святитель Иона изъ Новгорода любитъ удалиться въ Отенскую обитель, печется о ней и украшаетъ ее до конца жизни. Пафнуцій Боровскій, 50-ти лѣтъ, слагаетъ съ себя игуменство и уходитъ въ свою пустыньку, во владѣнія другаго князя, навлекая тѣмъ на себя гнѣвъ и злобу Василія Ярославича, удѣль котораго онъ покинулъ. Макарій отъ Желтыхъ Водъ за Волгой, гдѣ устроилъ обитель, ушелъ на Унжу въ предѣлы Костромскіе и водворился въ пустынь. Въ частомъ бору около Волоколамскаго монастыря до сихъ поръ существуетъ одинокая келья, куда уединялся Іосифъ.

Эта отдѣльная, своя пустыня нужна была созидателямъ общаго житія для того, чтобы въ ней собирать во едино свои духовныя силы и укрѣплять ихъ на дѣланіе общественное. И въ какое же время не нужна бываетъ человѣку, живущему не однимъ тѣломъ, но духомъ, уединенная келья, гдѣ душа открываетъ себя Источнику духовныхъ силъ своихъ и видитъ себя яснѣе при лучахъ высшаго свѣта!

Какъ маленькія пустыньки необходимы были для самихъ пустынножителей, такъ и большія пустыни, ими учрежденныя, были спасительно полезны отечеству. Миротворный воздухъ молитвы отсюда вѣялъ и проникалъ въ Русскую жизнь, гдѣ разыгрывались тогда послѣднія кровавыя битвы удѣльнаго періода и вражда междоусобная пылала сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, передъ тѣмъ, какъ ей угаснуть. Такія пустыни, какъ хранительницы высшихъ духовныхъ силъ народа, необходимы и всегда нашему отечеству. Безъ нихъ не полна, не освящена жизнь его и не приближена къ Богу. Кто не разстался навсегда съ христіанствомъ для пировъ Валтазаровыхъ, тотъ ни въ какое время не можетъ обойтись безъ Хорива и Геосиманіи.

Разсмотрѣвъ содержаніе Житій по ихъ историческому и внутреннему, духовному значенію въ жизни Русскаго народа, предложимъ теперь замѣчательныя отрывки изъ нихъ, чтобы познакомить, хотя отчасти, съ художественнымъ ихъ изложеніемъ.

Святитель Новгородскій Евѣимій († 1458), по примѣру своихъ предшественниковъ, былъ дѣятельнымъ строителемъ. Онъ построилъ мостъ черезъ Волховъ, возобновилъ стѣны Новгородскаго кремля; соорудилъ палаты владыкъ Новгород-

скихъ; посреди сада, ихъ окружавшаго, воздвигъ столпъ съ боевыми часами, звономъ своимъ оглашавшими весь городъ; но особенно прославился въ народѣ строеніемъ благолѣпныхъ храмовъ. Пахомій Логоетъ, сложившій житіе Евѣимія по порученію его преемника Іоны, такъ поэтически олицетворилъ сонмъ сооруженныхъ имъ храмовъ, согласнымъ хоромъ славящихъ своего строителя.

„Началь Евѣимій и церквамъ прилежать, обновляя обветшавшія и воздвигая отъ основанія новыя въ славу и честь святыхъ, не одну или двѣ, но многое множество. Если хочешь увидѣть нѣчто малое отъ великаго, поди къ великому храму Премудрости Божіей, и возведи окрестъ очи свои, и тамъ увидишь пресвѣтлыя храмы Святыхъ какъ звѣзды сіяющія, или какъ горы стоящія, отъ него созданныя. Если и не голосомъ, то дѣломъ вопіютъ они и свою разнообразную красоту вещью показывая, говорятъ: сіе Архіепископъ Евѣимій даровалъ мнѣ. Иная церковь, хвалясь своимъ благолѣпіемъ, говоритъ: вотъ чѣмъ онъ меня украсилъ. Другая глаголетъ: а меня воздвигъ отъ основанія. Храмъ великаго Іоанна Златуста, имъ созданный, высоко стоя, какъ будто рукою его благословляетъ, говоря ему: за то, что ты воздвигъ мнѣ храмъ на землѣ, я умолю Творца даровать тебѣ храмы на небесахъ. Великій же храмъ Премудрости Божіей, какъ градъ царя великаго, стоя посреди ихъ многими лѣтами обветшавшій и въ прежнее благолѣпіе обновленный, многими добротами и иконами украшенный, какъ перстомъ на него показываетъ, говоря: сей мнѣ красота и похвала! Церковь среди другихъ храмовъ какъ будто говоритъ къ Богу: се азъ и дѣти яже ми далъ еси, и какъ мать и царица надъ всѣми, радуется стяжавши такого святителя. Самъ же Евѣимій, предстоя посреди ихъ въ недоумѣніи чѣмъ отвѣчать ему на ихъ похвалы, воздѣвъ руки къ высотѣ, говоритъ: Господи! возлюбихъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто вселенія славы твоея, — и таеъ всѣ въ едино согласіе его похваляютъ³¹⁾“.

Вотъ легенда — сказаніе, помѣщенное въ житіи Пафнутія Боровскаго подъ заглавіемъ: *Наказаніе святаго о милостыни*. „Говорилъ и то блаженный отецъ нашъ, что можетъ и одна милостыня спасти человѣка, если законно живетъ. Я слышалъ объ одномъ человѣкѣ, что онъ до конца жизни творилъ милостыню. Когда же онъ скончался, о немъ было вотъ какое откровеніе. Приведенъ онъ былъ къ рѣкѣ огненной, а на другой сторонѣ рѣки мѣсто злачное и весьма свѣтлое, и различными садами украшено. Не могъ онъ перейти въ это чудное мѣсто: страшная рѣка мѣшала. Вотъ внезапно пришло множество нищихъ, и передъ ногами его начали они ложиться по ряду, и сдѣлали какъ мостъ черезъ страшную ту рѣку. Онъ и перешелъ по нимъ въ чудное то мѣсто. Могъ бы Господь и безъ мосту перевести его черезъ рѣку. Писано же объ Лазарѣ, что несенъ онъ былъ Ангелами на лоно Авраамово. Если и была пропасть великая между праведными и грѣшными, то не требовала мосту на прохожденіе. Но для нашей пользы такимъ образомъ

показано осужденіе грѣшныхъ и спасеніе праведнаго, чтобы узнали мы, ради чего тѣ осуждены, и ради чего праведный спасенъ былъ“.

Поэтически прекрасны Новгородскія преданія о Зосимѣ Соловецкомъ. Пустынникъ былъ въ Новгородѣ, собиралъ милостыню для своей обители и ходатайствовалъ за свою братію противъ обидъ и насилія рабовъ боярскихъ, пріѣзжавшихъ на Соловки для рыбной ловли. Владыка Новгородскій и бояре приняли его радушно, снабдили его дарами и обѣщали ему помощь. Пришелъ пустынникъ и къ боярынь Марѣѣ Борецкой просить ея заступленія противъ слугъ ея, пріѣзжавшихъ на островъ Соловецкій. Гордо повелѣла слугамъ боярыня отогнать отъ дому пустытника и не захотѣла принять его благословенія. Тогда Зосима, кивая головою и отходя отъ дому, сказалъ ученикамъ своимъ: придуть дни, когда жители дому сего не найдутъ ногами своими слѣдовъ двора сего, и затворятся двери дому и не отверзутся, и будетъ дворъ ихъ пустъ. — Когда же Владыка и бояре написали Зосимѣ грамоту на владѣніе островомъ Соловецкимъ и приложили къ грамотѣ 8 печатей оловянныхъ: первую владычню, вторую посадничью, третью тысяцкаго и пять печатей съ пяти концевъ города, и одарили обитель многими дарами, тогда раскаялась и боярыня Марѣя въ томъ оскорбленіи, какое нанесла она святому мужу, и пожелала принять отъ него благословеніе. Тогда пригласила она Зосиму къ себѣ въ домъ, благословила отъ него со всѣми сыновьями и дочерьми своими и посадила его за пиръ вмѣстѣ со многими боярами, которыхъ позвала также ради святаго гостя. Вотъ сидитъ за трапезой честный старецъ, сидитъ кротко и молчаливо, и мало вкушаетъ пищи, наблюдая и за трапезой боярской монастырское воздержаніе. Вдругъ взглянулъ онъ на сидѣвшихъ на пиру бояръ — и поразило его страхомъ и трепетомъ ужасное видѣніе: онъ видитъ — сидятъ шестеро бояръ спереди, а головъ не имѣютъ; еще разъ взглянулъ онъ — видитъ тоже; взглянулъ и въ третій разъ — опять страшное видѣніе! Старецъ вздохнулъ, прослезился, поникъ долу и не могъ уже болѣе вкушать отъ трапезы. — Видѣніе было пророческое: когда Іоаннъ III со всѣми силами пошелъ на Новгородъ и казнилъ его, тогда въ числѣ обезглавленныхъ бояръ Новгородскихъ были и тѣ шестеро, которыхъ Зосима видѣлъ безголовыми на пиру у Марѣи³²). Живописно изящны явленія Зосимы плователямъ Бѣлаго моря во время бурь: незримымъ хранительнымъ парусомъ служатъ ладьямъ воскрилія его бѣлой мантии.

Вотъ подробности свиданія Александра Ошевенскаго съ отцемъ его Никифоромъ, который, послѣ тайнаго побѣга сына изъ дома, узнаетъ о пребываніи его въ монастырѣ Кирилло-бѣлозерскомъ и приходитъ къ нему для свиданія. „Алексѣй (имя свѣтское Александра), услышавъ о приходѣ отца, поспѣшилъ къ нему, поклонился образу Спасову и Пречистыя Его Матери, и взявъ у келаря благословеніе, падаетъ на землю къ ногамъ отца своего съ умиленіемъ и слезами, и проситъ благословенія и прощенія: согрѣшилъ, отецъ, я не зналъ, что ты при-

шелъ сюда. Никифоръ сказалъ ему: Богъ проститъ тебя, чадо... Отецъ съ сыномъ, взявъ у келаря благословеніе, приходятъ въ келью сына, и поклонились образу Спасову и Пречистой Его Богоматери. Отецъ видитъ жилище сына своего, какъ игумень и братія берегутъ его, какой покой ему дали. Онъ восхвалилъ Бога и сказалъ про себя: о Владыко чловѣколюбче! слава неизреченной милости Твоей и благоутробію! Чѣмъ воздамъ Тебѣ за Твои ко мнѣ блага? Алексѣй же палъ въ ноги отцу своему, проливалъ жалостныя слезы и говорилъ умильные голы: „Отче, прости меня, я прогнѣвалъ твою старость; я огорчилъ тебя своимъ замедленіемъ и небреженіемъ, но надѣюсь на твое милосердіе и чадолюбіе. Не знаю, отецъ, что велишь сотворить рабу своему, но я хвалю Бога и воспую Господу, мнѣ благодѣявшему, за то, что Онъ сподобилъ меня увидѣть моего родителя, да наслажусь я видя доброту старости твоей, да возвеселюсь зря сѣдины твои и обლობызаю ноги твои, имже ты для меня потрудился. И чѣмъ, отче, воздамъ тебѣ за трудъ твой, что ты для меня такой путь прошелъ, ища своей овцы заблудившейся или погибшей? Кто же когда видѣлъ такого чадолюбиваго отца, какъ ты, отецъ мой?“— И какихъ еще жалостныхъ и умильныхъ словъ не сказалъ онъ отцу своему со многими рыданіемъ слезнымъ. Никифоръ умилился словамъ сына, обнялъ его и сказалъ: встань, чадо. Онъ всталъ, обლობызалъ отца своего, бросился обнимать его и долго плакалъ. Наплакались они оба, и когда перестали плакать, то сѣли. Никифоръ началъ сыну своему со слезами жалости рассказывать по порядку, какъ пришелъ къ нимъ чловѣкъ съ грамотой отъ него, какъ услышали они то, что въ грамотѣ было написано, какъ стало имъ больно и жалко, что не надѣялись они уже видѣть на этомъ свѣтѣ свое чадо возлюбленное; такъ и мать его отъ того часу донинѣ ни одного дня не вкусила хлѣба безъ плача и безъ скорби. Тогда лишь Господь утѣшилъ сердца ихъ, когда услышали они, что сынъ здоровъ.—Началъ и Алексѣй рассказывать отцу своему то, что съ нимъ было, какъ онъ отсталъ отъ своихъ товарищей, какъ игумень принялъ его съ любовью, какое было ему отъ игумена и братіи береженіе и покой. Онъ показавъ отцу своему различныя одежды, червленныя и багрянныя, и иными различными цвѣтами украшенныя. И сказалъ Никифоръ: вижу, чадо, что Богъ тебѣ помогаетъ. Виденное больше слышаннаго увѣряетъ меня. Если хочешь, пробудь здѣсь и другое лѣто.—Блаженный отрогъ отвѣчалъ: не отстану отъ тебя, отецъ; ты такой путь прошелъ для меня, принудивъ свою старость. Нѣтъ, иду съ тобою, и утѣшу печаль матери своей, и увижу любовь братьевъ своихъ, и буду съ вами до конца жизни вашей, творя вамъ угодное. Хотѣлъ бы я, отецъ пробыть здѣсь, но не смѣю и сказать о томъ, боясь твоего гнѣва. Отецъ же сказалъ ему: чадо, я не искушая и не лукавствомъ говорю тебѣ, но истину: если хочешь, останься здѣсь. Увидѣвъ твое пребываніе, что благодать Божія на тебѣ не напрасна, благодарю о томъ Бога; пойду домой, расскажу матери твоей что видѣлъ,

отъиму скорбь ея, утѣшу печаль ея и возвеселю твоихъ братьевъ. Ты же, чадо, оставайся здѣсь, пока Господь повелитъ тебѣ, и будешь намъ въ утѣшеніе въ скорбяхъ нашихъ. Алексѣй сказалъ отцу: если такъ, отецъ мой, то Богъ совершитъ любовь твою. Когда скончали бесѣду, Никифоръ легъ отдохнуть, Алексѣй же занялся своею службою“³³).

Вотъ еще подобный отрывокъ изъ житія Александра Свирскаго. „Родители помышляли о томъ, какъ бы сочетать сына законнымъ бракомъ, а божественный юноша только и желалъ, только и помышлялъ, какъ бы убѣжать міра и вручить себя Богу. Онъ слышалъ о монастырѣ Христова Преображенія на островѣ Валаамѣ, о постящейся въ немъ братіи, о другихъ пустынныхъ монастыряхъ, гдѣ люди работаютъ Богу и спасаются, а Богъ готовъ къ молитвѣ и желанію рабовъ своихъ... И вотъ какъ будто подвигнутые Богомъ, пришли иноки Валаамской обители на рѣку на Оять, ради нужды своихъ, и случилось имъ близъ того села, гдѣ жили родители отрока, гостить у одного христоролюбиваго мужа, а божественному юношѣ проходить мимо той самой вѣси. Увидѣлъ онъ издали монаховъ, стоявшихъ на берегу рѣки, и услышалъ ихъ псалмопѣніе. Онъ подошелъ къ нимъ, сотворилъ молитву, поклонился имъ до земли и сказалъ: благословите меня, отцы честные. Старцы удивились смиренію и цѣломудрію юноши и отвѣчали: Богъ да благословитъ тебя, чадо. Чего ты отъ насъ желаешь?—Юноша просилъ только молитвъ ихъ. Одинъ изъ странниковъ, старецъ прозорливый, отгадалъ призваніе юноши и передалъ ему всѣ подробности общаго житія Валаамской обители. Заплакалъ юноша, и загорѣлось въ немъ желаніе идти въ пустыню...

Плодотворная бесѣда послѣдовала между старцемъ и юношею и укрѣпила въ немъ его желаніе удалиться отъ міра. „Намъ игумень не приказалъ отнимать дѣтей у родителей и отвозить въ монастырь: иди въ домъ твой съ миромъ. Господь Самъ управитъ путь твой!“ сказалъ старецъ юношѣ, который за тѣмъ пригласилъ его къ своимъ родителямъ. Имъ старецъ предсказалъ о сынѣ великое. Юноша просится у отца и матери въ ближнее село за какимъ-то сельскимъ дѣломъ. Отецъ отпускаетъ его, также и мать, но обнимая и цѣлуя, по обычаю матерей, и веля ему возвратиться скорѣе... Выходитъ изъ дому юноша, съ нимъ нѣтъ ничего, кромѣ одежды, да мало хлѣба ради тѣлесной немощи. Недалеко отошелъ онъ отъ дому, оглянувшись назадъ издали, увидѣлъ домъ свой и сказалъ: Боже! я оставилъ домъ свой для Твоего имени. . . и долго, долго плакалъ. Но потомъ исполнился внутренней радости и быстро устремился въ путь свой, чтобы не настигли его родители и не возвратили домой. Пришелъ онъ на рѣку Свирь, перевезся черезъ нее, день склонялся къ вечеру, наступала ночь. Видитъ юноша передъ собою озеро, подходитъ къ его краю, озеро прекрасное, небольшое, кругомъ лѣсъ окружаетъ его какъ стѣна, а вѣтви деревьевъ склонились на воду; на четыре версты лежало оно отъ Свири. Божественный юноша возвеселился душою,

сталъ на молитву, долго молился со слезами и вотъ слышитъ голосъ, ему говорящій: куда желаешь дойти, дойдешь. Иди съ миромъ. Тамъ работай Богу, повинуйся игумену и братіи, а потомъ придешь сюда, поселишься здѣсь, и многіе получатъ тобою спасеніе. вмѣстѣ съ голосомъ великій свѣтъ явился на этомъ мѣстѣ, гдѣ почивалъ блаженный. Юноша очнулся отъ сна, увидѣлъ божественный лучъ, осіявшій его, и подумалъ самъ въ себѣ: что это значить? Слезы полились изъ глазъ, радость наполнила душу, и онъ отправился въ путь свой³⁴).

Вотъ, наконецъ, отрывокъ изъ житія Данила Переяславскаго († 1540), о которомъ Карамзинъ еще выразился, что оно писано „не безъ искусства, умно и пріятно“³⁵). Здѣсь Даниль изображенъ погребателемъ умершихъ странниковъ и строителемъ скудельницы и храма надъ ихъ тѣлами. „Когда случалось какому страннику придти въ монастырь, всѣ у него находили покой. Слышалъ ли, что какой-нибудь путникъ брошенъ на распутіи или въ дебряхъ, мертвый, замерзшій ли отъ стужи, убитый ли разбойниками, или скончавшійся какимъ-нибудь инымъ случаемъ, онъ узнавалъ о томъ подробно и давалъ награду, если кто указывалъ ему на брошеннаго мертваго. Ночью выходилъ изъ монастыря; никто не зналъ о томъ; по словамъ повѣщавшихъ ему находилъ мертвыхъ, поверженныхъ звѣрями на сѣденіе; со многими плачемъ цѣловалъ ихъ; возлагалъ на свои рамена и относилъ въ скудельницу, называемую Божіимъ домомъ; пѣлъ надъ ними надгробныя пѣсни; полагалъ ихъ въ скудельную гробницу; служилъ о нихъ божественную литургію и много заботился о томъ, чтобы христіанскія тѣла ихъ не были сѣдаемы звѣрями“.

Народъ звалъ тѣхъ, которые за мзду приносили мертвыхъ въ скудельницу, *защипляющими*.

„Однажды странный мужъ пришелъ въ монастырь Горицкій (мѣсто подвиговъ Даниловыхъ), мужъ, о которомъ никто не зналъ, кто онъ и откуда. Самъ онъ не могъ сказать того, потому что произносилъ одно только слово: дядюшка; по нѣмотѣ ли онъ безмолвствовалъ, или Христа ради такъ юродствовалъ—одинъ Богъ про то вѣдаетъ. Старецъ очень любилъ этого странника и много разъ покоилъ его въ своей кельѣ. Однажды ночью, въ *первозиміе*, старецъ Данило шелъ къ заутрени въ церковь; ночь была темная; уже на полупути онъ былъ отъ своей кельи; вдругъ споткнулся обо что-то ногами и бросился на землю, думая, что тутъ лежало дерево; тронулъ онъ руками и ощутилъ мертваго человѣка. Затрепеталъ Даниль и узналъ, что это тотъ самый нѣмой странникъ, который говорилъ одно только слово: дядюшка. Тѣло его было еще тепло, а душа отошла уже къ Богу. Онъ одѣлъ его, пѣлъ надъ нимъ надгробныя пѣсни и отнесъ его въ свою скудельницу, гдѣ и положилъ его вмѣстѣ со многими другими своими странными, не переставая тужить о томъ, что не могъ назвать въ молитвахъ по имени такого странника.....

„Послѣ молитвы, ночью, часто выходилъ старецъ изъ своей кельи на заднее крыльцо: келья его находилась прямо насупротивъ скудельницы. Стоя на крыльцѣ, онъ смотрѣлъ на нее и тужилъ о своихъ странникахъ. На той горѣ отъ многихъ лѣтъ было много скудельницъ, наполненныхъ человѣческими мощами. Вотъ видѣть старецъ отъ нихъ свѣтъ, и горять на нихъ многія свѣчи. Нѣсколько ночей сряду онъ это видѣлъ и дивился умоюмъ говоря: какъ много угодниковъ Своихъ имѣеть Богъ, которыхъ и цѣлый міръ не стѣбитъ, а мы грѣшныя, недостойныя даже видѣть ихъ, презираемъ ихъ и уничтожаемъ, и даже по отшествіи ихъ отсюда, не сподобляемъ ихъ погребенія у святыхъ Божиихъ церквей... Тогда-то пришло ему въ умъ соорудить на скудельницахъ, гдѣ часто видалъ онъ свѣтъ, храмъ во имя Пресвятой Троицы. Три невѣдомые странника, напоминающіе собою трехъ Ангеловъ, принятыхъ Авраамомъ, явились къ нему и трехлѣтнимъ искусомъ ожиданія присовѣтовали освятить исполненіе благочестивой мысли“³⁶).

Замѣчательное явленіе въ безличной жизни нашей древней Руси эти Божіи странники, лишенные всего и безвѣстно умирающіе во тьмѣ и въ стужѣ, по дорогамъ и полямъ неизмѣримой Россіи, безропотно, съ молитвой на устахъ. Замѣчательны и этотъ Давидъ, который большую половину слишкомъ восьмидесятилѣтней жизни своей посвятилъ одному подвигу собирать ихъ тѣла, хоронить ихъ и пѣть надъ ними надгробныя пѣсни, поручая имена ихъ Господу Богу, которому только и были они извѣстны.

Чтеніемъ подобныхъ повѣствованій занимались грамотныя Русскіе люди въ XV и XVI столѣтіяхъ. Образцы Русской святости воспитывали въ народѣ тѣ добродѣтели, какія его отличаютъ: терпѣніе, смиреніе, отверженіе своей личности, способность къ лишеніямъ всякаго рода. Отшельники наши могли питаться высушеною травою пополамъ съ пепломъ. Нѣкоторые въ жаркое время предавали плоть свою въ жертву кровожаднымъ насѣкомымъ и оставались полунагіе по цѣлымъ часамъ на воздухѣ подъ жалами мухъ и комаровъ. Трудолюбіе и борьба съ грубою природою сѣвера также не покидали ихъ. Прочистить непроходимыя лѣса, какимъ былъ Комельскій, населить тундры и болота, строить храмы сначала деревянные, а потомъ каменные, на мѣстахъ, гдѣ трудно вколотить сваю, было также ихъ дѣломъ. Въ монастыряхъ нашихъ не процвѣтали ни науки, ни искусства. Въ нихъ не занимались алхиміей и не искали, какъ составлять золото; въ нихъ Бертольдъ Шварцъ не изобрѣлъ бы пороха; изъ нихъ не могли выйти ни Фра Беато Анджелико, ни Фра Бартоломео, великіе живописцы.

Въ нихъ жила сила духовная; задачею ихъ было одержать побѣду духа надъ тѣломъ и поработить сіе послѣднее посту и молитвѣ. Вѣра преобладала надъ всѣмъ человѣкомъ и поглощала все его существованіе. Духовная словесность господствовала исключительно. Творенія Отцевъ Церевы, особенно аскетическія, были извѣстны во всѣхъ монастыряхъ и составляли любимое чтеніе: таковы Іоаннъ

Лѣствичникъ, Исаакъ и Ефремъ Сирины. О нѣкоторыхъ святыхъ въ ихъ житіяхъ говорится именно, что они занимались списываніемъ книгъ: такъ напримѣръ, о Григоріи Пельшемскомъ, ученигъ Діонисія Глушицкаго, сказано, что онъ весь досугъ свой отдавалъ этому занятію; Михайлъ Клопскій въ Клопскомъ монастырѣ Новгорода переписывалъ Дѣянія Апостольскія; Корнилій Комельскій еще въ Кириллобѣлозерской обители трудился надъ списываніемъ книгъ; Паисій Углицкій въ обители Калязинской оставилъ Творенія Григорія Богослова, переписанныя его рукою. — И другія занятія входили въ кругъ дѣятельности этихъ святыхъ мужей. Діонисій Глушицкій славился въ свое время иконописаніемъ. Онъ же былъ и ковачемъ мѣди. Арсеній Коневскій былъ также мѣдникомъ. И важныя труды физическіе въ случаяхъ необходимости совершались при обителяхъ. Обитель Перекомская, основанная Ефремомъ, нуждалась въ водѣ: Ефремъ велѣлъ прокопать ровъ для соединенія рѣки Веренды съ озеромъ Ильменемъ. При обители Волоколамской красуются три пруда, изобильные рыбою, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе Гурьевскаго, ибо рытъ при Гуріи, третьемъ игумнѣ Іосифовской обители; другою же безлимянный, вѣроятно, при самомъ Іосифѣ.

Живымъ, устнымъ словомъ дѣйствовали всѣ наши святые мужи. О Саввѣ Крыпецкомъ сказано, что князья, посадники, бояре и всѣ люди города Пскова приходили къ нему за совѣтомъ; что богатыхъ поучалъ онъ милостынѣ, а судьямъ внушалъ праведный судъ. Мы приводимъ этотъ примѣръ, потому что Савва былъ Сербъ родомъ; но это явленіе общее. „Наши умники пишутъ, по счастливому выраженію Карамзина: въ старину только говорили“. Святой отшельникъ своею молитвою соединялъ народъ съ Богомъ, своимъ словомъ дѣйствовалъ на его жизнь, и рядомъ съ этимъ словомъ, какъ живое ему оправданіе, совершалась самая жизнь сильнѣе, чѣмъ написанная повѣсть, дѣйствовавшая на народъ своими лишеніями, трудами, безстрастіемъ, любовью и милостынею. Потому эта жизнь изъ устныхъ преданій учениковъ и народа передавалась хартіи; житіе Святаго составляло тогда уже письменное сокровище и славу его обители, а потомъ во многихъ спискахъ переходило въ другія для всенароднаго назиданія.

Въ теченіи пятнадцатаго столѣтія надъ умами Русскими тяготѣла унылая мысль о своромъ преставленіи свѣта, котораго ожидали въ 1492 году. Мы уже нерѣдко встрѣчались съ нею въ произведеніяхъ словесности XIV-го вѣка. Теперь мѣсто и время обратить вниманіе нѣсколько подробнѣе на эту мрачную мечту, когда она разсѣялась пустынь туманнымъ призракомъ и тѣмъ освободила умы отъ ложнаго и стѣснительнаго страха.

Подобная мысль тяготила умы западной Европы въ XV вѣкѣ. Тогда, на основаніи двухъ мѣстъ въ Апокалипсисѣ (гл. 20, ст. 4 и 6), неправильно истолкованныхъ, съ послѣднимъ мгновеніемъ тысячнаго года, ожидали Архангельской трубы, которая созоветъ все человѣчество на страшный судъ. Это страшилище

пугало людей вторично и съ окончаніемъ шестой тысячи. Но съ особенною силою страхъ кончины міра возобновился у насъ передъ концомъ седьмого тысячелѣтія. Постараемся взойти къ началу губительной мечты и прослѣдить ее по памятникамъ Русской словесности до самаго 1492 года, когда она исчезла.

Зародышъ этого мнѣнія находился въ апокрифическомъ посланіи Апостола Варнавы, тамъ, гдѣ сравнивается продолженіе міра съ недѣлею его творенія. Св. Ириней объяснялъ это мѣсто для исторіи человѣчества въ смыслѣ пророческомъ. Такъ какъ 1000 лѣтъ предъ Богомъ, по словамъ Псалмопѣвца, какъ день единый, то Творецъ, въ 6 дней совершившій твореніе міра, въ 6 тысячелѣтій совершитъ его исторію. Какъ въ седьмой день по сотвореніи міра онъ успокоился, такъ и въ седьмомъ тысячелѣтій онъ успокоится, когда Сынъ придетъ на судъ и измѣнитъ солнце, луну и звѣзды. Начало же 8-го дня, когда Христосъ воскресъ, что мы празднуемъ днемъ воскреснымъ, означаетъ начало новаго міра съ 8-мъ тысячелѣтіемъ³⁷).

Это мѣсто въ посланіи Ап. Варнавы заставляло предполагать двоякое ожиданіе кончины міра: сначала съ концомъ 6-й, а потомъ и 7-й тысячи.

О семи тысячелѣтійхъ или семи эпохахъ находимъ преданіе еще въ свиллинныхъ оракулахъ, которые принадлежатъ V-му столѣтію.

Надобно сказать, что Отцы Церкви давали этому мѣсту не чисто хронологическое, а символическое толкованіе. Число *восемь* знаменовало у нихъ начало вѣчной жизни, такъ какъ оно слѣдуетъ за *седьмымъ*, числомъ времени, числомъ седьмидневной недѣли, этой мѣры, данной Богомъ для измѣренія нашего земнаго существованія. Таково мнѣніе Григорія Нисскаго. Бл. Августинъ въ своемъ твореніи о градѣ Божіемъ нѣсколько разъ повторяетъ слово Господне, что о *дни же томъ и часть никто же вѣсть, ни Ангели небесній* (Матѳ. гл. 24, ст. 36); что *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (Дѣян. Апост. гл. 1, ст. 7), и слова Апостола Павла: *сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень якоже тать въ нощи, тако придетъ* (1 Посл. къ Сол. гл. 5, ст. 2). Этими текстами Августинъ постоянно устранилъ мысль, что будто бы можно какими нибудь числами измѣрить продолженіе міра и опредѣлить его кончину. Патріархъ Фотій, около половины IX вѣка, также предупреждалъ паству свою противъ этой ложной мысли, ссылаясь на тѣже слова Писанія.

Но другіе умы ограниченныя, особенно лѣтописцы, вмѣсто прошедшаго обращавшіе вниманіе на будущее, питали эту вредную мысль въ народѣ. Такъ Кедринъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, указывалъ на 7-й день творенія, какъ на образчикъ седьмой тысячи, за которою послѣдуетъ конецъ міра. То же о семи вѣкахъ жизни міра писалъ Григорій, Епископъ Коринескій, въ половинѣ XII вѣка. Никифоръ Калистъ, по прозванію Ксанеопулъ, церковный историкъ пер-

вой половины XIV столѣтія, въ своемъ синаксарѣ хотя и говоритъ, что Господь скрылъ тайну кончины міра отъ учениковъ Своихъ, но прибавляетъ: думаютъ однако, что будетъ она по истеченіи седьмой тысячи. Синаксарь Никифора у насъ былъ извѣстенъ въ XV вѣкѣ; на него ссылается Іосифъ Волоцкій въ своемъ Провѣдѣніи. Монахъ Исаакъ Аргирозъ въ 1373 г. также писалъ, что, по господствующему мнѣнію, кончина міра послѣдуетъ съ исходомъ 7-й тысячи, и что по этой причинѣ нѣтъ нужды исправлять мѣсяцесловъ; но другіе говорятъ, что конца міру опредѣлить нельзя. Самъ Исаакъ держался сего послѣдняго мнѣнія.

Присоединялось къ этому мистическое толкованіе чиселъ, означавшихъ греческія имена Христа и креста. Такъ какъ имя Моисея соотвѣтствовало 1648 годамъ—и столько лѣтъ длился Моисеевъ законъ: то и имя Христа по гречески (Χριστός) означало 1480 лѣтъ. По присоединеніи къ нимъ 5500 лѣтъ, какъ было тогда въ обычаѣ, получали 6980 годъ. Остальныя 20 лѣтъ міръ долженствовалъ быть преданъ Антихристу. Въ рукописныхъ пасхаліяхъ греческихъ исчисленіе лѣтъ не смѣли простирать далѣе 7000-го года — и въ одной изъ такихъ пасхалій за этимъ роковымъ годомъ, послѣднимъ въ пасхальномъ кругѣ, слѣдуютъ слова: „горе, горе тѣмъ, которые доживутъ до конца вѣковъ!“ Геннадій Новгородскій въ предисловіи къ своему пасхальному кругу свидѣтельствуетъ также, что въ одной пасхаліи его времени кто-то написалъ слова: „здѣ страхъ, здѣ скорбь“, при роковомъ 1492 годѣ, слова, приводившія въ смущеніе не только простыхъ людей, но и ученыхъ.

У насъ не было такихъ кабалистическихъ толкованій на имя Іисуса Христа; но мысль о семи тысячелѣтіяхъ встрѣчается въ памятникахъ довольно древнихъ литературы нашей, усиливается въ XIV и XV вѣкахъ и простирается до самаго роковаго 1492 года. Въ первый разъ находимъ ее въ Словѣ: *о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человекъ*, которое до сихъ поръ приписывалось Кириллу Туровскому, но вѣрнѣе можетъ быть приписано Авраамію Смоленскому, проповѣднику начала XIII вѣка. „Устави же Богъ рокъ на земли житія человѣческаго 7000 лѣтъ, и еже что избереть въ ту семь тысячъ лѣтъ, то тѣми исполненъ есть чинъ ангеловъ, отпадшій съ небеси“. — „Скончавшуся року житія и оставшимся тремъ лѣтомъ царствовати Антихристу, по скончаніи трехъ лѣтъ царства его, послетъ Господь Михаила и Гавріила, вѣструбита въ рога овня, и въ мгновеніи ока въскреснутъ мертвіи“.

И такъ, по этому мнѣнію, въ 7000 лѣтъ праведные избранники должны были восполнить въ небесахъ чинъ ангеловъ, спадшихъ съ неба. Послѣдніе три года седьмаго тысячелѣтія были предоставлены господству Антихриста, а потомъ слѣдовало ожидать съ трепетомъ трубы Архангельской.

Епифаній, авторъ житія Св. Сергія Радонежскаго, говоритъ, что такой свѣтильникъ въ Русской землѣ не даромъ возсіялъ на скончаніе седьмой тысячи.

О Стефанѣ Пермскомъ то же самое его слово. Просвѣщеніе Перми свѣтомъ Христовой вѣры соединялось съ мнѣніемъ, что всѣ 72 народа, на которые раздѣлилось человѣчество при столпотвореніи Вавилонскомъ, должны были обратиться ко Христу предъ исходомъ послѣдней тысячи лѣтъ міра. Другіе говорили, напротивъ, что не стоило Стефану изобрѣтать Пермскую грамоту только на 120 лѣтъ, и что довольно было бы и Русской на такое короткое время.

Изъ подробностей житія Стефанова мы узнаёмъ, что Мартъ мѣсяць считался роковымъ мѣсяцемъ, когда ожидали кончины міра, потому что Марта 21-го, какъ думали, созданъ былъ Адамъ; въ Мартѣ Израильтяне освободились отъ работы Египетской; въ Мартѣ вошли они въ обѣтованную землю; въ Мартѣ совершилось Благовѣщеніе и въ Мартѣ же былъ распятъ Спаситель. Въ 1459 году пришлось Благовѣщеніе на Пасху и, по замѣчанію пасхалии того времени, ожидали тогда втораго пришествія, какъ записалъ и лѣтописецъ. Это мнѣніе коренится до сихъ поръ въ суевѣрной части народа Русскаго — и кто изъ насъ не слыхалъ о немъ въ своемъ дѣтствѣ?

Мы встрѣчали мысль о близкой кончинѣ міра въ поученіяхъ Кипріяна, Фотія, Григорія Цамблака³⁸). Когда въ 1408 году міротворный кругъ окончился, у насъ не осмѣлились продолжить пасхальное расчисленіе далѣе 1492 года, а ограничили его только седьюю тысячью³⁹). Въ одномъ Часословѣ⁴⁰), который названъ Кипріяновскимъ и, судя по всѣмъ признакамъ, долженъ быть отнесенъ къ XV вѣку, читаемъ *Посланіе отъ невидимаго отца Господа нашего Иисуса Христа*, исполненное угрозъ, относящихся къ страшилищу того времени; здѣсь говорятъ: „а лѣта и времена и дни кончаются, а страшный судъ готовится“. Всевозможными казнями грозить людямъ это посланіе, особенно за несоблюденіе пятка и среды. Въ грамотахъ нѣкоторыхъ Архипастырей упоминается роковое *послѣднее сто*. Θεодосій, Архіепископъ Ростовскій, въ послѣдствіи Митрополитъ, въ грамотѣ своей 1455 г. выражается такъ: „яко же нынѣ прилучися седмыя тысяща *послѣдняго ста* 63-го лѣта“. Митрополитъ Филиппъ въ посланіи къ Новгородцамъ 1467 г. изображаетъ имъ картину страшнаго суда и грозить вѣчною казнью за отнятіе селъ и имѣній церковныхъ. Новгородцы и Псковичи устроили въ городахъ своихъ семь соборныхъ храмовъ, въ память семи соборовъ святыхъ Отець и семи вѣковъ, доводящихъ до будущаго вѣка⁴¹).

Іосифъ Волоцкій, переписывая въ пустынькѣ своей Богородичникъ въ 1489 году, говоритъ въ послѣсловіи: „*написахъ послѣдняго ста* седмтысячнаго вѣка, девяносто седьмаго лѣта“. Впрочемъ, этотъ великій богословскій умъ, судя по 8-й и 9-й главамъ его Просвѣтителя, едва ли раздѣлялъ суевѣрныя мнѣнія своихъ современниковъ. — На рукописи, содержащей слова Аѳанасія Александрійскаго⁴²), нѣкто Тимоѳей Веніаминъ, переписчикъ, знавшій греческій языкъ, оканчивая трудъ свой, написалъ: *писахъ къ вечеру солнечнаго дне захода, сед-*

моричнаго реку вѣка. Книга окончена была въ заключеніи 1489 года, когда начиналось по суевѣрнымъ мнѣніямъ современниковъ трехлѣтнее царство Антихриста, за которымъ ожидали уже кончины міра.

Одинъ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, стоялъ мыслию своею выше современнаго предразсудка и въ посланіи своемъ къ Іоасафу, Архіепископу Ростовскому и Ярославскому, писанномъ въ 1489 году, явно противорѣчить нелѣпому вѣрованію и обличаетъ его словами: „А въ Евангеліи кончина не явлено, когда будетъ... Мнѣ помнится по Еноху: вѣкъ работаетъ человѣчеству, а семь тысячъ лѣтъ человѣческаго ради премѣненія положены. А по Богослову намъ на всякой часъ ожидать скончанія“. Геннадій прибавляетъ къ этому шутки: „Да и то мнѣ кажется, что *однова* еретики у насъ украли лѣта: у Латинянъ больше нашего осьмью годами. Да еще говорятъ: у насъ де и писано семь тысячъ лѣтъ да 8 до скончанія вѣка. Я спросилъ у нихъ: что же толкуете вы 8? А они говорятъ: вотъ что — будете добры, придамъ, будете злы — уйму васъ. А Татары сказываютъ: еще у нихъ до скончанія міру, сирѣчь до втораго пришествія Христа, сто лѣтъ да два“. Не даромъ Русская церковь на соборѣ 1492 года поручила Геннадію продолжить пасхальное расчисленіе, и онъ совершилъ это дѣло⁴³).

Для умовъ, одержимыхъ грубымъ суевѣріемъ вѣка, тяжела была ночь на 25-е Марта 1492 года. По истеченіи роковыхъ трехъ лѣтъ господства Антихристова, которое находили современники въ ученіи Жида Схаріп и его послѣдователей въ Новгородѣ и Москвѣ, робкіе люди въ эту ночь съ трепетомъ ужаса ожидали всемірнаго звука трубы Архангеловъ Михаила и Гавріила. Можно представить себѣ, съ какою ясною радостію проснулись эти люди въ праздникъ Благовѣщенія, и какъ свѣтлѣе съ тѣхъ поръ стало въ умахъ Русскаго народа. Тяжелый и нелѣпый предразсудокъ стряхнулъ онъ съ себя въ этотъ достопамятный годъ, когда пылливый геній Запада въ лицѣ Колумба открывалъ вторую половину обитаемой нами планеты и братался съ нашими антиподами.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ СЕМНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

- 1) Рум. муз. № 445 и Рукоп. гр. Толст. Отд. I. № 11.
- 2) Опис. Синод. библ. №№ 61, 62, 63.
- 3) Поѣздка въ Кир. бѣлос. мон. 2, стран. 16.
- 4) Рукоп. Царск. № 63.
- 5) Отчетъ Имп. публ. библ. за 1859 годъ стран. 58.
- 6) Библиот. Гр. Толст. Отд. I. № 32 и Рукоп. Царск. № 338.
- 7) Рук. Царск. № 210.
- 8) Рум. муз. № 118.

9) Описаніе харатейнаго списка Патерика Печерскаго. Журн. мин. нар. проsv. 1840. № 6.

10) Опис. Синод. Библ. № 27. — Матер. для истор. письм. Слав. рукоп. № IX. Въ Указат. Архим. Саввы ошибочно показанъ на 172-й стр. № 401 (30). На 276-й стран. тойже книги вѣрнѣе указанъ № 71 (27).

11) № 451.

12) № 200.

13) Поѣздка въ Кир. бѣлоз. мон. ч. II, стран. 30.

14) № 210 Синод. библ. и № 453 Рум. муз.

15) Описан. Синод. библ. № 1, прежній № 915. Разборъ Описанія. Русская Бесѣда. 1856. Кн. 2. — Матер. для истор. письм. № X.

16) Одинъ списокъ принадлежитъ Троицкой Лаврѣ; другой, упоминаемый Востокowymъ въ предисловіи къ Остромирову Евангелію, биржевому маклеру въ Петербургѣ г. Немилу. Оба XV вѣка. О нихъ кстаті здѣсь упомянуть, хотя они и не обозначены годами. Третій, XVI вѣка, въ Синодальной библіотекѣ.

17) Есть однако у насъ противники древней Руси, въ томъ числѣ и г. Викторовъ, которые признають, что первые книгопечатники наши, участвовавшіе въ изданіи Острожской Библии, не знали по гречески!

18) Опис. Рум. муз. № XXVII.

19) Твор. св. Отц. 1860. Кн. 1. Прибавленія, стр. 134. О Славянскомъ переводѣ пятокнижія Моисеева, исправленномъ въ XV вѣкѣ по Еврейскому тексту.

20) Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Кн. V. Архим. Варлаама Описаніе Сборника XV стол. Кирилло-бѣлоз. мон. стран. 2 и 43.

21) № 573.

22) „Не исходя (Св. Сергій) отъ мѣста своего въ инныя предѣлы развѣ нужды нѣкыя, не взыска царствующаго града, ни святыя горы, или іерусалима, якоже азъ окаянный и лишенный разума, у лютѣ мнѣ! — ползаа сѣмо и овамо, и преплавая сюду и оводу, и отъ мѣста на мѣсто прехождая“. (Рукоп. жит. Преп. Сергія).

23) № 610 Синод. библ.

24) Все это мѣсто такъ любопытно, что мы считаемъ необходимымъ его выписать: „Вѣдомо буди о семъ, яко азъ священноинокъ Досіеѣй, пришедь во обитель преподобныхъ на Соловки и застахъ еще жива преподобнаго Зосиму, его же сподобихся съ братією погresti своимъ руками, и елико видѣхъ и слышахъ отъ устъ его, сіе и написахъ, и о житіи блаженнаго Саватія и подруга его Германа. И о семъ извѣстно ми бысть, понеже азъ съ Германомъ быхъ во единой кельи, и написаніе о житіи преподобнаго Саватія видѣхъ и держахъ у себе не единожды и прочитахъ со многымъ вниманіемъ. Германъ же той, не умѣя книжнаго писанія, но Божіимъ Промысломъ вразумленъ бысть, еже видѣ при животѣ блаженнаго Саватія, и како съ нимъ приде на островъ Соловецкій, и ангеломъ Божіимъ изгнавшимъ рыболовца, и о преставленіи чюднѣмъ блаженнаго Саватія, и по преставленіи Саватіевѣ како приде преподобный Зосима на Соловки, и накъ Германъ съ нимъ, и видѣніе видѣ божественнаго луча осіявшася на мѣстѣ, идѣже обитель составлена, и церковь прекрасну на воздухѣ, и ина многа яже видѣ Германъ при животѣ блаженныхъ отецъ, сіа вся повелѣ Германъ клирикамъ писати,

и писанія того не мало было. По преставленіи же Германовъ нерадиша о писаніи томъ: просто бо бѣ писано, *якоже сказоваше имъ Германъ простою рчью*, тако они и писаша, *неукрашающе рчи*, но точію памяти ради писана житія преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія. И нѣбгый священникъ приде къ намъ на Соловки отъ иныхъ монастырей, и пребысть нѣколько время и отъиде во свояси, и писаніе Германово взя съ собою. Намъ же безъ написанія оставшимся о житіи начальникъ мѣста сего, и прилучися мнѣ Досиею быти въ пресловуемъ великомъ Новѣградѣ у Архієпископа Геннадія. Вопросаше мя прилѣжно о устрои мѣста Соловецкаго острова и о начальникахъ монастыря. Азъ же, елико видѣхъ, и исповѣдахъ вся подробно. Архієпископъ же рече: напиши ми о житіи начальникъ монастыря вашего и о чудесѣхъ ихъ, и еже вся ми исповѣдалъ еси. Мнѣ же грубу сушу и недоволну смысломъ на сіе великое дѣло и много отрицающумися, онъ же рече: елико взумѣшь, напиши ми памяти ради: вѣру бо, рече, имамъ къ начальникомъ монастыря вашего, яко Саватіе егда на Валаамѣ въ монастырѣ былъ, вѣмъ бо старца житіемъ велика и свята. Азъ же приимъ благословеніе отъ Архієпископа, Богу посѣшествовавшу ми, молитвъ ради преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Саватія, написахъ памяти ради елико возмогохъ, и удержавъ Архієпископъ у себе не мало лѣтъ, и держашу ми у собе писаніе то не мало лѣтъ, и бывшу ми на Бѣлѣ езерѣ въ Оералпонтѣвъ монастырѣ, и понудихъ тамо пребывающа бывшаго Митрополита Спиридона переписать и изложити стройно житіе начальникъ Соловецкихъ, и написанныя тѣя памяти дахъ ему, бѣ бо онъ тому мудръ, добръ умѣя писанія ветхая и новая, и Божіимъ изволеніемъ не отречеся понудити старость свою, и написа во общую ползу хотящихъ ревновати сихъ преподобныхъ житію. Списашася житія преподобныхъ по тридесяти лѣтѣхъ преставленія блаженнаго отца Зосимы игумена честныхъ обители Соловецкаго новаго чудотворца во славу и хвалу всесвятыхъ Живоначальныхъ Троица Отца и сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь“. (Выписано изъ рукописнаго житія, находящагося въ моей библіотекѣ).

25) Библ. Унд. №№ 353, 354, 355.

26) Библиот. Унд. №№ 305 и 306. Въ послѣднемъ номерѣ: О хожденіи къ царствующему граду Святаго, Повѣсть о Левѣ философѣ и преніе о святѣй аллилуіи, посланіе къ Евѣимію и отвѣтъ Евѣиміевъ, и проч.

27) Рукописное житіе въ моей библіотекѣ почерка довольно древняго. Повѣсть объ оленѣ напоминаетъ подобныя сказанія въ западныхъ легендахъ о св. Евстафійи и св. Губертѣ.

28) „Видѣніе же злаго струпа оного, еже преди сказахъ вамъ сице, яко бы говоръ водный во время бывающаго дождя, наводняющесе отъ телеси, изъ внутрьюду исходяще и дмящесе аки прыщъ, не единъ же зракъ имѣя, ово убо яко ягодище черленяся, ово же выспръ плоти востекъ и посинеша яко омертвѣ.... Комуждо на тѣлѣ его черлень являшесе вредъ той, сіи же, болѣзновавъ время не мало, и по недузѣ томъ Божіимъ промысломъ снабдѣвахуся отъ напрасныя смерти; а идѣже бѣаше язва, мѣсто же то извну все изгни и оструписа, ацемъ же синь во плоти ихъ обрѣташесе, ти гнѣвомъ Божіимъ по трехъ днехъ животъ свой скончеваху“. (Выписано изъ рукоп. жит. моей библіотеки: Повѣсть святаго о велицѣмъ мору въ 6935 (1427 году).

29) Библ. Унд. 276. „И приходитъ (Никифоръ) къ оному боярину Ивану, и бьетъ челомъ и проситъ грамоту слободскою; Иванъ же, видѣвъ его человекъ доброзачна и рѣчиста, и даетъ ему грамоту на тыя мѣста, слобода копити, жильцовъ называти и дворы ставити, и отгуду и до нынѣ прозвася весь та слобода Ошевнева“.

30) „И въ та времена прилучися близъ обители святаго человекъ нѣкій живяше, имя ему Олешъ Павловъ, діякъ мирскій. Дѣло его бѣяше книги писати, и ученики учити грамотныя хитрости, и зѣло искусень сый таковому художеству. Сего Кириллъ призвавъ рече ему: друже, сотвори ми любовь Божию, научи ми отрока сего грамотѣ, его же видиши“. Выписано изъ житія Мартиніана Бѣлозерскаго.

31) Переложено изъ житія, находящагося въ Великихъ Четвѣхъ-Минеяхъ Митрополита Макарія подъ 11-мъ числомъ Марта. Въ Милютинскихъ Минеяхъ житіе сокращено, и это мѣсто не находится.

32) Выписано изъ рукоп. житія, находящагося въ моей библиотекѣ.

33) Переложено изъ рукопис. житія № 276 Библиот. Унд.

34) Переложено изъ рукоп. житія, находящагося въ моей библиотекѣ.

35) Истор. Госуд. Росс. 1819. Т. VII. 226.

36) Преложено въ сокращеніи изъ житія Св. Данила Переяславскаго. Библ. Унд. № 301.

37) Karls des Grossen Kalendarium und Ostertafel. Herausgeg. von Piper. Berlin. 1858. — Die Philosophie der Kirchenväter von Huber. München. 1859.

38) См. 3 ч. Ист. Русск. Слов. стран. 93 сл., 176 сл. и 178 сл.

39) О ересяхъ и расколахъ, Руднева. 1838, стран. 104.

40) Рукоп. Иосиф. Волокол. мон. № 365.

41) Акты Историч. Т. I. № 286.

42) Рукоп. Иосиф. Волокол. мон. № 437.

43) Впрочемъ авторъ новаго жизнеописанія Иосифа Волоколамскаго называетъ и Геннадія не чуждымъ предразсудку о кончинѣ міра съ концемъ седьмаго тысячелѣтія. Твор. св. Отц. Т. V, кн. 2. Приб. стран. 255.

ЛЕКЦІЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Памятники свѣтской литературы. — 1) Путешествія. — Ксеносъ, или странникъ Зосимы. — Путешествіе инока Симеона Суздальскаго въ Италію въ 1437 году. — Флорентинская мистерія «Благовѣщеніе», переданная Аврааміемъ. — Отрывокъ о земляхъ за Араратомъ. — Хожение Аванасія Никитина въ Индію. — 2) Историческія сказанія. — Повѣсти о Тамерланѣ. — Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи Царяграда и о взятіи Царяграда. — Сказанія о восьмомъ соборѣ и о походѣ Іоанна III подъ Новгородъ. — Духъ лѣтописей XV вѣка. — 3) Сказки и сказанія: Шемякинъ судъ, о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, Синагрипъ царь Адоровъ или слово о Акирѣ премудромъ, Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита, Сказаніе объ Индіи богатой. — Притчи, загадки, изреченія въ сборникахъ. — Памятники живописи и зодчества. — Кремль. — Стихъ объ Егоріи храбромъ.

Приступая къ изложенію исторіи Словесности Русской въ XV столѣтіи и обозрѣвая сначала общимъ взглядомъ ея развитіе, мы сказали: „Въ XV вѣкѣ

жизнь государственная, развиваясь сильнѣе, двинула у насъ и жизнь общественную, что отозвалось и умноженіемъ памятниковъ литературы свѣтской“. Мы рассмотримъ теперь сіи послѣдніе въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, раздѣливъ ихъ на три отдѣла: 1) путешествія, 2) историческія сказанія, 3) сказки.

Впереди идутъ путешествія на востокъ и на западъ. Въ 1420 году іеродіаконъ Зосима, инокъ Сергіевой Лавры, черезъ Кіевъ совершилъ странствіе въ Царьградъ, былъ на Аѳонѣ и потомъ въ Іерусалимѣ, и описалъ свое странствіе подъ заглавіемъ: *Книга глаголемая Ксеносъ, сирѣчь странникъ Зосимы діакона о пути Іерусалимскомъ до Царьграда и до Іерусалима*¹⁾. Въ Софій Царьградской поразилъ его образъ Спаса исповѣдника, которому можно было исповѣдывать грѣхи свои, если кто, срама ради, не хотѣлъ открыть ихъ духовнику. Мѣдную статую Юстиніана на мѣдномъ конѣ онъ описываетъ почти такъ же, какъ и Стефанъ Новгородецъ, но съ нѣкоторыми прибавленіями: „конь мѣдянь, и самъ мѣдянь вылить, правую же руку держитъ распростерту, а зрѣтъ на востокъ, а самъ хвалится на Срацинскіе цари; а Срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань, и глаголятъ ему: а не хвалися на насъ, господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не единожды, но многочастно“. Кромѣ многихъ святынь, суевѣрные или хитрые Греки показывали ему и Ноевъ ковчегъ, и сѣкуру Ноеву, чѣмъ онъ ковчегъ дѣлалъ, и трапезу Авраамову, на ней же Авраамъ угостилъ Троицу подъ дубомъ Мамврійскимъ, и камень, изъ котораго Моисей воду источилъ, и окаменѣлую жабу, которая, при царѣ Львѣ премудромъ, по улицамъ ходила и смертію людей пожирала. Изъ памятниковъ дѣйствительно историческихъ Зосима нашель въ женскомъ монастырѣ Лепеси (Богоматери τῆς λῆζος) гробницу Анны Васильевны, дочери В. Князя Василія Димитріевича, внуки Донскаго и Витовта, бывшей замужемъ за Іоанномъ Палеологомъ, сыномъ Императора Мануила, и умершей черезъ три года послѣ замужества отъ мороваго повѣтрія²⁾.

Зосима ходилъ и по всѣмъ церквамъ Святой горы Аѳонской, а въ день Преображенія былъ на самой вершинѣ горы. Въ близкій Солунъ ходилъ онъ по суху, чтобы поклониться гробу Димитрія Солунскаго мучоточца. По пути въ Іерусалимъ былъ и на островѣ Патмосѣ, мѣстопребыванія Іоанна Богослова. Къ самому празднику Воскресенія поспѣлъ онъ въ Іерусалимъ. Ни молніи, ни голубя не видалъ онъ во время полуночнаго явленія свѣта. Цѣлое лѣто провелъ въ Іерусалимѣ, видѣлъ всѣ святыя мѣста подробно, но жалуется много на Бедуиновъ (Араповъ), которые грабили его сильнымъ окупомъ и мучили побоями до полусмерти. Когда Зосима возвращался назадъ, на корабль напали морскіе разбойники, ограбили путниковъ и его самого ударили копейнымъ ратовищемъ въ грудь, желая добыть у него деньгу золотую.

Когда Митрополитъ Исидоръ въ 1437 году отпраплялся на Флорентинскій

соборъ, его сопровождали Авраамій, епископъ Суздальскій, и инокъ Симеонъ, также Суздалецъ, изъ коихъ послѣдній описаль съ нѣкоторою подробностію ихъ странствіе, а первый передалъ описаніе благовѣщенской мистеріи, видѣнной ими во Флоренціи.

Симеонъ въ описаніи Исидорова путешествія³⁾ называетъ самого себя не одинъ разъ. Съ великою любовью принимали Тверитяне, Новгородцы и Псковичи Митрополита Исидора, когда онъ ѣхаль на соборъ черезъ Тверь, Новгородъ и Псковъ. Изъ подробностей описанія видно, какая любовь вездѣ одушевляла Русскій народъ къ святителямъ Церкви. Всѣ иноземные города, начиная съ Юрьева, приводили въ изумленіе Русскаго инокъ. Даже объ Юрьевѣ онъ такъ выражается: „Градъ же бѣ Юрьевъ великъ и каменнъ, нѣсть такихъ у насъ, палаты же въ немъ созданы вельми чудны, намъ же, не видящимъ таковыхъ дивящихся“. При всякомъ новомъ городѣ простодушное изумленіе Русскаго путешественника возрастаетъ. Въ Любекѣ поразили его палаты съ позлащенными верхами и воды, проведенныя въ городъ, текущія трубами по всѣмъ улицамъ, а иныя изъ столповъ, и студеныя и сладкія. Въ монастырѣ города Любека монахи принимали Русскихъ гостей весьма дружелюбно; нашихъ особенно удивило механически устроенное Поклоненіе Волхвовъ передъ Богоматерью съ младенцемъ Спасителемъ. Въ Люнебургѣ Симеонъ заглядѣлся на фонтаны, бившіе изъ бронзовыхъ статуй: „истекають изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у инаго изъ усть, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ локти, а у инаго изъ ноздрію“. Ниренбергъ показался ему хитрѣе всѣхъ вышеписанныхъ городовъ такъ, что и сказать о немъ не можно и *недомысленно*. А потомъ и Аугсбургъ величествомъ превзошелъ всѣ преждеписанные города. Впечатлѣнія, видно, такъ были сильны, что Русскіе путешественники никакъ не могли отдавать себѣ въ нихъ яснаго отчета, а переходили безсознательно отъ одного къ другому. Замѣтилъ Симеонъ различіе нарѣчій Нѣмецкаго языка въ Германіи: „Аламанская земля, то есть не иная вѣра, ни иный языкъ, но есть едина вѣра Латинская, а языкъ Нѣмецкій же, но разной, яко Русь съ Сербы“. Горы, покрытыя нетающими снѣгами, понятнымъ образомъ изумили жителя Русской равнины, какъ изумляютъ и теперь. „Дивны горы тѣ и толикой высоты суть, яко облаки въ полѣ ихъ ходять, и облаки отъ нихъ ся взимають. Снѣзи же лежать на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ“. Въ Феррарѣ Симеонъ удивлялся часамъ, устроеннымъ въ колокольнѣ съ механикою, посредствомъ которой Ангель при каждомъ ударѣ новаго часа выходилъ къ народу.

„У того столба отведено крыльцо и двои двери; и коли приспѣетъ часъ ударити въ колоколь, и выдетъ изъ столба на крыльцо Ангель, простѣ видѣти, яко живъ, и потрубитъ въ трубу, и входитъ другими дверцами въ столбъ, а людямъ всѣмъ видящимъ Ангела, и трубу видящимъ, слышати мочно гласъ его; и потомъ въ тотъ колоколь великій восходяще, Ангель на всякъ часъ ударяше“.

Монахи въ дорогѣ, какъ видно, разрѣшали на мясную пищу, судя по тѣмъ яствамъ, какія покупали они въ Феррарѣ и которыхъ цѣны подробно обозначили.

Храмы (божницы) Флоренціи поразили ихъ болѣе всего. О соборѣ ея, Santa Maria del fiore, выложенномъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, дивномъ произведеніи многихъ зодчихъ и славнаго Бруннелеско, увѣнчавшаго храмъ куполомъ, и о колокольнѣ, созданіи Джіотто, Русскій инокъ такъ выразился: „И есть во градѣ томъ божница устроена велика, камень мраморъ бѣлый да чернъ; и у божницы той устроены столпъ и колокольница, тако-жъ бѣлый камень мраморъ, хитрости ей недоумѣваетъ умъ нашъ. И ходихомъ въ столпъ той вверху по лѣстницѣ, и сочтохомъ ступени четыреста и пятьдесятъ“. Изъ богоугодныхъ заведеній Флоренціи Симеонъ замѣтилъ *льжебницу великую, и въ ней за тысячу кроватей*, и богадѣльню немощнымъ, и пришельцамъ, и страннымъ иныхъ земель. Передъ чудотворной иконой Богоматери остановилъ иноковъ обычай Итальянскаго народа, до сихъ поръ существующій, выставять восковыя маленькія изображенія тѣхъ чудесъ, которыя совершены были изцѣленіемъ отъ иконы надъ людьми разнаго возраста и пола, и въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Деревья Итальянской природы путникъ сравниваетъ съ нашими: кедръ, говоритъ онъ, походить много на Русскую нашу сосну, а кипарисъ корою какъ липа, хвоею какъ ель, но хвою мало, а кудрявый, мягкой, шишки походятъ на сосновыя.—Въ Венеціи, гдѣ по вѣзмъ улицамъ воды и ѣздятъ на баркахъ, привлекла всего болѣе вниманіе Русскаго инока церковь св. Евангелиста Марка, и особенно потому, что *Гречинъ писалъ ее мусію*. Надъ передними дверьми поставленные *четыре кони мѣдные, позлащены, велики*, были также имъ замѣчены.

О Флорентинскомъ Соборѣ Симеонъ передалъ нѣкоторыя подробности. Онъ пересчиталъ поименно всѣхъ его участниковъ съ обѣихъ сторонъ какъ Греческой, такъ и Римской, съѣхавшихся въ Феррарѣ. Народному самолюбію его пріятно было, что, въ ожиданіи Исидора, не соборовали мѣсяцевъ шесть; что, когда пріѣхалъ онъ, встрѣтило его людей множество съ великою честью, *славы ради имени великаго князя Василія Васильевича всея Русси*; что было въ Феррарѣ 25 соборовъ, и не могли ничего сотворить, *зане сила Православія бѣ велика*, и ни въ чемъ Латины не успѣли.

Но когда Соборъ перенесли изъ Феррары во Флоренцію, дѣла измѣнились къ худшему. Симеонъ съ Тверскимъ бояриномъ и посломъ Русскимъ Томою, сопровождавшимъ также Исидора, прихаживалъ ночью тайно для бесѣды къ Епископу Авраамію, украдкой отъ Исидора. Папа послалъ своего Епископа Христофора къ Авраамію уговорить его, чтобы онъ подписалъ актъ соединенія; Авраамій не хотѣлъ. Исидоръ посадилъ его въ темницу и держалъ въ ней недѣлю; вынужденный насиліемъ, Авраамій подписалъ. Въ самомъ дѣлѣ, подпись его мы читаемъ въ Лаврентьевской бібліотекѣ во Флоренціи на актѣ Собора Флорен-

тинскаго. Симеонъ часто противорѣчилъ Исидору, сносилъ его укору и даже *томленіе*, но находилъ опору и убѣжище у Марка Эфесскаго, сидѣвшаго за стражею, и принималъ отъ него благословеніе, сохранившее инока, по словамъ его, отъ всякаго зла.

Авраамій Суздальскій передалъ намъ съ большою подробностію мистерію въ лицахъ, которую онъ видѣлъ въ одномъ Флорентинскомъ монастырѣ⁴⁾. Мистерія представляла Благовѣщеніе и устроена была въ верху монастырской церкви. На горнемъ престолѣ челоуѣкъ сановитый изображалъ сидящаго Бога Отца съ Евангеліемъ въ рукѣ; множество малыхъ дѣтей, олицетворявшихъ небесныя силы, окружали престолъ; болѣе пяти сотъ свѣчей горѣло вокругъ. Помость каменный, на нѣсколько сажень внизъ, убранный красными занавѣсами, отдѣлялъ нижнюю часть мистеріи отъ верхней: здѣсь внизу устроена была кровать съ возглавіемъ, убраннымъ великолѣпно. Благообразный отрокъ сидѣлъ на кровати, изображая Пречистую Дѣву Марію: онъ былъ въ вѣнцѣ и облеченъ въ дорогую дѣвическую ризу; въ рукахъ держалъ онъ книги и читалъ ихъ тихо. На самомъ помостѣ стояли четыре челоуѣка съ большими бородами, съ волосами по плечамъ, въ вѣнцахъ голубинныхъ, съ позлащенными кругами около ихъ головъ, въ срачицахъ долгихъ, бѣлыхъ, широкихъ, подпоясанныхъ, съ платомъ чернымъ на правомъ плечѣ, переложеннымъ подъ лѣвое: они, имѣя въ рукахъ разныя письмена, содержавшія въ себѣ пророчества о схожденіи съ неба Сына Божія, изображали Пророковъ, предсказывавшихъ о Дѣвѣ Маріи. Все это видѣніе было покрыто занавѣсью; но когда собрался народъ, занавѣсъ открылась и представленіе началось снизу, гдѣ были Пророки, и къ верху, гдѣ былъ Богъ Отецъ. Съ полчаса длилось состязаніе пророковъ, свидѣтельствовавшихъ передъ народомъ письмена свои: они знаками и движеніями указывали на нихъ и *которались* между собою о томъ, откуда придти спасенію. Вдругъ раздался громъ, и открылось горнее видѣніе небснаго Отца, окруженнаго Ангелами. Пятьсотъ свѣчей непрерывно двигались то туда, то сюда; дѣти-Ангелы, небесныя силы въ бѣлыхъ ризахъ, гремѣли въ кимвалы и другія орудія. Съ самага верха отъ Отца по двумъ вервямъ, на двухъ колесахъ, посредствомъ третьей верви самой тонкой, спускался внизъ къ Дѣвѣ Ангель, *отрокъ чистообразный и кудрявый*, въ одеждѣ бѣлой какъ снѣгъ и украшенной повсюду золотомъ, съ ораремъ Ангельскимъ около шеи, съ крыльями позлащенными. Во время схождения Ангель Божій пѣлъ тихимъ голосомъ и въ рукахъ держалъ прекрасную вѣтвь. Когда онъ сошелъ, между нимъ и Дѣвою Марією произошла Евангельская бесѣда, нѣсколько распространенная сравнительно съ благовѣстьемъ отъ Луки. Она заключилась словами пресвятой Дѣвы: Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. Ангель, отдавши Ей вѣтвь, возвратился на небо. Дѣва, принявъ вѣтвь, смотрѣла горѣ на восхожденіе Ангела къ отцу. Огонь искрами сыпалъ сверху и зажигалъ свѣчи, которыя до

тѣхъ поръ не горѣли, и громъ сопровождалъ его. Наконецъ, запоны затворились и скрыли отъ народа это *чудное видѣніе и хитрое дѣяніе*.

Замѣчательно то простодушное сочувствіе, съ какимъ Авраамій Суздальскій передалъ Римско-католическую мистерію, нисколько не подвергая ее никакому осужденію, а непритворно изумляясь художественному ея исполненію и называя все это видѣніе *пречуднымъ и несказаннымъ*.

Западъ случайно привлекъ вниманіе нашихъ соотечественниковъ. Но на востокъ предки наши стремились по какому-то особенному внутреннему влеченію. Что-то тайное говорило имъ, что сила и владычество наше тамъ, а не на западъ. Въ древнія времена жизни народовъ инстинктъ призванія сказывается прямѣе и истиннѣе, нежели послѣ, когда его затмѣваетъ анализъ ума, занесенный изъ чужи. Наука, разоблачая передъ нами первоначальныя стремленія нашихъ предковъ, снова наводитъ насъ на то, что ближе къ нашей природѣ и что свойственнѣе нашему первобытному характеру.

Замѣтка о *земляхъ за Араратомъ*, встрѣтившаяся въ сборникѣ XVI вѣка, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, должна быть отнесена къ XV вѣку⁵). Въ этомъ отрывкѣ, говоритъ онъ, слышенъ голосъ челоуѣка XV столѣтія, именно около его половины, хотя и худо знавшаго гидрографію юго-западной Азіи. Съ одной стороны, находимъ у него названія книжныя, какъ напр. горы Кавкаскійскія, горы Иверскія и царство Иверское, царство Вавилонское, Междорѣчье—землю между Тигромъ и Евфратомъ, напоминающую священныя преданія о земномъ раѣ; но съ другой стороны, видно не одно знаніе книжное, а наглядное, передающее сказанія самовидца. Таково обозначеніе дороги отъ Іерусалима и Царьграда въ Самаркандъ, отъ Іерусалима черезъ Сирію, отъ Царьграда мимо Трапезонта въ Тавризу и мимо Испгани далѣе на востокъ въ дальнюю Великую Орду. Царство Иверское названо именемъ народнымъ *Гурзы*, откуда Грузія; море Каспійское именуется *Бакинскимъ*, какъ оно слыло у Испанцевъ и Итальянцевъ того времени. Всѣ эти страны уже привлекали Русскихъ и въ XV столѣтіи, предсказывая будущее взаимное сочувствіе Востока и Россіи, которое послѣ оправдалось на дѣлѣ и связало тѣснымъ союзомъ наши судьбы съ его судьбами.

Но вотъ ожидаетъ насъ другой болѣе значительный памятникъ: *Хоженіе за три моря Аванасія Никитина, Тверскаго купца*⁶). За тридцать лѣтъ до того времени, какъ Португалецъ Васко ди Гама предпринялъ въ 1497 году свое славное морское путешествіе, открывшее морской путь въ Восточную Индію, нашъ Тверитянинъ отправился туда же черезъ Персію въ 1466 году, пробылъ въ Индіи четыре года, составилъ записки о своемъ пути и пребываніи и въ 1472 году, возвращаясь въ свою родную Тверь, умеръ на дорогѣ въ Смоленскѣ. Тетради, его рукою писанныя, привезены были купцами въ Москву и вручены дьяку Великаго Бнзя Василью Мамыреву, который, какъ должно думать, и внесъ ихъ въ современную лѣтопись подъ 1475 годомъ. Нашему ученому Срезневскому мы

обязаны объясненіемъ этого памятника⁷⁾: онъ сличилъ его съ Итальянскими и Португальскими путешественниками, въ XV вѣкѣ описавшими Индію, и вывелъ заключеніе, что только рассказы Венеціанца ди Конти (1444) и отчеты Васко ди Гама (1497 — 1499) могутъ быть поставлены вровень съ Хоженіемъ Аванасія Никитина (1466—1472); что если путешествіе Васко несравненно значительнѣе было по своимъ всемірнымъ послѣдствіямъ, то наблюденія ди Конти и Никитина гораздо цѣннѣе по обилію содержанія — и Никитинъ въ этомъ отношеніи долженъ быть даже поставленъ выше ди Конти.

Что побудило Аванасія Никитина предпринять такое отдаленное и трудное путешествіе? Какъ купецъ онъ не измѣнилъ своему промыслу и привезъ жеребца въ Индію, зная уже, что „въ Индѣйской земли кони ся у нихъ не родятъ“ (его выраженіе). Въ Чюнерѣ Ханъ чуть не отнял у него жеребца, узнавъ, что онъ не бесермянинъ, а Русинъ, и желая обратить его насильно въ Магометанскую вѣру. Но Русскій нашель однако средство не измѣнить своей вѣрѣ и сохранить своего жеребца. Онъ отыскалъ себѣ ходатая предъ Ханомъ, который отстоялъ и вѣру его, и собственность. Это совершилось въ день Преображенія въ госпожинокѣ — и набожный путникъ видѣлъ въ этомъ событіи чудо отъ такого святаго праздника. Жеребца своего онъ продалъ въ Бедери, большомъ торговомъ городѣ, но безъ особенной выгоды. Говоритъ онъ объ алмазахъ, о родинѣ ихъ, объ ихъ копяхъ, о различныхъ качествахъ и цѣнности; указываетъ на важнѣйшіе торговые города Индіи. Должно думать, что путешественника манила ложная надежда завести большую торговлю съ Индійцами. „Меня залгали, говоритъ онъ, псы Бесермены, а сказывали много всего нашего товара; ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на Бесерменскую землю, перецъ да краска — то и дешево; возять моремъ, пошлннъ много, а на морѣ разбойниковъ много“. Судя по этимъ словамъ, Никитинъ, увлеченный преувеличенными рассказами жителей востока, обманулся въ своихъ торговыхъ надеждахъ.

Выѣхавъ онъ съ Русскимъ посломъ Василиемъ Папинымъ и пользовался покровительствомъ посла Персидскаго къ Иоанну III, Асанъ-Бега. Татары на югѣ были довольно къ нимъ негостепримны. Персія не привлекла вниманія нашего путника; видно, что все оно сосредоточилось на Индіи. Его поразили сначала видъ наготы и черноты Индѣйскихъ туземцевъ, которые бѣгали за нимъ толпою, удивляясь бѣлому челоуѣку.

Подробно описываетъ Никитинъ нравы и обычаи Индѣйцевъ, но съ особеннымъ вниманіемъ ихъ вѣру. Замѣчательно, что, когда онъ открылся имъ Христіаниномъ и они изъ Аванасія переименовали его въ Хозя Ифусъ Хоросани, тогда перестали передъ нимъ скрываться и женъ своихъ отъ него уже не прятали. Когда онъ разспросилъ ихъ объ ихъ вѣрѣ, они сказали ему, что вѣрують въ Адама, называя его Буть, т. е. Будда. Всѣхъ вѣръ нашель Никитинъ въ Индіи 84, а всѣ

вѣрують въ Бута (Будда); а вѣра съ вѣрою ни пьеть, ни ѣсть, ни женятся между собою; ѣдятъ барановъ, куръ, лица, но воловъ не ѣсть ни одна вѣра. „Индѣяне вола зовутъ отцомъ, а корову матерью“. — Онъ былъ въ Первотѣ, Индѣйскомъ Иерусалимѣ. Бутхана, храмъ Будды, величиною съ полъ-Твери: на стѣнахъ расписаны дѣянія Будды, какія чудеса онъ творилъ и какъ являлся въ образахъ получеловѣческихъ и полу-животныхъ. Въ этотъ городъ съѣзжается вся страна Индѣйская на чудо Бутово; старыя жены и дѣвки брѣютъ себѣ волосы передъ тѣмъ, какъ взойти въ Бутхану. Подробно описанъ каменный идолъ Будды, здѣсь стоявшій, голый, съ лицомъ обезьяны, хвостъ закинуть черезъ, правую руку поднялъ высоко, какъ царь Юстиніанъ въ Царьградѣ, а въ лѣвой копые. Передъ нимъ стоитъ воля огромный, вырѣзанный изъ чернаго камня и весь позолоченный; его цѣлуютъ въ копыто и сыплютъ на него цвѣты такъ же, какъ и на Будду.

Замѣтилъ Аеанасій обрядъ похоронный, какъ сожигаютъ тѣла умершихъ и пепель сыплютъ на воду; какъ мужъ повиваетъ у родящей жены; какъ отецъ даетъ имя сыну, а мать дочери. Вотъ подробное описаніе торжественнаго выѣзда Султана на праздникъ Байрама въ Бедери. Съ двадцатью визирями онъ выѣхалъ. Триста слонъ, наряженныхъ въ доспѣхи булатные, съ окованными городками на нихъ, а въ каждомъ городкѣ по шести человѣкъ, также въ доспѣхахъ, съ пушками и пищалами, а на великомъ слонѣ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ по два большихъ прапорца (знамени); къ зубамъ привязаны великіе мечи; къ рылу великія желѣзныя гири; человѣкъ сидитъ въ доспѣхѣхъ промежъ ушей, крикъ у него желѣзный великій и тѣмъ онъ править; коней простыхъ тысяча въ золотыхъ уборахъ; верблюдовъ сто съ нагарами (барабанами); трубниковъ 300; плясуновъ 300. На султанѣ кафтанъ весь саженьяхонтами; на шапкѣ чечакъ алмазъ великій; сайдакъ золотой съяхонтами; три сабли на немъ золотомъ окованы, сѣдло золотое; передъ нимъ бѣжитъ кафаръ пѣшій, играетъ теремцомъ (зонтикомъ), за нимъ пѣшихъ много, а тутъ блажной слонъ идетъ, весь наряженъ въ камку, большая желѣзная цѣпь во рту, отбиваетъ коней и людей, чтобы на Султана не наступали близко. Братъ султановъ и ханъ Махмутъ, составлявшіе свиту Султана, выѣзды Султана и его приближенныхъ на потѣхи или увеселительныя зрѣлища, описаны равно подробно. Сообщены также свѣдѣнія о войскѣ Бедерскаго Султана и другихъ владѣтельныхъ хановъ.

Природа Индіи привлекала также вниманіе нашего путника. Онъ обозначилъ разницу въ климатѣ многихъ мѣстностей. Въ Бедери, въ Великую ночь, т. е. на Пасху, онъ дѣлалъ свои астрономическія наблюденія надъ небомъ Индіи, называя созвѣздія Русскими народными именами: волосыни, кола и лось. Изъ животныхъ слоны особенно не поразили его, потому, конечно, что онъ видалъ ихъ и прежде. Обезьяны, напротивъ, показались ему особеннымъ народомъ, имѣющимъ свой языкъ и своего обезьянскаго князя, который ходитъ съ ними ратью и мститъ

людямъ за обижаемыхъ его подданныхъ; замѣчательны здѣсь мѣстическія преданія объ обезьянахъ изъ Индійской поэмы Рамаяна и о князѣ ихъ Гануманѣ. Обезьяны бросаютъ по дорогамъ дѣтей своихъ, которыя родились ни въ отца ни въ мать. Индѣйцы хватаютъ ихъ и обучаютъ всякому рукодѣлю и пляскѣ. Упоминаетъ Никитинъ о ночной птицѣ гукукъ, такъ названной по крику своему, птицѣ зловѣщей, которая, по мнѣнію Индѣйцевъ, садясь на кровлю дома, предвѣщаетъ въ немъ мертвеца. Въ Бедери на улицахъ видѣлъ онъ змѣй длиною въ двѣ сажени. Мускусовые олени были ему также извѣстны. Изъ растительнаго царства Никитинъ замѣтилъ тѣ плоды, изъ которыхъ готовятся водки и питья въ родѣ вина, и приности Индіи въ географическомъ отношеніи, гдѣ рождаются. Драгоцѣнные камни, и особенно алмазныя копи, съ обозначеніемъ цѣны локтю алмаза въ двѣ тысячи фунтовъ золота, были также имъ замѣчены.

Пристани Индійскаго моря: Гурмызъ, Камбатъ, Дабыль и Келекотъ, Силянъ (Цейланъ), Шабатъ, описаны имъ подробно и вѣрно въ отношеніи къ произведеніямъ природы и къ торговлѣ, какую тогда вели.

Сокрушала Никитина невозможность исполнять со всею строгостію всѣ предписанія православной вѣры касательно постовъ и главныхъ праздниковъ. Но, сколько могъ, онъ соблюдалъ православныя обычаи древняго Русскаго человѣка съ удивительною настойчивостію. Правительство восточное было придирчиво къ его вѣрѣ и хотѣло насиліемъ обратить его къ своей, но въ народѣ Индіи, напротивъ, онъ встрѣтилъ сочувствіе. Описывая сказанный выше случай, какъ ханъ Чюнерскій хотѣлъ отнять у него жеребца, если онъ не перейдетъ въ ихъ вѣру, Никитинъ съ отчаянія восклицаетъ: „Ино братіе, Русьтіи Христіане, кто хоцетъ поити въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въсклигнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю“. Желая въ пути своемъ соблюдать законъ своей вѣры, Никитинъ запасся было еще на Руси книгами для того нужными, но его на дорогѣ ограбили и книги тѣ всѣ у него взяли. Не смотря на то, онъ держался своего расчета, соблюдалъ посты, особенно Великій, ѣлъ тогда по два раза въ день хлѣбъ да воду, да молился Христу Вседержителю, кто сотворилъ небо и землю, а иного не призывалъ никотораго имени. Нѣсколько разъ въ описаніи своего многолѣтняго странствія онъ выражаетъ душевную тоску по родной вѣрѣ и отдаетъ отчетъ своимъ соотчичамъ въ томъ, какъ проводитъ онъ святыя дни поста и гдѣ встрѣчаетъ великій день. „Уже проидоша Великія дени четыре въ Бесерменьской землѣ, а Христьянства не оставихъ, далѣ Богъ вѣдаетъ что будетъ. Господи Боже мой, на тя уповахъ, спаси мя, Господи Боже мой“. Отдавая отчетъ въ послѣдній разъ въ постѣ и празднованіи пасхи, онъ съ отчаянія уже такъ выражается: „а правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра та единого знати и имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чисто чисто... а Велика дени Христьянскаго не вѣдаю Христова Въскресенія, а говѣйное же ихъ говѣхъ съ

Бесермены, и разговѣхся съ ними, и Великъ день взялъ въ Келбери“... Вотъ, наконецъ, мысль, которая заставила его послѣ шестилѣтняго отсутствія возвратиться въ отечество: когда онъ пріѣхалъ въ городъ Дабиль, пристань на Индійскомъ морѣ, онъ раздумался о вѣрѣ Христіанской, о крещеніи Христовомъ, о постахъ святыми Отцами устроенныхъ, о заповѣдяхъ Апостольскихъ, и устремился умомъ идти на Русь.

Въ описаніе своего хожденія Аѳанасій Никитинъ вставилъ много выражений, цѣлыхъ реченій и даже отрывковъ на Персидскомъ, Тюркскомъ (Татарскомъ) и Арабскомъ языкахъ, которые онъ во время странствія своего, а частію, можетъ быть, и прежде себѣ усвоилъ. Всѣ эти восточныя вставки изслѣдованы и переведены на Русскій языкъ нашимъ ориенталистомъ Казембекомъ⁸⁾. Здѣсь иногда восточными языками Никитинъ прикрываетъ то, что совѣстится сказать по-Русски. Но большею частію вставляетъ онъ на этихъ языкахъ молитвенныя выраженія восточныхъ народовъ, которымъ сочувствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ молится за Русскую землю. Вотъ смыслъ этой молитвы: „Да сохранитъ Богъ землю Русскую! Боже сохрани (ее)! Въ семь мѣръ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится Русская земля. О Боже, Боже, Боже (Боже), Боже!“ Последнія пять воззваній: „о Боже“ — на Арабскомъ, Персидскомъ, два на Русскомъ и одно на Тюркскомъ языкахъ⁹⁾. Хожденіе свое онъ заключилъ Магометанскою молитвою на Арабскомъ языкѣ, называемой „асмаул—лахъ“. Въ молитвѣ изложены общія свойства Бога, какъ существа совершеннаго; но Аѳанасій вставилъ въ эту молитву имя Иисуса, драгоценное для Христіанъ.

Перейдемъ къ историческимъ сказаніямъ XV столѣтія. Въ наши лѣтописи, съ этихъ поръ особенно, начали вставлять сказанія, которыя относятся къ важнѣйшимъ событіямъ исторіи востока, поскольку она связана съ исторіею Россіи, равно и къ событіямъ отечества. Мы пройдемъ ихъ по порядку времени.

О страшномъ завоевателѣ Востока Тамерланѣ, который у насъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Тамиръ-Аксака (железнаго хромца) и нападалъ на наши предѣлы въ 1395 году, въ нашихъ лѣтописяхъ сохранились два сказанія: одно о всей его жизни отъ рожденія до смерти, другое о походѣ его на Русь. Срезневскій, изслѣдовавшій оба, относитъ сочиненіе ихъ къ половинѣ XV вѣка. Въ первомъ изъ нихъ внукъ Темира, умершаго въ 1405 году, Шахъ-рохъ (по лѣтописи Шероухъ), умершій въ 1477 году, именуется *владыющимъ нынѣ Персидскою землею*¹⁰⁾.

Слухъ о страшномъ завоевателѣ доходилъ до нашихъ предковъ съ Востока; молва неслась, конечно, чрезъ нашихъ странниковъ; но когда Тамерланъ самъ дошелъ до Россіи и былъ уже въ Рязанской области, въ городѣ Ельцѣ, въ это грозное время, равно и послѣ его отшествія, сложились тѣ сказанія, которыя

сначала, по всему вѣроятію, жили въ устахъ народа, а уже потомъ были записаны и приняты въ лѣтопись¹¹⁾.

Фантазія Русскаго народа, ожесточеннаго противъ новаго безчеловѣчнаго грабителя, котораго посылалъ намъ кровожадный и корыстный Востокъ, прибавила много своего къ тѣмъ устнымъ сказаніямъ о Тамерланѣ, которыя странники приносили къ намъ оттуда.

Лѣтопись приписываетъ ему рабское происхожденіе и ремесло кузнеца. Поприще свое онъ начинаетъ воровствомъ и грабежемъ. За то, что онъ напалъ на пастуховъ и отбилъ у нихъ овцу, его подстрѣлили въ ногу, и онъ на всю жизнь охромѣлъ, и потому прозванъ хромцемъ, а такъ какъ по преданію кузнецъ спаялъ свою перебитую ногу желѣзомъ, то и прозванъ *хромцемъ желѣзнымъ* (Темиръ Аксакъ). Лѣтопись высчитываетъ всѣ царства и земли, какія покорилъ онъ на востокѣ. Синяя Орда, лежащая близъ Индіи, пала передъ нимъ. Баязета и Тохтамыша онъ сразилъ въ открытыхъ бояхъ. Русское преданіе рассказываетъ, какъ перваго возилъ онъ за собою въ желѣзной клѣткѣ; но исторія не подтвердила этой выдумки. Безчеловѣчность Тамерлана, воздвигавшая пирамиды изъ череповъ человѣческихъ, отзывается и въ нашихъ о немъ преданіяхъ. Онъ велитъ засыпать рвы женами и дѣтьми; видя много дѣтей плачущихъ, приказываетъ затоптать ихъ конями и оправдывается тѣмъ, что освободилъ ихъ отъ злобы и скорби міра сего. У Желѣзныхъ воротъ, прежде чѣмъ принять пословъ царя, напивается крови человѣческой, потомъ извергаетъ ее предъ ними, притворяется мертвымъ и ночью, нападши неожиданно на страну, всю ее разоряетъ.

Но этотъ извергъ, по преданію народа Русскаго, смиряется передъ духовною силою Богоматери. Съ своими полчищами онъ былъ уже въ Рязанской области. Войска его занимали оба берега Оки.

Русскій народъ, по слову Митрополита Кипріана, молитвами и постомъ приготавлился къ ужасному нашествію. Изъ Владиміра двинута была и несена народомъ въ Москву икона Богоматери, писанная, по преданію, Ев. Лукою. Кипріанъ, духовенство, князья, бояре, народъ ее встрѣчали.

Тамерланъ спалъ на одрѣ своемъ и видѣлъ страшный сонъ. Передъ нимъ была высокая гора; съ горы святители, имѣя въ рукахъ златые жезлы, не давали ему идти впередъ; надъ ними на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства посылала на него грозу. Онъ вздрогнулъ внезапно, вскочилъ отъ сна, затрепеталъ, затрясся и сказалъ: что это? Князья и воеводы спрашивали его о томъ, что онъ видѣлъ; сначала онъ не могъ объяснить имъ ничего; только трясся и стоналъ, но, пришедъ въ себя, рассказалъ видѣніе. Потомъ велѣлъ всей силѣ своей безчисленной идти назадъ и самъ устремился бѣгомъ, гонимый гнѣвомъ Божиимъ и Пречистой Богородицы.

Восточные лѣтописцы приписываютъ удаленіе Тимура изъ Россіи тому, что

онъ удовольствовался огромными богатствами, награбленными въ этомъ походѣ, и боялся растерять ихъ.

Въ преданіяхъ о смерти его, какія у насъ тогда сложились, участвовала Русская зима. Онъ замыслилъ передъ своею кончиною идти со всеѣмъ своимъ войскомъ къ странамъ Ордынскимъ и къ Руси; но зимою отъ ужаснаго холода множество воиновъ его померло въ этихъ предѣлахъ. Ему сказали, что 110 шатровъ стоятъ пусты; онъ одѣлся 20-ю кожухами и пошелъ самъ въ шатры, чтобы видѣть, но не могъ по причинѣ холода, возвратился назадъ, и отъ стужи повредилась его внутренность, отъ чего онъ и умеръ.

Духовная сила, по преданіямъ народнымъ, изгнала безчеловѣчнаго грабителя изъ нашихъ предѣловъ, а Русская зима его довершила.

Въ 1453 году палъ Царьградъ руками Турокъ и предводителя ихъ Магомета. Это событіе отозвалось въ западной Европѣ и въ Россіи особенно по той духовной связи, которая соединяла насъ съ Греціею. Конечно, вскорѣ послѣ событія сложилась у насъ *повѣсть о взятіи Царяграда*, а къ ней присоединилась и другая *о созданіи* его; сношенія наши съ Греками при Іоаннѣ III, послѣ брака его съ Софіею Палеологъ, еще болѣе содѣйствовали распространенію этихъ повѣстей; позднѣе, онѣ были вставлены и въ лѣтопись подъ 1453 годомъ¹²⁾. Мы обязаны Срезневскому ученымъ изслѣдованіемъ этого памятника и сличеніемъ его съ сказаніями, современными событію, Леонарда Хіосскаго, Францы, Дуки, Лаоника Халкондилы, Энея Сильвія и другихъ¹³⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что Повѣсть о взятіи Царяграда сложена была по греческимъ источникамъ и свидѣтельствамъ современниковъ и очевидцевъ. Многія событія согласны съ извѣстными разсказами; есть другія, въ нихъ не находящіяся. Слѣды греческаго повѣствователя видны и въ употребленіи мѣстоименій личныхъ (*мы* и *наши*) и особенно въ греческомъ произношеніи итальянскихъ именъ: такъ напримѣръ, Генуя (Дженова) превращена въ Зеновію, и Генуэзскій предводитель войскъ Джустиніани называется Застунѣя. Но таинственно-роковой и нравственный смыслъ всей повѣсти и сатирическія примѣненія въ концѣ къ современному состоянію правовъ въ Россіи указываютъ явно на Русскаго передѣльщика, который, пользуясь греческимъ матеріаломъ, влагалъ въ него свою народную мысль.

Въ повѣсти о созданіи Царьграда, предшествующей повѣсти о взятіи, особенно замѣчательно видѣніе, бывшее строителю его, царю Константину въ то время, когда онъ готовилъ мѣсто для новаго города на семи холмахъ, среди морскихъ *лушицъ* т. е. заводей, промежъ двухъ морей, Чернаго и Мраморнаго, названнаго Бѣлымъ. Змій вышелъ изъ норы и побѣжалъ по готовому мѣсту; орелъ слетѣлъ съ неба, палъ на змія и поднялъ его на высоту. На воздухѣ происходила борьба между орломъ и зміемъ въ глазахъ Царя и народа. Змій одолѣлъ орла, который обезсилѣлъ и палъ съ нимъ на землю; люди подоспѣли, убили змія и осво-

бодили орла. Изумленному Царю книжники и мудрецы такъ объяснили это видѣніе: будетъ городъ седмихолмный и прославится во вселенной; онъ станетъ между двухъ морей, и будутъ колебать его морскія волны; орелъ знаменуетъ Христіанство, зміи бесерменство; зміи одолѣлъ орла: бесерменство одолѣетъ Христіанство; но люди убили змію и освободили орла: напослѣдокъ Христіанство одолѣетъ бесерменство.

Замѣчательно также преданіе, что, когда Константинъ воздвигалъ въ новомъ своемъ городѣ багряный столбъ, привезенный въ три года изъ Рима, онъ положилъ ему въ основаніе тѣ двѣнадцать кошницъ, благословенныхъ Спасителемъ, изъ которыхъ два раза Онъ питалъ народъ хлѣбомъ.

Осада Константинополя разсказана довольно подробно изо дня въ день. Повѣствующій исполненъ сочувствія къ защитникамъ города. Съ особенною любовью изображены героями Генуэзскій полководецъ Джустиніани и самъ Императоръ Константинъ, до конца защищающій свою столицу, громящій враговъ ея и великодушно падающій подъ ея развалинами. Ненавистенъ только между Христіанами этотъ Сербъ, который подноситъ отрубленную голову славно падшаго Христіанскаго Царя султану Магомету, побѣдителемъ вступившему въ городъ. Эта подробность, по всему вѣроятію, принадлежитъ какому нибудь Греку—ненавистнику Сербовъ.

Надъ всѣмъ этимъ разсказомъ, надъ всѣми историческими обстоятельствами событія носится мрачная идея необходимой кары Божіей. Когда защита города пошла было успѣшно и Магометъ долженъ былъ усилить дѣйствіе осады, внезапнымъ заревомъ озарился Царьградъ. Изъ оконъ свода Св. Софіи исходило пламя, окружило всю шею церковную, собралось во едино и возшло на небо: отверзлись небесныя двери, приняли этотъ свѣтъ и затворились снова. Патріархъ Анастасій, утромъ собравъ бояръ и совѣтниковъ, пошелъ къ Царю и объяснилъ знаменіе огня, востекшаго отъ Софіи къ небу, тѣмъ, что милость Божія оставила городъ, и онъ неминуемо будетъ преданъ врагамъ. Патріархъ уговаривалъ Царя съ Царицею оставить столицу, но не могъ убѣдить ихъ. Царь рѣшился умереть, защищая свое наслѣдіе. Когда великодушное мужество Царя отбило Турокъ отъ города и даже поколебало настойчивость въ Магометѣ, задумавшемъ отступленіе, ночью внезапно великая тьма покрыла городъ, воздухъ сгустился, подобіе буйволова червленаго ока написалось въ облакахъ надъ городомъ, и изъ него капали слезы великими каплями. Все опять пришло въ ужасъ. Патріархъ снова явился къ Царю и сказалъ: ты видѣлъ въ огнѣ, взошедшемъ на небеса, отшествіе отъ насъ Святаго Духа; нынѣ уже тварь проповѣдуетъ погибель города. Молимъ тебя: выдь изъ него, да не погибнемъ всѣ вмѣстѣ. Но Царь и тутъ устоялъ въ своей рѣшимости погибнуть вмѣстѣ съ своимъ городомъ. Шестъ сотъ Турокъ пало отъ руки его прежде, чѣмъ онъ самъ палъ на защитѣ Царьграда.

Такъ неизбѣжная кара Божія постигла Византію по главной мысли сказанія.

Повѣствователь утѣшается пророчествомъ, что Русскій народъ нѣкогда сразится съ Измаильтянами и воцарится въ Седмихолмномъ городѣ. Трудно дойти до источника этому предсказанію; но оно находится не въ однихъ Русскихъ, а и въ Греческихъ источникахъ. Греки говорятъ о *народѣ русомѣ* (τὸ ξανθὸν γένος), который побѣдитъ Измаила и овладѣетъ Седмихолмнымъ. Не одни Русскіе относили это имя къ себѣ по народному славолюбію, но есть тому и греческія свидѣтельства, перешедшія въ Грузинскую лѣтопись¹⁴).

Нравоучительный и проницательный конецъ повѣсти, заключая въ себѣ ясныя намеки на современныя нравы Россіи, обличаетъ очевидно Русскаго сочинителя. Главная причина паденія Царьграда было отсутствіе правды въ судахъ. „Греки праведный судъ злоумали, да осуждали неповинно по вздамъ“. Магометъ, воцарившись въ Царьградѣ, нашель, что судьи судили по посуламъ и велѣлъ имъ отложить лихоимство. Поступки его съ неправедными судіями ужасны: онъ велѣлъ содрать съ нихъ кожу, на кожахъ набить бумаги, написать на нихъ преступленія ихъ неправды и прибить ихъ въ *судебныхъ* гвоздями желѣзными: безъ такой грозы правды въ царство нельзя ввести; правда Богу сердечная радость; какъ конь подъ царемъ безъ узды, такъ царство безъ грозы.

Вотъ изображеніе безп्राветнаго поля, которымъ судились у насъ въ XV вѣкѣ: одинъ запретя и скажетъ—не биваль и не граблываль; другой для своего бою грабежъ утвердить; оба истца крестъ поцѣлуютъ и на полѣ быются; Богу измѣнять и сами на вѣки отъ Бога погибнуть. Въ крестномъ цѣлованіи Греки не ставили грѣха. Но обвиненіе Грековъ здѣсь явно касается порока времени.

Магометъ ввелъ правый судъ въ свое царство и вывелъ ложь, и воздалъ Богу сердечную радость.

Кромѣ правосудія, какъ нравственной опоры царства, царю необходимо постоянное и безсмѣнное воинство. И въ этомъ отношеніи Магометъ представляется образцомъ для Христіанскихъ государей. У него войско царское съ коня не сѣдаетъ и оружія изъ рукъ не выпускаетъ. Онъ тѣшитъ войско жалованьемъ (алафою), да и рѣчью своею: „не скучайте, братія, службою; мы на землѣ не можемъ безъ службы быть?“ Хотя мало царь *оплошится* и *окротъетъ*, ино царство его оскудѣетъ. Ангелы Божіи, небесныя силы, ни на одинъ часъ пламеннаго оружія изъ рукъ своихъ не выпускаютъ, хранятъ и стерегутъ родъ человѣчскій отъ Адама, да и тѣ небесныя силы службою своею не скучаютъ. Мудрый царь веселитъ сердца воиновъ: тѣмъ онъ силенъ и славенъ.

Въ числѣ причинъ, по которымъ пало царство Греческое, полагается и нравственное состояніе его войска при Константинѣ. Вотъ какія премудрыя слова о томъ влагаются въ уста султану Магомету: „въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди нехрабры и къ бою противъ недруга несмѣлы: ибо порабощенный человѣкъ драма не боится и чести себѣ не добываетъ, а говоритъ

такъ: хоть богатырь или небогатырь, однако я холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудетъ. А въ царствѣ Константиновѣ, при царѣ Константинѣ и у вельможъ его, лучшіе люди всѣ порабощены были въ неволю; цвѣтно было видѣть полки его вельможъ да противъ недруга не держались крѣпкаго бою, смертною игрою не играли и съ бою утекали“. — Магметъ Султанъ, по слову древняго Русскаго книжника, еще такую мудрую рѣчь сказалъ своимъ воинамъ: „братья, всѣ мы дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служить и противъ недруга люто стоитъ, тотъ у меня лучшей будетъ“.

Возвращаясь въ заключеніи къ мысли о томъ, какъ царство Константиново погубило неправдою, пуская татей и разбойниковъ на откупъ, какъ Греки тѣмъ и ослабѣли, что правду потеряли и Бога разгнѣвали неутолимымъ гнѣвомъ, Русскій утѣшается мыслию, что Греки хвалятся нынче благовѣрнымъ и вольнымъ царствомъ и царемъ Русскимъ. Но касательно правды въ нашемъ царствѣ русскій книжникъ не ослѣпленъ, а вотъ какимъ ироническимъ словомъ, слышаннымъ будто бы отъ какого то Латинянина, заключаетъ онъ свое повѣствованіе о Царьградѣ: „Правда,лучилось намъ бывать въ Русскомъ царствѣ для развѣдыванія о вѣрѣ христіанской, они истинно этой вѣры; велика милость Божія въ землѣ ихъ; но если бы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда Турецкая была, съ ними бы Ангелы бесѣдовали, и еслибы къ правдѣ Турецкой да вѣра Христіанская была, и съ ними бы Ангелы бесѣдовали“.

Въ вѣкѣ Шемякина суда, видно, неправда такъ превозмогала на Руси, что и правда Турокъ казалась желанною для людей, думавшихъ крѣпкую думу о своемъ отечествѣ.

Къ числу историческихъ сказаній, вставленныхъ въ Русскія лѣтописи XVI вѣка, принадлежатъ еще два: 1) О осьмомъ соборѣ¹⁵⁾ и 2) о походѣ В. Кн. Ивана Васильевича на Новгородъ¹⁶⁾. Первое внесено въ Софійскую лѣтопись подъ 1438 годомъ. Оно, по содержанію своему, принадлежитъ болѣе къ Исторіи Русской Церкви. Обильный богословскій матеріалъ его показываетъ, что у насъ были свои книжники, начитанные въ богословскихъ сочиненіяхъ и вполне вооруженные для подобныхъ состязаній. Греки, бывшіе въ Россіи, предали насъ; но Маркъ Эфесскій на Флорентинскомъ соборѣ служилъ опорой для православныхъ Русскихъ, на немъ бывшихъ. — Другое сказаніе о походѣ Іоанна III подъ Новгородъ встрѣчается въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1471 годомъ. Оно написано, по справедливому замѣчанію Архіепископа Филарета, въ духѣ Московскаго правительства и, вѣроятно, подъ руководствомъ Митрополита Филиппа, если не имъ самимъ. Вся кара, отъ Москвы разразившаяся надъ Новгородомъ, представлена здѣсь какъ наказаніе за отступленіе его отъ православія къ Латинству.

Въ Софійской второй лѣтописи это событіе разсказано не съ такой официальной точки зрѣнія¹⁷⁾. Но все уже замѣтно, что древній вѣчевой духъ Нов-

города ослабѣлъ и палъ передъ единоподержавною Москвою. Раздоры Новгородцевъ, выдававшихъ другъ друга, еще болѣе уронили его, нежели карающій скипетръ Москвы. Значителенъ голосъ ходатая владыки Новгородскаго Теофила со всѣми священниками всѣхъ семи соборовъ Великаго Новгорода передъ Иоанномъ III: „Мечъ твой и огонь ходитъ по Новгородской землѣ, а кровь христіанская льется: смилуйся надъ своею отчиною, уйми свой мечъ, утоли огонь, чтобы кровь Христіанская не лилась“. Съ безпристрастной точки зрѣнія смотря на это событіе, видишь, что великое государственное единство Россіи и историческая необходимость въ свое время требовали Новгородской жертвы; но единство сокрушило свободу и стерло цвѣтъ жизни до другаго времени.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ официальныхъ сказаній, внушенныхъ духомъ правительства Московскаго, лѣтописи наши остаются вѣрны правдѣ исторической тамъ, гдѣ онѣ проникнуты мыслию вѣры и гдѣ связываютъ свои преданія съ духомъ древнѣйшей лѣтописи Нестора и его продолжателей¹⁸). Съ сочувствіемъ рассказываетъ лѣтописецъ подъ 1407 годомъ подвигъ Іуліаніи Вяземской, которая ножемъ защищалась противъ Князя Смоленскаго Юрія, хотѣвшаго посягнуть на ея цѣломудріе. Благоразумно замѣчаетъ онъ, какъ самые ужасы Татарскаго владычества приносили намъ нравственную пользу въ разгарѣ удѣльныхъ междоусобій, заставляя снова вспоминать о Богѣ, о любви его и правдѣ. Съ отвращеніемъ передаетъ лѣтописецъ, какъ жестоко Русскіе воины поступали съ Татарами во время осады Псковскаго городка Опочекъ¹⁹).

Кромѣ путешествій и историческихъ сказаній, мы находимъ въ XV вѣкѣ произведенія, въ которыхъ участвуетъ фантазія съ примѣсю сатиры и ироніи, столько сродныхъ духу Русскаго народа. Есть произведенія оригинальныя и занимательныя въ этомъ родѣ: таковы Судъ Шемяки; Сказаніе о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ; Синагрипъ, царь Адоровъ, и Наливскія страны, или Слово о Акирѣ премудромъ; Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ чловѣкъ, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія; Сказаніе о Индіи богатой. Послѣднія три были помѣщены при томъ самомъ Хронографѣ, при которомъ находилось и Слово о полку Игоревѣ. Рукопись, по всему вѣроятію, принадлежала къ XV вѣку и погибла въ пожарѣ 1812 года. Въ Сборникахъ того же столѣтія встрѣчаются нерѣдко притчи и загадки, которыя изстари нравились нашему народу. Многія изъ нихъ онъ до сихъ поръ сохраняетъ въ своихъ изустныхъ преданіяхъ.

Шемякинъ судъ остался въ нашихъ лѣтописяхъ памятью неправды, которая господствовала въ послѣднія времена удѣловъ въ XV вѣкѣ и олицетворялась въ Дмитріи Шемякѣ, послѣднемъ лукавомъ представителѣ отжившаго удѣльнаго права. Въ одномъ старинномъ Хронографѣ, показанномъ у Карамзина, говорится: „отъ сего убо времени въ Велицѣй Русіи на всякого судью и восхитника во уко-

ризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*“. Трудно дойти до источниковъ нашей сказки о Шемякиномъ судѣ. Г. Пыпинъ, ее издавшій²⁰⁾, указываетъ на сходства въ ней съ однимъ буддійскимъ преданіемъ, находящимся въ Тибетскомъ Дзанглунѣ, сборникѣ подобныхъ религіозныхъ преданій; но эти сходства не могли привести ни къ какому положительному заключенію о происхожденіи нашей сказки. Передадимъ ея содержаніе.

Жили два пустытника: одинъ богатый, другой убогій. Убогій попросилъ у богатаго лошади изъ лѣсу дровъ привезти. Богатый лошадь далъ, но убогій просилъ и хомута; богатый разсердился на убогаго за то, что у него и хомута нѣтъ, и, давъ лошадь, хомута не далъ. Убогій долженъ былъ дровни свои привязать къ лошади за хвостъ. Наклавши дровъ, сколько было можно, онъ возвратился домой и, отворивъ ворота, позабылъ выставить подворотню; ударилъ лошадь кнутомъ, лошадь рванулась изъ всей мочи и оторвала себѣ хвостъ. Убогій привелъ къ богатому безхвостую лошадь, но богатый не хотѣлъ брать ее, а пошелъ въ городъ къ судѣѣ Шемякѣ судиться съ убогимъ. Убогій пошелъ туда же. Дорогой остановились оба они у попа по знакомству. Попъ съ богатымъ сѣли за ужинъ, стали ѣсть, пить и веселиться, а убогій лежалъ на полатахъ и смотрѣлъ на нихъ: его не позвали. Вдругъ убогій сорвался съ полатей, упалъ на зыбку, гдѣ лежалъ поповъ сынъ, и задавилъ его до смерти. Попъ тоже отправился въ городъ къ судѣѣ Шемякѣ судиться съ убогимъ въ убійствѣ сына. Всѣ трое вошли въ городъ, гдѣ жилъ судья Шемяка. Убогій шель мостомъ, мостъ сдѣланъ былъ черезъ ровъ, подъ мостомъ во рву житель того города везъ отца своего въ баню. Убогій, видя бѣду неминуемую отъ двухъ просителей, съ отчаянія бросился съ мосту въ ровъ, упалъ на стараго человѣка и до смерти убилъ его. Всѣ трое поймали убогаго и привели къ судѣѣ Шемякѣ. Убогій взялъ камень, завернулъ въ платокъ, положилъ въ шапку и сталъ предъ судей. Шемяка, вообразивъ, что это подарокъ, всѣ три дѣла рѣшилъ въ пользу убогаго: онъ велѣлъ ему не отдавать богатому лошади, пока у нея хвостъ не выростетъ; у попа взять попадю и, приживъ съ нею сына, возвратитъ попу; сыну убитаго отца броситься съ мосту на убогаго и убить его до смерти, какъ убогій убилъ отца его. Всѣ истцы заплатили еще убогому за то, чтобъ онъ не настаивалъ на точномъ исполненіи судейскаго приговора. Когда же Шемяка чрезъ своего человѣка потребовалъ отъ отвѣтчика обѣщаннаго посула, онъ показалъ ему завернутый въ платкѣ камень и сказалъ: это былъ не подарокъ, а камень, которымъ я хотѣлъ убить судью, еслибы онъ не рѣшилъ всѣхъ трехъ дѣлъ въ мою пользу. Шемяка благодарилъ еще Бога за то, что остался цѣлъ. — Русскій народъ въ этой сказкѣ, какъ и во многихъ другихъ, съ хладнокровной проной выставляетъ безсмыслицу неправаго суда и произвола власти.

Изданіемъ *Сказанія о Мутьянскомъ воеводѣ Дракумѣ* мы обязаны также г. Пыпину²¹⁾. Оно издано по древнѣйшему списку Румянцевскаго Сборника²²⁾.

Карамзинъ первый познакомилъ насъ съ содержаніемъ этого памятника и указалъ на историческій его источникъ²³). Востоковъ догадочно приписывалъ сочиненіе этого сказанія дьяку Ѳеодору Курицыну, или кому нибудь изъ его свиты, на томъ основаніи, что повѣствователь видѣлъ, какъ самъ говоритъ, въ Венгріи сыновей Дракулиныхъ при королѣ Матееѣ, а дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ былъ посланъ въ Венгрію Іоанномъ III въ 1482 году. Г. Пыпинъ подвергаетъ однако сомнѣнію это предположеніе.

Дракула есть лицо историческое, извѣстное по лѣтописямъ Молдавіи. Безумныя его неистовства записаны въ Исторіи²⁴). Онъ отличается ими и въ Сказаніи, которое имя Дракулы по Русски переводить дьяволомъ: посламя Турецкимъ, которые, по обычаю земли своей, стоятъ предъ нимъ въ шапкахъ, онъ велитъ прибить ихъ къ головамъ желѣзными гвоздями; на войнѣ съ Турками у воиновъ своихъ пересматриваетъ раны: раненыхъ спереди награждаетъ, раненыхъ въ спину сажаетъ на колъ; пословъ иноземныхъ подвергаетъ той же участи, когда они не умѣютъ отвѣчать ему на его загадочные вопросы; собираетъ всѣхъ нищихъ земли своей въ домъ, угощаетъ ихъ вдоволь и потомъ, спросивъ ихъ: чего еще имъ надобно? предлагаетъ имъ: не хотятъ ли быть на этомъ свѣтѣ безъ печали и нужды? — хотимъ, отвѣчаютъ они. Тогда велитъ онъ запереть домъ и сжечь его вмѣстѣ съ ними.

Два монаха латинскихъ пришли къ нему: каждаго изъ нихъ поочереди онъ повелъ кругомъ двора своего, гдѣ сидѣло множество людей на колахъ и косахъ. Дракула спросилъ у монаха: какъ ему кажется: хорошо ли это? Монахъ отвѣчалъ: не хорошо; государю надо быть милостивымъ; сидящіе на колахъ — мученики. Другой монахъ, позванный на то же кровавое зрѣлище, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: ты, государь, поставленъ отъ Бога казнить лихотворящихъ, а добротворящихъ жаловать, лихотворящіе восприняли по дѣламъ своимъ. Первый монахъ, говорившій правду безъ лести, былъ посаженъ на колъ; второй же, льстець, пожалованъ 50-ю червонцами.

Привычка къ жестокости такъ была сильна въ Дракулѣ, что, когда онъ на войнѣ былъ взятъ въ плѣнъ королею Венгерскимъ и посаженъ въ темницу, то и здѣсь не оставилъ своего злаго обычая, а, ловя мышей и покупая птицъ, казнилъ ихъ, сажалъ на колъ и отсѣкалъ имъ головы.

Чтобы возвратить свою свободу, Дракула согласился, по предложенію Венгерскаго Короля, переимѣнить Греческую вѣру на Латинскую, сѣлъ опять на Молдавское воеводство и былъ убитъ на войнѣ съ Турками.

Этотъ чудовищный образчикъ безчеловѣчія XV вѣка, подъ личиною государственной правды, представленъ такъ объективно, что трудно отгадать здѣсь цѣль разскащика. Только Русское имя дьявола; переимѣна вѣры и позорная смерть отъ Турокъ говорятъ явно, что онъ не оправдываетъ кровавыхъ казней Дракулы,

которыя и у насъ сильно начинались въ то время и обѣщали уже изобиліе потоковъ человѣческой крови въ слѣдующихъ столѣтіяхъ.

Синагрипъ, царь Адоровъ, и Наливскія страны, или *Слово о Акирь премудромъ*, какъ называется повѣсть въ позднѣйшей редакціи, есть передѣлка изъ Арабской сказки, взятой изъ Тысячи и одной ночи. Передѣлка сдѣлана съ греческаго перевода. Еще Карамзинъ, напечатавшій изъ нея отрывокъ²⁵⁾, указалъ на ея источникъ; но г. Пыпинъ произвелъ надъ этимъ памятникомъ обширное изслѣдованіе²⁶⁾. Синагрипъ есть искаженное имя Сенхароба, царя Аравіи; Акирь превращенъ изъ Гейкара, Наливскія страны изъ Ниневійскихъ. Вся исторія передается въ Русской сказкѣ отъ имени самого премудраго Акира, *книжника*, который, не имѣя дѣтей, усыновилъ себѣ племянника Надава, заплатившаго дядѣ грубою неблагодарностью. Въ передѣльщикѣ замѣтно желаніе приноровить Сказку къ нравамъ и обычаямъ Русскимъ. Наставленія Акира Надаву, хотя первоначально заимствованы изъ подлинника, но передѣланы на свой ладъ и образовали особое поученіе, которое вставлено въ Сказку, но встрѣчается отъ нея отдѣльно. Сожалѣемъ, что памятникъ до сихъ поръ не изданъ. За подробностями мы отсылаемъ къ ученому изслѣдованію г. Пыпина.

Дьяніс и житіе Девгеніево Акрита есть, по мнѣнію г. Пыпина, Византійскій героическій романъ, или отрывокъ изъ отдѣльнаго эпоса Византійско-Палестинскаго, содержащаго сказанія о герояхъ и богатыряхъ. Впрочемъ подлинникъ самой сказки въ Греческихъ источникахъ не отысканъ. Карамзинъ познакомилъ насъ съ небольшимъ отрывкомъ изъ сказки, какъ она записана была въ сгорѣвшемъ Сборникѣ, содержавшемъ Слово о полку Игоревѣ²⁷⁾. Г. Пыпинъ издалъ намъ Сказку, къ сожалѣнію, неполную, по списку изъ Погодинскаго древлехранилища, потому что полной не отыскалось²⁸⁾. Конецъ дополняется свидѣтельствомъ Карамзина объ ея содержаніи. Въ сказкѣ мы видимъ ясно борьбу Христіанской вѣры съ Мусульманскою. У набожной вдовы Христіанки три сына и дочь, рожденная близнецомъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ. Амиръ, царь Аравитскій, похищаетъ дочь въ отсутствіе матери и сыновей ея. Три брата, по приказанію матери, ѣдутъ добывать сестру и отомстить позоръ семейный. Они побѣждаютъ стражу Амирову и доѣзжаютъ до него самого. Меньшому брату выпадаетъ жребій сразиться съ Амиромъ за сестру. Амиръ побѣжденъ, но соглашается принять Христіанскую вѣру, чтобы только жениться на дѣвѣ, которую сохранилъ онъ чистою. Амиръ крестился; мать невѣсты благословляетъ свадьбу. Отъ этого брака родится Акритъ, а въ крещеніи прекрасный Девгеній, богатырь чудной красоты и силы. По 11-му году онъ начинаетъ играть копьемъ, по 13-му на добрыхъ коняхъ ѣздить. Самъ юноша *красенъ вельми, лице его какъ снѣгъ, румяно какъ маковъ цвѣтъ*, волосы какъ золото, очи большія какъ чаши. Отецъ его даетъ ему коня бѣлаго что голубь, а въ гривѣ звонцовъ множество: какъ

юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, отъ гудѣнья звонцовъ люди ума лишаются.

По 14-му году Девгеній отправляется на звѣриныя ловы. Всѣхъ дивитъ онъ своей храбростью и силою: лось, медвѣдь и еще какой-то чудный звѣрь съ свирѣпою пастью падаютъ отъ руки его. Отецъ въ восторгѣ отъ охотничьихъ подвиговъ сына, но пора ему приниматься и за ратныя подвиги. Отецъ самъ омываетъ у чудснаго источника тѣло сына отъ поту и крови звѣринныхъ, и тутъ же омытый Девгеній поражаетъ четвероглаваго змѣя, внезапно прилетѣвшаго; но отецъ омылъ его снова, нарядилъ въ драгоценныя одежды и убранства, посадилъ на коня со звонцами; заигралъ подъ нимъ конь, загудѣли звонцы, и пріѣхалъ онъ въ домъ къ матери, и не могла она нарадоваться на сына, любовалась на него, цѣловала его, и съ той поры задумалъ Девгеній о дѣлахъ ратныхъ.

За тѣмъ описаны два его подвига: надъ царемъ Филипатою и его воинственной дочерью Максиміаною, надъ Стратигомъ царемъ и такоюже дочерью его Стратиговною, которая по предсказаніямъ книжнымъ должна быть его супругою 36 лѣтъ. Въ этихъ подвигахъ все уступаетъ его чудесной силѣ, а сила его вотъ въ чемъ, какъ самъ онъ говоритъ дѣвицѣ Максиміанѣ: „не имѣю ни отъ каковаго человѣка помощи, кромѣ милости Божіей и материнской молитвы: та мнѣ поможетъ“.

Въ этой сказкѣ, которой источникъ рѣшительно неизвѣстенъ, отзывается древняя страсть нашего народа къ богатырскимъ преданіямъ. Меньшому брату удается подвигъ освобожденія сестры: за меньшаго всегда поэзія, какъ за жертву въ дѣйствительной жизни древняго родового быта. Прекрасенъ образъ Девгенія на бѣломъ, какъ голубь, конѣ, конѣ музыкальномъ съ его гудящими въ гривѣ звонцами. Это созданіе своею граціею достойно истиннаго художника. Но внѣшній прекрасный образъ исполненъ и нравственнаго смысла: отецъ самъ своею рукою омываетъ сына отъ нечистой звѣриной крови, чтобы приготовить къ ратнымъ подвигамъ, а сила его на войнѣ — Божія милость да материнская молитва, которая, по смыслу древняго Русскаго человѣка, со дна моря вынимаетъ.

Третье *Сказаніе объ Индіи богатой*, находившееся въ томъ же сгорѣвшемъ Сборникѣ, по словамъ Карамзина, заимствовано изъ мнимаго письма пресвитера Іоанна къ Мануилу, Греческому Императору. Пресвитеръ Іоаннъ былъ вмѣстѣ, какъ говорится въ письмѣ, и царемъ Индіи, владычествовалъ надъ 72-мя царями переписывался съ Папами и Европейскими государями. По инымъ это былъ Татарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими миссіонерами. Чудеса, рассказываемыя здѣсь объ Индіи, въ родѣ того, что люди тамъ не лгутъ, блѣднѣя отъ лжи какъ мертвецы, что улицы намощены драгоценными камнями, привлекали нашихъ древнихъ читателей къ этому Сказанію, которое не было еще подвергнуто до сихъ поръ ученому изслѣдованію²⁹).

Въ Сборникахъ XV вѣка нерѣдко встрѣчаются притчи и загадки, столько любимыя Русскимъ народомъ. Ихъ колыбель востокъ; онѣ нравятся умамъ младенчествуящимъ, какъ все таинственное. Должно думать, что въ монастыряхъ нашихъ древніе Русскіе люди занимались этими мистическими вопросами и остроумными на нихъ отвѣтами. Сюда же отнесемъ и нравоучительныя изреченія, кратко и сильно объемлющія какую-нибудь полезную для жизни истину. Приведемъ нѣсколько примѣровъ³⁰).

Вотъ загадки: Кто не родившись умеръ? Кто родившись не умеръ? Кто умеръ и не истлѣлъ? Не родившись умеръ Адамъ, родившись не умеръ Енохъ, умерла и не истлѣла жена Лотова. *Вопросъ.* Древянъ ключъ, водянь замокъ, заяць убѣжалъ, а ловець погибъ. *Отвѣтъ.* Моисей ударилъ жезломъ море и прошелъ, а Фараонъ погибъ. — *В.* Который пророкъ дланію 7 небесъ покрывъ? *О.* Когда Предтеча крестилъ Господа и на него руку положилъ въ Иордани, тогда 7 небесъ покрывъ. — *В.* Пришелъ богатый къ нищому, много имѣя, а одного не имѣлъ. *О.* Христосъ пришелъ къ Иоанну, не имѣя крещенія. — *В.* Сколько времени Адамъ былъ въ раю? *О.* Столько же, сколько Іисусъ Христосъ страдалъ на крестѣ. — *В.* Отъ чего въ 25 день глаголемаго Римлянами Марта мѣсяца Христосъ въ утробу Дѣвы вселился? *О.* Отъ того, что въ тотъ день создалъ Богъ Адама, и въ томъ же мѣсяцѣ древа и былия, и животныя въ плодоносіе и чадородіе подвижутся.

Вотъ притча о составленіи тѣла человѣческаго. Что есть? говоритъ писаніе. Когда земля опустѣеть, царь изнеможеть и сильные его развѣдутся, тогда разрушатся каменные грады, источники изсякнутъ, вѣтры не возвѣютъ, пути великіе запустѣютъ, перестанутъ жернова молоть, море великое умертвится, многолиственные дровеса опадутъ, плодовиця опустѣютъ, скоты разойдутся, рабы и рабыни отъ глада изнемогутъ. Тогда царь сойдетъ съ престола своего и отъ гнѣзда своего улетитъ, какъ твердо заклепанная голубица. *Толкъ.* Опустѣеть земля: не здраво будетъ тѣло; царь изнеможеть: умъ отъимется; сильные разойдутся: помыслы погибнутъ; разрушатся каменные грады: разрушатся кости человѣческія; источники изсякнутъ: слезы изъ очей перестанутъ; вѣтры возвѣютъ: дыханіе отъимется; путь великій запустѣеть: проходъ гортанный; перестанутъ жернова молоть: зубы; затворятся врата и двери: уши и уста; море великое умертвится: утроба человѣческая; многолиственные и плодовиця дрова опадутъ: многоглаголивый языкъ и словесныя уста уложатся; скоты разойдутся: лукавыя помыслы; рабы и рабыни отъ глада изнемогутъ: руки и ноги безъ крови ослабѣютъ. Тогда царица изыдетъ отъ престола своего, какъ твердо заклепанная голубица отъ гнѣзда своего, изыдетъ душа изъ тѣла человѣческаго о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Вотъ нравоучительныя изреченія изъ Пчелы. — Въ друзьяхъ вѣрныхъ не нищи врага, ни въ злыхъ друзьяхъ друга вѣрнаго. Тать ненавидитъ солнца, а гор-

дый кроткаго. Пчела на звонъ летить, а мудрый на полезныя слова. Ни птицы упущенной скоро не поймашь, ни злаго слова изъ устъ ишедшаго возвратить не можешь. Старь, а несмысленъ, какъ вретнице обветшавшее, никому не на пользу. Умъ безъ книгъ аки птица опѣшена, какъ она взлетѣть не можетъ, такъ и умъ не домыслится совершеннаго разума безъ книгъ. Свѣтъ дневный—слово книжное, его же лишившись безумный какъ въ тьмѣ ходитъ и погибнетъ во вѣки.—Василій сказалъ: что это изрекъ Господь? Не мечите бисера моего предъ свиньями да его не попрутъ ногами. Бисеръ — книжныя слова, а свиньи безумныя челоуѣки, не послушныя правому ученію. Кирикъ сказалъ: умному тайну открыть какъ уголь горящій въ воду бросить, а безумному какъ искру въ сѣно впускать.

Вотъ такія же изреченія изъ Пролога. Отецкая клятва сына изсушить, а материнская искоренить. Благословеніе отчее утверждаетъ дома чады, а молитва матери спасетъ отъ напасти. Молитвы отца не забудетъ Богъ; не забывайте материнскаго труда, болѣзни и печали о чадахъ.

Вотъ отрывки изъ поученія о нравахъ добрыхъ и злыхъ. Четырьмя дѣлами темень бываетъ умъ: ненавистію другъ друга, похуленіемъ, рвеніемъ, злословіемъ. Четырьмя дѣлами пуста бываетъ душа: немолчаніемъ, нелюбленіемъ труда, хотѣніемъ плоти, скупостію.

Монастыри были тогда единственнымъ приближеніемъ образованности для народа Русскаго. Премудрыя изреченія переходили черезъ иноковъ изъ книгъ въ уста народа и до сихъ поръ еще многія изъ нихъ сохранились въ устномъ преданіи.

Политическое освобожденіе отечества, сношенія съ Греціею и съ Италіею, внесеніе свѣтскихъ стихій въ словесность, были причиною того, что искусства образовательныя начали сильнѣе у насъ развиваться въ XV вѣкѣ. Здѣсь не мѣсто излагать ихъ исторію, но нельзя не указать на тѣ наиболѣе значительныя памятники, которые отъ него намъ уцѣлѣли.

Въ храмахъ Кремлевскаго дворца есть иконы самаго чистаго Византійскаго стиля, которыя устное преданіе ведетъ отъ переѣзда къ намъ Софіи Ооминишны Палеологъ и Грековъ, ее окружавшихъ. Такovy храмовыя иконы въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою: Всемилостиваго Спаса, по преданію, комнатная икона самой Софіи, Логгина сотника, Феодора Стратилата, Иоанна Предтечи. Икона Логгина сотника здѣсь находится по благочестивому преданію въ родѣ Великихъ Князей Московскихъ, что великомученикъ Логгинъ сотникъ данъ былъ отъ Бога помощникомъ всему ихъ роду: они относились къ нему особенно во всѣхъ задушевныхъ своихъ молитвахъ³¹). Всѣ эти четыре иконы писаны Греками и носятъ на ликахъ и въ пошибѣ письма явные слѣды лучшаго національнаго Византійскаго стиля. Въ церкви Воскресенія словущаго должно еще указать на икону Иоанна Богослова. Лѣтописи упоминаютъ о томъ какъ В. Князья и Цари хранили у себя многоцѣнныя иконы Греческаго письма отъ своихъ прародителей.

Въ началѣ XV вѣка былъ у насъ свой иконописецъ, монахъ Андрей Рублевъ; его иконы цѣнились на Руси наравнѣ съ иконами Греческаго письма³³). Мы имѣемъ живописные памятники его кисти, которые могутъ намъ подтвердить мнѣнія нашихъ предковъ. Въ 1408 году³³) онъ расписывалъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Даниломъ, Городецкимъ жителемъ, Соборную церковь Богоматери во Владимірѣ. При Екатеринѣ II эта древняя иконопись должна была уступить мѣсто академической; но ее приняли въ свой храмъ крестьяне села Васильевского³⁴). Извѣстному нашему художнику Подключникову мы обязаны открытіемъ ея въ новое время. По копіямъ, снятымъ съ подлинниковъ, мы можемъ вѣрно судить, что иконное письмо Рублева достойно было образцевъ Византійскихъ: та же величавость стила, та же колоссальность размѣровъ.

Лишь только Москва вошла въ силы, лишь только стали мы свободны отъ варварскаго ига, какъ немедленно обнаружили сочувствіе къ западному образованію въ томъ, что оно предлагало прекраснаго. Изъ всѣхъ странъ Европы въ XV вѣкѣ Италія первенствовала, развивая искусство въ его классическомъ изяществѣ. Мы особенно сочувствовали ея зодчеству. Цѣлая семья архитекторовъ Италійскихъ явилась у насъ. Московскій Успенскій соборъ, освященный въ 1479 году, есть памятникъ этого сближенія. Замѣчательно, что Семень Толбузинъ, посланный Иоанномъ III въ Венецію, *пытать* (найти) *церковнаго мастера*, избралъ Аристотеля Фіоравенти, который участвовалъ въ строеніи Св. Марка въ Венеціи, храма извѣстнаго Греческимъ своимъ стилемъ. Но когда Италіанецъ пріѣхалъ въ Россію, его пригласили взглянуть на древній соборъ во Владимірѣ и онъ долженъ былъ построить Московскій храмъ въ томъ же стилѣ.

Въ произведеніяхъ искусства, назначаемыхъ для религіи, зодчество Италійское должно было у насъ покориться церковному преданію. Но въ памятникахъ зодчества государственнаго оно осталось свободно. Нашъ воздушный Кремль съ своими башнями, или стрѣльницами, какъ ихъ тогда называли, служить яркимъ тому свидѣтельствомъ. Его строили Маркъ Фрязинъ, Петръ Антоній Соларій, Алоизій Миланецъ, подъ вліяніемъ Ломбардскаго стила. Кремль достойно вѣнчалъ Москву и царство Русское: государственная крѣпость облегла святыню храмовъ, силу духовную, и стала ей твердою оградой. Италійское искусство украсило эту государственную твердыню своими легкими изящными формами. Кремль строили Италіяны, но онъ вышелъ изъ рукъ ихъ нашимъ, потому что прекрасная форма воплотила въ себѣ мысль Русской жизни XV вѣка. Вотъ почему и Русское сердце, которому близка Русская жизнь, бьется при видѣ Кремля, и просвѣщенные умы запада плѣняются имъ, признавая его художественное достоинство.

Кремль представляетъ у насъ первый прекрасный плодъ сближенія нашего съ лучшими стихіями западной образованности, но сближенія не насильственнаго не рабскаго, а свободнаго. Въ созданіи Кремля мы сохранили свою самостоятель-

ность: въ немъ живетъ наша мысль, выражается наша исторія; въ ней мы не продали души своей чужому образованію, не отказались отъ себя; свергнувъ иго Татарское, не подчинились какъ рабы ярму духовному вѣдшней цивилизаціи, которое не такъ легко свергается. За то и Западъ не пренебрегаетъ нашимъ Кремлемъ, какъ пренебрегаетъ другимъ заемнымъ, рабскимъ ему подражаніемъ, а, признавая въ немъ что-то ему родное, уважаетъ въ немъ живую историческую мысль Русскаго народа.

Москва въ этомъ столѣтіи образовалась сердцемъ Россіи, и въ ней стали сростаться всѣ жилы государства. Въ гербѣ Московскомъ, кромѣ Византійскаго двуглаваго орла, сталъ красоваться крылатый всадникъ, побѣдоносецъ Георгій, копьемъ поражающій дракона, какъ мы видимъ это въ концѣ грамоты Іоанна III, писанной въ 1497 году³⁵). Побѣдоносецъ Георгій сталъ символомъ Москвы государственной, Москвы независимой, сразившей въ лицѣ орды бусурманскаго дракона. Москва явилась устроительницею жизни на Руси православной. Эта мысль находитъ отголосокъ въ народномъ стихѣ о Егоріи храбромъ³⁶), которымъ заключимъ эту лекцію.

Во градѣ Іерусалимѣ у царя Θεодора и у благовѣрной парицы его Софіи премудрой, напоминающей наши три Софіи — Кіевскую, Новгородскую и Московскую, родились три дочери и три отрока, а четвертый сынъ Егорій свѣтъ храбрый. Вотъ его изображеніе, напоминающее храмовую икону въ окладѣ:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная.
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды³⁷).

Діоклитіанъ, мучитель Георгія, замѣненъ здѣсь Демьянищемъ — бусурманищемъ, явнымъ олицетвореніемъ Орды Татарской. Егорій выноситъ у него въ плѣну всѣ возможныя мученія за православную вѣру; но его не берутъ ни пилы жидовскія, ни топоры нѣмецкіе — все намеки на тѣ ереси, которыя обуревали Русскую Церковь въ XV вѣкѣ. Его не сварила и смола въ котлѣ.

Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А посверхъ смолы Егорій плаваетъ:
Онъ поетъ стихи херувимскіе....

Демьянище зарываетъ Егорія въ погребъ глубиною на сорокъ сажень, закрываетъ досками желѣзными, задвигаетъ щитами дубовыми, забиваетъ гвоздями полужѣнными, засыпаетъ песками рудожелтыми, засыпая притаптываетъ и приговариваетъ:

„Не бывать Егорью на Святой Руси!
 „Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
 „Не обзрѣть Егорью солнца краснаго,
 „Не видать Егорью отца и матери,
 „Не слышать Егорью звона колокольнаго,
 „Не слышать Егорью пѣнія церковнаго“.

Тридцать лѣтъ провель Егорій въ этомъ подземномъ заточеніи. Тогда явилась ему во свѣ Богоматерь, и вдругъ, по Божьему повелѣнію, по Егорьеву моленію,

Отъ свята града Ерусалима
 Поднималися вѣтры буйные:
 Разносило пески рудожелтые,
 Поломало гвозди полужѣные,
 Разнесло щиты дубовые,
 Разметало доски желѣзныя.
 Выходилъ Егорій на святую Русь:
 Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
 Услышалъ звону колокольнаго,
 Обогрѣло его солнце красное,
 И пошелъ Егорій по святой Руси...

Сначала Егорій ѣдетъ въ Іерусалимъ къ матери своей Софіи и просить ея благословенія на то, чтобы по всей землѣ свѣтлорусской утвердить вѣру Христіанскую. Мать велитъ Егорію взять коня богатырскаго со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ, со сбруею богатырскою, съ вострымъ копьемъ булатнымъ и съ книгою со Евангеліемъ. Вотъ благочестивый поѣздъ Егорія по Руси, исполненный истинной поэзіи:

Тутъ же Егорій поѣзжаючи.
 Святую вѣру утверждаючи.
 Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
 Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
 Лѣса съ лѣсами совивалися,
 Вѣтъя по землѣ разстилалися;
 Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
 Святой Егорій глаголетъ:
 „Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
 „Встаньте и разшатнитесь:
 „Разшатнитесь, раскачнитесь:
 „Порублю изъ васъ церкви соборныя,
 „Соборныя да богомольныя!
 „Въ васъ будетъ служба Господняя!
 „Зароститесь вы, лѣса,
 „По всей землѣ свѣтло-Русской,
 „По крутымъ горамъ по высокімъ“!

По Божьему все повелѣнію,
 По Егоріеву все моленію,
 Разрослись лѣса по всей землѣ,
 По всей землѣ свѣтло-Русской
 По крутымъ горамъ по высокіимъ;
 Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Такъ Егорій наѣзжаетъ на рѣки: онѣ протекаютъ также по землѣ Русской, исполняя повелѣніе Божіе. Равно и горы ему повинуются: онъ ставитъ на нихъ соборныя церкви. Волки и другіе звѣри разбѣгаются по землѣ Русской и пьютъ, и ѣдятъ повелѣнное и благословенное отъ Егорія. Змѣи уходятъ въ землю и питаются въ ея нѣдрахъ. Чудесная Черногарь птица, держащая въ когтяхъ осетра, съ воротъ Корсунскихъ въ Кіевѣ взвивается подъ небеса и поселилась на Океанѣ, гдѣ пьетъ и ѣстъ и дѣтей производитъ. Последній подвигъ Егорія — уничтоженіе силы бусурманской въ царствѣ Демьяницѣ. Онъ въ самомъ Іерусалимѣ себѣкаетъ ему злодѣйскую голову по могучія плечи; богатырскою палицей разрушаетъ его палаты бѣлокаменные, очищаетъ Христіанскую землю и утверждаетъ Христову вѣру. Трехъ родныхъ сестеръ своихъ онъ приводитъ къ Іордани и омываетъ въ водахъ его: кожа на нихъ во время ихъ плѣна превратилась въ еловую кору, волосы въ камышъ-траву. Онѣ очищены отъ этихъ наростовъ бусурманства, онѣ приложились къ Христову гробу, освободились отъ всей нечистоты пришлои и снова возвращены своей матери, премудрой Софіи.

Егорій храбрый есть символъ Москвы, устроившей въ XV столѣтіи единство раздѣленной земли Русской. Устраивающая сила была духовная, сила православія, какъ мы видѣли это въ словѣ обильныхъ посланій Русскаго духовенства. Сверженіе ига Татарскаго знаменуется уничтоженіемъ бусурманскаго царя Дамьяна; но оно было только приготовленіемъ къ великой борьбѣ нашей съ исламомъ, который палъ у насъ позднѣе въ образѣ трехъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Но надежды народа Русскаго, какъ мы видимъ въ пѣсни о Егоріи, простираются далѣе, до водъ священнаго Іордана, до Іерусалима и до Цареградской Софіи, мысль о которой сливается съ мыслию о гробѣ Господнемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Часть 2. Спб. 1837. Изданіе Сахарова, стран. 29.

2) Истор. Кар. 1815. Т. 5, стран. 224.

3) Древн. Росс. Вивліое. Новикова. Изд. второе. М. 1788. Т. VI,

стран. 27. Путешествіе Исидора Митрополита на Флорентинской соборъ, въ 6945 (1436) году. — Путешествіе инока Симеона Суздальскаго въ Италію въ 1437 году, въ помянутомъ изд. Сахарова, стран. 79. „А мнѣ Симеону и другимъ инокамъ довелось быть за другимъ столомъ. . . и вопросы мя единъ о имени, и азъ повѣда ему яко Симеонъ иннокъ изъ Суздаля града“. . . .

4) Хожденіе Авраамія Суздальскаго на восьмой Соборъ, съ Митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945 (1436). Древн. Росс. Вивліюэ. Т. XVII, стран. 178.

5) Ученыя Зап. 2-го Отд. Акад. н. Кн. 2. Вып. 2. Спб. 1856, стран. 229.

6) Соф. Врем. Ч. 2. М. 1821, стран. 145. — Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. Спб. 1853, стран. 330. Прибавленія ч.

7) Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. н. Кн. 2. Вып. 2. Спб. 1856. Хоженіе за три моря Аванасія Никитина. Чтенія И. И. Срезневскаго.

8) Полн. собр. лѣтоп. Т. VI, стран. 354 — 358. Примѣчанія къ статьѣ подъ литерой Г. Здѣсь въ прим. 48 встрѣчаемъ слово: *алафа* жалованье, которое отъ Татаръ перешло къ Русскимъ. Отсюда наше *лафа*.

9) Прим. 63 тамъ же.

10) Никон. лѣт. ч. 4, стран. 246 — 249, 258 — 264. — Лѣтописецъ, служ. продолж. Нестору. 1784. 195 — 207. Соф. Врем. 405 — 413. Полн. собр. лѣтоп. Т. VI. 124 — 128. Срезневскаго Повѣсти о Тамерланѣ тамъ же, гдѣ Хоженіе Никитина, стран. 233.

11) „Его же (Темиръ Аксака) иногда въ повѣстехъ слышахомъ далече суща подъ востоки солнечными; нынѣ же близъ яко при дверехъ приближился есть и готовится и поощряется и вооружается на ны зѣло“.

12) Никон. Лѣтоп. Т. V. Стран. 222. Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи Царяграда. Стран. 231. О взятіи Царяграда.

13) Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Н. кн. I. 1854. Памятники языка и словесности. Стран. 99. Повѣсть о Цареградѣ. Чтеніе И. И. Срезневскаго.

14) См. 91 Прим. къ Повѣсти о Цареградѣ И. И. Срезневскаго.

15) Полн. собр. Русск. лѣтоп. Т. VI, стран. 151.

16) Соф. Врем. Т. II, стран. 107.

17) Полн. Собр. лѣтоп. Т. VI, стран. 200. О поѣздѣ Великаго Князя въ Великій Новгородъ.

18) Никон. Лѣтоп. Т. V, стран. 28.

19) Тамъ же стран. 8, 19 и 93.

20) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ. 1859. Кн. 4. Шемякинъ Судъ. Статья г. Пышина.

21) Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, стран. 344. Объясненіе сказанія, стран. 2. 15.

22) Опис. Русск. муз. № 358, стран. 511.

23) Истор. Кар. Т. VII, стран. 230 и прим. 411.

24) Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи, соч. Палаузова. Стран. 70 и 74.

25) Истор. Гос. Рос. т. III, прим. 272.

- 26) Очеркъ литер. исторіи стар. пов. и сказ. Русскихъ, стран. 63.
 27) Ист. Гос. Росс., т. III, прим. 272.
 28) Очеркъ. Стран. 316. Изслѣдованіе стран. 85.
 29) Истор. Кар. Т. III, прим. 272 и 282. Очеркъ Пыпина, стран. 89.
 Напеч. въ 4-й кн. Лѣтоп. г. Тихонравова.
 30) Заимствованы изъ Сборника Іосифова монастыря № 529.
 31) Никон. Лѣтоп. Т. V, стран. 56.
 32) Ист. Кар. Т. IX, стран. 458.
 33) Т. V, стран. 238.
 34) Это село, принадлежащее Гр. Шереметеву, находится во Владимірской губерніи, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ Шуи. Копіи, снятыя съ нѣкоторыхъ иконъ, можно видѣть всегда въ мастерской Н. И. Подключникова. Голова же Ангела даетъ понятіе о величавыхъ размѣрахъ иконописи.
 35) Собр. госуд. грам. и догов. № 129.
 36) Русскія народныя пѣсни, собр. П. Кирѣевскимъ, ч. I. 1848, стр. 4.
 37) Въ этомъ изображеніи, столько напоминающемъ икону, г. Буслаевъ видитъ не лицо Христіанскаго міра, а миѣическое существо (См. его рѣчь о народной поэзіи).

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Геннадій Гонзовъ. — Жизнь его. — Посланія. — Ихъ характеръ. — Паскалія. — Полная Славянская біблія 1499 года. — Іосифъ Санинъ. — Его духовное воспитаніе. — Свидѣтельство объ обителяхъ, ему современныхъ. — Общежительный уставъ. — Основаніе Волоколамскаго монастыря въ 1469 году. — Преданія обители. — Борьба съ Жидовскою ересью. — Дѣло съ Серапіономъ. — Кончина (1515). — *Провѣтитель*. — Жидовская ересь. Общее содержаніе книги. — Двойкій характеръ. — Основныя истины вѣроученія о Богѣ. — Раздѣленіе древней исторіи до Христа. — Мысль о кровавой жертвѣ ветхаго міра. — Отношеніе богослова къ явленіямъ природы. — Мысли, проникшія въ жизнь Русскаго человѣка. — Мысли о церкви и молитвѣ. — О томъ, какъ служить Богу. — Характеръ пяти словъ гонительныхъ. — Исходъ ихъ. — Обличеніе отъ Вологодскихъ старцевъ. — Заключеніе.

Три славныхъ мужа дѣйствовали въ нашей духовной словесности въ концѣ XV вѣка и связываютъ его съ началомъ XVI-го: Геннадій Гонзовъ, Іосифъ Санинъ и Ниль Сорскій.

Годъ рожденія и первоначальное воспитаніе Геннадія остались неизвѣстны. Онъ происходилъ отъ Московскаго боярскаго рода Гонзовыхъ. Колыбелью его иноческаго житія была обитель Валаамская; руководителемъ въ немъ Савватій Соловецкій. Въ благодарность къ нему настояніемъ и усердіемъ Геннадія написано было житіе Савватія и сподвижниковъ его Германа и Зосимы. Изъ Архимандритовъ Чудовской обители въ Москвѣ Геннадій былъ возведенъ въ санъ Архіепископа Новгородскаго въ 1485 году. Здѣсь начались его подвиги на пользу

Русской Церкви. Святительствовалъ онъ 19 лѣтъ. Главнымъ дѣломъ его жизни была побѣдоносная борьба съ Жидовскою ересью; онъ открылъ еретиковъ при самомъ вступленіи своемъ на кафедру Новгородскую; изгналъ ихъ изъ Новгорода и преслѣдовалъ въ Москвѣ, куда они убѣжали; вызвалъ на борьбу съ ними Іосифа Волоцкаго и окончательно сокрушилъ ихъ на соборѣ 1504 года, но самъ палъ жертвою этой борьбы. Зависть и вражда заставили его отказаться отъ святительской кафедры. Геннадій окончилъ жизнь свою, 14-го Декабря 1505 года, въ той же Чудовской обители, откуда былъ вызванъ въ Новгородъ и гдѣ соорудилъ храмъ во имя Святителя Алексія. Тѣло Геннадія, причисленнаго Церковью къ лику Святыхъ, покоится въ древнемъ храмѣ Михаила чуда, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были вырыты мощи Св. Алексія¹⁾.

Полемическая дѣятельность Геннадія противъ Жидовской ереси относится къ трудамъ товарища его въ томъ же дѣлѣ, Іосифа Санина. Мы здѣсь коснемся другихъ памятниковъ его слова. Дѣятелемъ былъ Геннадій въ поученіяхъ къ народу и въ Новгородѣ, и во Псковѣ. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что къ Псковитянамъ онъ приходилъ на вѣче, благословлялъ народъ и говорилъ слова учительныя²⁾. Но народъ ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ не сочувствовалъ пастырю, вѣроятно, по причинѣ его строгости. Отъ литературной его дѣятельности дошло до насъ нѣсколько посланій: 1 и 2) къ Нифонту, Епископу Суздальскому, и къ Прохору, епископу Сарскому; 3) къ Іоасафу, Архіепископу Ростовскому и Ярославскому (1489); 4) къ Митрополиту Зосимѣ (1490); 5) къ Митрополиту Симону (1496 — 1504)³⁾. Три первыя касаются всего болѣе еретиковъ Новгородскихъ. Они обнаруживаютъ пылкій характеръ Геннадія. Слово Пророка Іезекіиля побуждаетъ его противъ нихъ. „По Господню слову, иже Пророкомъ Іезекіилемъ рече: вы стражи, аще видите мечъ грядущъ и не вострубите трубою и не проповете людемъ, да ся людіе снабдятъ, и нашедъ мечъ возметъ отъ сихъ душу, таковой убо беззаконіа дѣля своего взятся, а крови ея отъ руки стражей възыщу“. — Одушевленный этимъ словомъ и подозрѣвая, вѣроятно, самого Зосиму въ отступленіи, Геннадій требуетъ отъ него казни еретиковъ словами: „Только же ты, господинъ отецъ нашъ, тѣхъ еретиковъ накрѣпко не обещиши, да ихъ не велиши казнити да проклятю предати, ино ужъ мы какіе то будемъ владыки, что ли наки наше пастырство зовется?“ Въ этихъ отрывкахъ рѣзко обозначается пылкій духъ писателя и характеръ его слога.

Вотъ еще одно мѣсто изъ посланія къ Зосимѣ: изъ него очевидны и вѣкъ, и энергія Геннадіева. Въ Кремль становилось тѣсно для разраставшейся силы государственной при Іоаниѣ III; нѣкоторые монастыри и церкви вынесены были оттуда вонъ; коснулись даже и древняго кладбища; перенесли гробы предковъ, покоившихся въ Кремлѣ, на Дорогомилово. Вспыхнулъ Геннадій при слухѣ объ этомъ. Вотъ его слово Митрополиту: „А нынѣ бѣда стала земская да нечестъ

государьская великая: церкви старыя извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старыя извѣчныя съ мѣста переставлены; а кто вѣру держитъ ко святымъ Божиимъ церквамъ, ино то писано сице: „освяти любящая благолѣпіе дому „твоего и тѣхъ прослави божественною твоею силою“. Да еще паки сверхъ того и кости мертвыхъ выношены на Дорогомилово, ино кости выносили, а тѣлеса вѣдъ туто остались, въ персть разошлись; да на тѣхъ мѣстахъ садъ посаженъ, а Моисей писалъ во Второмъ Законѣ: „да не насадиши садовъ, ни древа, подлѣ требника Господа Бога твоего“; а господинъ нашъ отецъ Геронтей Митрополитъ не воспретилъ, то онъ вѣдаеть, каковъ отвѣтъ за то дастъ Богу. А гробокопателемъ какова казнь писана, а вѣдъ для того, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, не велѣно ихъ съ мѣста двигнути, — опричь тѣхъ великихъ Святыхъ, коихъ Богъ прославилъ чудеса, да Божиимъ повелѣніемъ и ангельскимъ явленіемъ бываетъ пренесеніе мощемъ на избавленіе людемъ и на утверженіе и на почестъ градовомъ. А что вынесши церкви, да и гробы мертвыхъ, да на томъ мѣстѣ садъ посадити, а то какова нечестъ учинена? отъ Бога грѣхъ, а отъ людей соромъ. Здѣсе пріѣзжалъ Жидовинъ новокрещеной, Даниломъ зовуть, а нынѣ крестьянинъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: понарядился де еси изъ Кіева къ Москвѣ, ино де мнѣ почали Жидова лаять: „собака де ты, куды нарядился? Князь де Великій на Москвѣ церкви всѣ выметалъ вонъ“.

Геннадій, какъ видимъ, крѣпко стоялъ за святиню старины, за священныя обычаи предковъ и смѣло укорялъ Московскую власть въ ихъ нарушеніи. Такъ боролся онъ и съ остатками вѣчевой власти Новгорода и Пскова въ томъ, гдѣ ими нарушалось преданіе. Подобная ревность не мѣшала ему нисколько пещись о народномъ образованіи и просить М. Симона, чтобы онъ побуждалъ Государя къ учрежденію училищъ. Мы знакомы уже съ этимъ посланіемъ. Новгородцы избирали священниковъ и діаконовъ изъ всѣхъ сословій и приводили нерѣдко безграмотныхъ на ставленіе къ Святителю. „А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостоль дати чести и онъ не умѣеть ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ и по тому едва бредеть, и язъ его оторку (отреку, т. е. откажу), и они извѣтъ творять: „земля, господине, такова, не можемъ добыти кто бы гораздъ грамотѣ“; ино де вѣдъ-то всю землю излаяли, что нѣтъ челоуѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство“. Геннадій такъ просилъ Государя черезъ Митрополита о заведеніи училищъ: „А язъ того для бью челоуѣкомъ Государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ Отецъ нашъ, Государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ Великимъ Княземъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ о томъ, чтѣ учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги“. Генна-

дїй жалуется, что между мірскими грамотѣми изъ мужиковъ завелась для церковныхъ потребъ промышленность; что они учатъ не грамотѣ, а только разнымъ службамъ наизусть, чтобы безграмотные чтецы могли за нихъ добывать себѣ деньги. Вотъ обвиненіе Геннадія. „А се мужики невѣжи учатъ робятъ да рѣчь ему испортить, да первое изучить ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтрея также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца (т. е. могорыча), что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣеть, только-то бредеть по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ“.

Такъ промышленники XV вѣка пользовались для своихъ корыстныхъ видовъ страстію къ обрядной набожности въ нашихъ предкахъ, какъ промышленники другихъ столѣтій пользуются страстію къ виѣшной цивилизаціи въ своихъ современникахъ. Геннадій обличалъ ихъ и имъ противодѣйствовалъ: отсюда понятно неблаговоленіе къ нему невѣжественной толпы, преданной идолу корыстолюбія.

Авторъ Обзора Русской духовной литературы весьма справедливо замѣчаетъ, что Геннадіевы писанія отличаются простою Русскою рѣчью, съ самою незначительною примѣсью Церковнаго языка. Приведенныя мѣста могутъ подтвердить истину этого замѣчанія. Народныя слова: *лайба* отъ лаять (какъ *похвалба* отъ хвалить), *оторку*, *могорыч* даютъ живую краску этому языку и показываютъ, какъ Геннадій, говоря народу, сближался съ нимъ въ его рѣчи.

Когда прошелъ 1492 годъ и миновала страшная седьмая тысяча, Митрополитъ Зосима поручилъ Геннадію продолжить Пасхалію на восьмую тысячу и самъ началъ этотъ трудъ на 50 лѣтъ. Геннадій составилъ новую Пасхалію только на 70 лѣтъ: число мистическое, изъ котораго не смѣли выйти. Мы имѣемъ въ Синодальной библіотекѣ трудъ его въ позднѣйшемъ спискѣ. Пасхаліи предшествуетъ предисловіе, въ которомъ Геннадій рассказываетъ исторію страха, какимъ были одержимы, ожидая втораго пришествія, не только простые люди, но даже и образованные. Предисловіе заключается истолкованіемъ Символа вѣры. Въ 1542 году Пасхалія была продолжена священникомъ Новгородскимъ Агаономъ на 532 года ⁴⁾.

Мы уже знакомы съ великимъ трудомъ Геннадія, съ полнымъ кодексомъ Библии 1499 года, который составленъ былъ на его Архіепископскомъ дворѣ, подъ руководствомъ его же Архидіакона инока Герасима. Дѣяки писавшіе были: Василь Іерусалимскій, Гридя Исповѣдницкій, Климентъ Архангельскій. Переводъ Маккавейскихъ книгъ съ Латинскаго совершенъ былъ, по повелѣнію Геннадія, Доминиканскимъ монахомъ Веніаминомъ, который былъ родомъ Славянинъ ⁵⁾. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Геннадію принадлежало главное наблюденіе за этимъ великимъ трудомъ. Въ Синодальной библіотекѣ есть его

Уставъ церковный⁶); въ Каноникѣ Сергіевой Лавры молитва къ Богоматери, составленная въ 1497 году⁷).

Прадѣдъ Іосифа Волоцкаго Александръ выѣхалъ изъ Литвы и носилъ прозвище Саня, передѣланное въ Русское Санинъ. Іосифъ родился въ селѣ Язвищѣ, которое было дано В. Княземъ Московскимъ въ вотчину его прадѣду. Семья благочестивыхъ родителей, Ивана и Марины, и Волоколамскій Кресто-Воздвиженскій монастырь были первыми мѣстами его воспитанія. Семилѣтній отрокъ Иванъ былъ отданъ въ обитель старцу Арсенію на обученіе грамотѣ. Монастырская жизнь рѣшила его призваніе. Въ другой обители Пресвятой Богородицы на Возмищѣ онъ продолжалъ свои приготовленія къ иноческой жизни; здѣсь рано спознался онъ съ одиночествомъ кельи, съ жизнію молитвеннаго безмолвія. Здѣсь подружился онъ съ товарищемъ знатнаго рода, Борисомъ Кутузовымъ. Но на двадцатомъ году Іоаннъ почувствовалъ нужду въ духовномъ наставникѣ. Слава старца Варсонофія, который спасался въ уединенной пустынкѣ близъ Саввина монастыря въ Тверской области, привлекла къ себѣ юношу. Строгость его характера обнаружилась за трапезой иноковъ обители; онъ не могъ вынести ихъ нескромныхъ разговоровъ и бѣжалъ изъ-за трапезы прямо въ пустыню къ Варсонофію, который, однако, не принялъ его къ себѣ, а указалъ ему на Пафнутія, учредившаго монастырь въ Боровскѣ. Іоаннъ пришелъ къ Пафнутію въ то время, какъ онъ съ братією таскалъ и обтесывалъ бревна. Прямо отъ работы, при первомъ звукѣ вечерняго колокола, Ігумень спѣшилъ въ храмъ. Такова была дѣятельность Пафнутія. Шестидесятипятилѣтній старецъ отличался даромъ необыкновенной прозорливости, какъ свидѣтельствовали о немъ ученики его. По чертамъ и выраженію лица онъ отгадывалъ мысли и поступки человѣка. Конечно, онъ прозрѣлъ назначеніе пришедшаго и въ самый день прихода постригъ Іоанна, нарекши Іосифомъ.

Семнадцать лѣтъ Іосифъ находился подъ руководствомъ этого строгаго и дѣятельнаго наставника. Онъ проходилъ всевозможныя послушанія, начиная съ поварни и хлѣбопекарни. Терпѣливо и усердно служилъ онъ болящей братіи и потомъ принять былъ Пафнутіемъ въ собственную келью и возведенъ въ санъ эккліасіарха. Іосифъ привлекъ къ себѣ въ обитель своего отца и двухъ братьевъ, Вассіана и Акакія. Его мать Марина постриглась въ женскомъ Волоколамскомъ монастырѣ и тридцать лѣтъ была инокиней. Братья — Іосифъ и Вассіанъ — хранили воспоминанія о своемъ учителѣ Пафнутіи и послѣ перенесли ихъ въ монастырь, основанный Іосифомъ. Преданія самого Пафнутія восходили до временъ Петра Митрополита, перваго основателя духовной жизни въ предѣлахъ Московскихъ. Вассіанъ, братъ Іосифовъ, написалъ и житіе Пафнутіево.

Незадолго до своей кончины Пафнутій назначилъ преемникомъ себѣ Іосифа. Но Іосифъ, по смерти наставника принявъ на себя званіе игумена, не былъ до-

воленъ уставомъ обители и особенно его исполненіемъ. Къ тому же и самъ Пафнутій завѣщалъ Іосифу улучшить въ обители нѣкоторые обычаи. Не встрѣтивъ сочувствія въ большей части иноковъ къ предполагаемымъ измѣненіямъ, Іосифъ отправился въ путь по Россіи, чтобы лично осмотрѣть другія славныя обители и избрать изъ нихъ все лучшее, и взялъ себѣ въ сопутники инока Герасима Чернаго.

Въ своей Духовной грамотѣ, содержащей уставъ иноческаго житія, Іосифъ сохранилъ намъ любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи многихъ славныхъ монастырей. Онъ говоритъ, что хотя и не видалъ прежнихъ святыхъ отцевъ, просіявшихъ въ нашей землѣ: Сергія, Варлаама, Кирилла и иныхъ подобныхъ имъ, но видѣлъ многихъ, которые были ихъ учениками. Уставы иноческіе, заповѣданные великими подвижниками, подвергались многимъ измѣненіямъ со стороны новыхъ игуменовъ, но находили также приверженцевъ и защитниковъ, которые строго, даже до мученичества, отстаивали ихъ силу. Дѣло обходилось не безъ борьбы многотрудной. Въ обители Сергія неусыпная его дѣятельность, забота о своей паствѣ и нищета, имъ любимая, сохранялись по прежнему: даже книги писали не на пергаменѣ, а на берестовой корѣ. Въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго старцы Доспеей, Ілія, Чапѣй и Игнатій Бурмака, со многими иными, отстаивали преданія Кирилловы противъ новыхъ пришлыхъ и даже своихъ настоятелей, и терпѣли отъ нихъ мученія и смертельныя побои. Около Москвы, въ монастырѣ Симоновомъ, старецъ Варооломей защищалъ преданія и обычаи, введенные Феодоромъ, племянникомъ Сергія, и Кирилломъ, противъ новыхъ Архимандритовъ, ихъ измѣнявшихъ. Іосифъ передаетъ то, что самъ видѣлъ, о Саввѣ, основателѣ Тверской обители, и братѣ его, пустынникѣ Варсонофій, великомъ любителѣ книгъ и чтенія, который имѣлъ у себя въ пустынь многочисленную бібліотеку, разрѣшалъ недоумѣнія многихъ и даже Митрополита Фотія, касавшіяся Слова Божія, помнилъ все священное писаніе, всегда держалъ его на языкѣ и всѣмъ неоскудно подавалъ эту духовную милостыню. Когда же Савва и Варсонофій скончались, и тутъ была борьба за ихъ завѣты противъ новыхъ настоятелей. Въ Савватіевой пустынь, недалеко отъ Твери, Іосифъ видѣлъ славнаго старца Евфросина, родомъ князя Тепринскаго. Въ монастырѣ Андрониковскомъ, близъ Москвы, хранились преданія Андроника, ученика Сергіева; здѣсь Іосифъ упоминаетъ о славныхъ иконописцахъ Даніилѣ и ученикѣ его Андреѣ Рублевѣ, которымъ и въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова не было другой высшей радости, какъ смотрѣть на божественныя иконы и отъ изображеній возноситься мысленно къ изображеннымъ Владыкѣ Христу, Пречистой Его Богоматери и всѣмъ Святымъ. Въ Чудовскомъ монастырѣ хранились преданія учениковъ Сергія, поставленныхъ Митрополитомъ Алексіемъ. Іосифъ самъ видѣлъ Макарія, основателя монастыря Колязинскаго, и бесѣдовалъ съ нимъ. Одинъ

старецъ, инокъ Митрофанъ Бывальцевъ, жившій девять лѣтъ на горѣ Аеонской, утверждалъ, что въ Колязинской обители жизнь иноковъ была совершенно подобна жизни киновій святогорскихъ и что онъ понапрасну ходилъ во Святую гору мимо Колязинскаго монастыря, въ которомъ точно также могъ бы спастись.

Иосифъ, съ новымъ общежительнымъ уставомъ, плодомъ его двухлѣтнаго наблюдательнаго странствія, возвратился въ Пафнугіеву обитель; но здѣсь братія, соскучившись его долгимъ отсутствіемъ и не желая переменъ въ образѣ своей жизни, выпросила уже себѣ новаго Настоятеля. Тогда Иосифъ рѣшился учредить свою обитель и ввести въ нее свой уставъ, основанный на самыхъ строгихъ правилахъ древняго монастырскаго общежитія.

Въ лѣсахъ Волоколамскихъ, въ сосновомъ бору, гдѣ небольшая рѣчка Струга вливается въ Сестрь, при содѣйствіи Волоколамскаго Князя Бориса Васильевича, Иосифъ основалъ свою обитель въ 1469 году. Но и здѣсь не вдругъ онъ могъ ввести общежительный уставъ, а постепенно, когда собралось у него до ста человѣкъ братіи.

Строгій характеръ Иосифа и непреклонная воля его положили особенную печать на учрежденной имъ обители. Возстановленіе общаго житія въ древнемъ его видѣ, такъ, какъ оно было внесено въ монастыри наши Θεодосіемъ, было главною задачею Иосифа. Отсутствіе всякой собственности, одежда, ѣда и питіе общее, строгое исполненіе церковнаго устава во время богослуженія, составляли главную сущность общаго житія. Къ тому присоединялась ежедневная исповѣдь во грѣхахъ по окончаніи дня отцу своему духовному. Кромѣ игумена управлялъ монастыремъ совѣтъ изъ старцевъ. Женщинамъ до того былъ запрещенъ входъ въ монастырь, что Иосифъ не принялъ даже пришедшей къ нему матери. „Истинное сродство, говорилъ Иосифъ, се есть еже подобитися добродѣтелию сродному и богови угоднаа творити и ему спострадати во всемъ“. Отроки не допускались въ монастырь, какъ это бывало прежде.

Пища у иноковъ была простая и состояла изъ трехъ яствъ; но однимъ изъ трехъ инокъ долженъ былъ жертвовать въ пользу нищаго. Иноки памятовали и записали въ Иосифовскомъ отечникѣ⁸⁾ другое слово наставника; „достоитъ иноку въ общемъ житіи живущу едино брашно оставляти и глаголати: сіе часть Христа моего“. Наставникъ прибавлялъ къ тому: „аще которой братъ совершитъ довлѣяся трапезною пищею, отъ сего не осуженъ будетъ, яко съ благословеніемъ предлагаема суть; горе же тайно ядущему по писанію Григорія Двоеслова, и вещи и сребренники особно имущему“. Вотъ почему братія ничего не имѣла въ келліяхъ, кромѣ иконъ, божественныхъ книгъ и худыхъ ризъ, а потому келліи крѣпко не запирались. Иосифъ помнилъ, какія худыя ризы носилъ преп. Сергій, по преданію, слышанному въ его обители, и тотъ же обычай ввелъ въ свою: всѣ иноки носили у него худыя одежды и обувь имѣли изъ лыкъ.

По случаю прихода къ нему въ обитель двухъ мірянъ, дѣтей его духовныхъ, Θεодосія живописца и вѣрнаго ученика его Θεодора, въ иночествѣ принявшаго имя своего учителя, Іосифъ объявилъ братіи, что они стяжали свѣтильники дѣвственности отъ самаго младенчества, что это не могло быть безъ особеннаго Божія дарованія. Уподобля ихъ пяти мудрымъ дѣвамъ, пріавшимъ свѣтильники свои во срѣтеніе жениху, наставникъ по этому случаю называлъ дѣвство огнемъ, а милостыню масломъ. Но милостыню духовную онъ ставилъ выше тѣлесной, какъ видно изъ другихъ его словъ, сохраненныхъ братією: „се есть милостыня общеживущихъ еже спострадати другъ другу и претерпѣти смутившемуся нанъ брату, и не воздати зла за зло“.

Изъ многихъ словъ Іосифа, сохраненныхъ его учениками и записанныхъ въ рукописяхъ обители, мы видимъ, какъ ученіе его дѣйствовало и переходило въ жизнь. Всѣ возможныя оружія противъ плоти употреблялись въ обители: желѣзные брони, тяжелыя вериги, острия власяницы, многотысячныя поклоны и молитвы. Инокъ Θεогностъ, по мірскому прозванію Скряба, съ того началъ житіе иноческое въ обители, что вмѣсто рубашки надѣлъ на тѣло броню желѣзную, каждый день совершалъ всѣ псалмы Давидовы да пять канонѣвъ, да тысячу колѣнопреклоненій, да пять тысячъ Іисусовыхъ молитвъ, и не измѣнилъ такому правилу въ теченіи трехъ лѣтъ до самой кончины.

Іосифъ поощрялъ такіе подвиги, которые вокругъ него совершались, но съ тѣмъ вмѣстѣ строго предупреждалъ подвижниковъ противъ гордости, какая могла обуять ихъ. Одинъ инокъ Евѣимій, знатнаго рода, мірски Елевѣерій Волинскій, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ, а только плакалъ, молился на колѣняхъ въ своей келліи, за всякою литургією каялся въ помыслахъ своихъ старцу Іосифу и принималъ отъ него прощеніе. Однажды, когда во время литургіи онъ молился и плакалъ, внезапно отъ алтаря облисталъ его свѣтъ неизреченный: объятый великимъ страхомъ, онъ подошелъ къ клиросу и исповѣдалъ старцу Іосифу сіяніе того свѣта. Старецъ сказалъ ему: „не внимай тому, но точію молитвъ и слезамъ“. Евѣимій послѣ того наложилъ на себя схиму и причастился св. таинъ. Разъ не пришелъ онъ къ заутрени: братія, замѣтивъ это, послала къ нему инока, чтобы разбудить его, но инокъ нашель его на колѣняхъ передъ образомъ Божиимъ и Его Матери, съ четками въ рукахъ, съ слезами на лицѣ, отошедшимъ къ Господу. Такую внезапную кончину — такъ объясняли ученикамъ Іосифъ — посылаетъ Богъ готовымъ, чтобы устрашить насъ неготовыхъ внезапнымъ нашествіемъ смерти. Когда иноки по времени разсуждали съ Іосифомъ о свѣтѣ, который осіялъ Евѣимія, и отъ чего онъ запретилъ ему обращать на то вниманіе, Іосифъ сказалъ имъ: надобно быть осторожнымъ, чтобы вмѣсто пастыря не принять волка; одному изъ отцовъ явился сатана, облисталъ его свѣтомъ неизреченнымъ и сказалъ ему: я Господь; онъ же закрылъ глаза и отвѣчалъ: я Христа не ходу здѣсь

видѣть. Тѣмъ паче намъ немощнымъ и въ послѣднее сіе время не слѣдуетъ „искати таковыхъ, но послушаніе имѣти и тружатися тѣлеснѣ, и посту и молитвѣ по силѣ прилежати, и смиренію, еже имѣти себе подо всѣми“.

Письменная дѣятельность оживляла также обитель, какъ это свидѣтельствуется огромное ея книгохранилище. Первымъ двигателемъ ея былъ самъ Іосифъ, который всѣ досуги въ своей келліи посвящалъ списыванію книгъ. Мы уже знакомы съ тѣми рукописями, какія онъ написалъ самъ и оставилъ въ своей обители. За Іосифомъ слѣдуетъ спутникъ его Герасимъ Поповка Черный: въ книжной описи 1573 года упомянуто 16 книгъ письма его. Тимоѳеи Веніаминовъ въ роковомъ 1489 году переписалъ слова Аѳанасія Александрійскаго; чернецъ Симеонъ въ 1490 году—поученія, избранныя отъ Св. Евангелія на всякую недѣлю и переложенныя съ Греческаго еще въ 1343 году. Въ числѣ писавшихъ книги для обители слѣдуетъ упомянуть еще Досіѳея и Вассіана Топорковыхъ, Нила Полева, который даже перевелъ Псалтырь съ часословомъ⁹⁾, Даніила Митрополита, Нила Сорскаго, Евфимія Туркова.

Въ 18-ти верстахъ отъ Волоколамска красуется обитель Іосифова, огражденная башнями и стѣнами, какъ всѣ древнія наши обители. Въ нижнемъ соборномъ храмѣ своемъ она хранитъ гробницу своего основателя. Когда вы подъѣзжаете къ ней по Клинской дорогѣ, отъ села Шестакова, которое нѣкогда ей принадлежало, за 10 верстъ уже виднѣются ея бѣлыя и величественныя столпостѣны. Три пруда, обширные какъ озера, къ ней прилегаютъ: одинъ изъ нихъ носитъ названіе Гурьевскаго, потому, вѣроятно, что рыть при славномъ Архимандритѣ Гуріи, первомъ основателѣ Епархіи Казанской; другой передъ самою обителью не носитъ названія и, вѣроятно, вырытъ при самомъ Іосифѣ¹⁰⁾. Въ немъ въ свѣтлые дни отражаются стѣны, башни и храмы монастыря съ красивою колокольнею, которая легкостью и стройностью зодчества поспоритъ съ Иваномъ Великимъ, а наклонностью положенія напоминаетъ колокольню Пизы. Ризница монастыря хранитъ два посоха, одежду и вериги Іосифовы. Библіотека имѣла 705 рукописей, изъ которыхъ 236 обитель уступила ученымъ Троицкой Лавры. На лѣво стоитъ густой сосновый боръ, вѣроятно, развалина того лѣса, среди котораго чудесный буреломъ, поваливъ многовѣковыя сосны, указалъ мѣсто, гдѣ быть обители Іосифовой. Боръ скрываетъ въ верстѣ отъ обители ту пустыньку, куда уединялся Іосифъ отъ братіи для богомыслия и уединенной молитвы, по примѣру всѣхъ пустынныхъ отходниковъ востока и древней Руси.

Кромѣ учрежденія обители, воспитавшей многихъ извѣстныхъ подвижниковъ Русской Церкви, Іосифъ прославился еще подвигомъ великимъ—борьбою съ Жидовскою ересью, противъ которой онъ написалъ лучшее свое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ Просвѣтителя. Въ 1470 году открылась эта ересь въ Новгородѣ и оттуда проникла въ Москву. Геннадій, поставленный въ Архіепископы Новго-

рода въ 1485 году, открылъ ее около себя, преслѣдовалъ въ столицѣ и пригласилъ Іосифа въ свои сотрудники. Борьба Іосифа съ противниками ученія Христіанской Церкви длилась отъ 1490 года по 1504. Мы возвратимся къ ней, когда будемъ разсматривать писанія Іосифовы.

Вліяніе Іосифа изъ стѣнъ обители простиралось на власти, на бояръ, на народъ. Во времена голода монастырь открывалъ свои житницы народу, а игумень его побуждалъ Князей заботиться объ его тяжкихъ нуждахъ, какъ мы это видимъ изъ посланія Іосифа къ Юрію, Князю Дмитровскому. Иго, тяготѣвшее надъ рабами, возбуждало состраданіе въ сердцѣ Іосифа, и онъ писалъ посланія къ вельможамъ о милованіи рабовъ.

Послѣдніе годы его жизни омрачены были грустною размолвкою съ Серапіономъ, Архіепископомъ Новгорода. Іосифовъ монастырь считался въ епархіи Новгородской и зависѣлъ отъ князей Волоколамскихъ. Сынъ Князя Бориса, покровителя монастыря, Ѳеодоръ, не слѣдовалъ примѣру отца, а притѣснялъ обитель и ея иноковъ. Іосифъ вынужденъ былъ искать защиты въ Великомъ Князѣ Московскомъ и въ Митрополитѣ Симонѣ въ то время, когда сношенія съ Новгородомъ были прерваны по случаю язвы, которая въ немъ свирѣпствовала. Серапіонъ вознегодовалъ на Іосифа и отлучилъ его отъ Церкви. Іосифъ, опасно больной, но отлученный, не дерзнулъ приступить къ причащенію св. таинъ, но обратился съ моленіемъ къ Митрополиту, В. Князю и вельможамъ его окружавшимъ. Московскія власти, и духовныя и свѣтскія, приняли сторону Іосифа противъ Серапіона, который лишенъ былъ своей кафедръ. Соборъ, въ 1509 году созванный для суда по этому дѣлу, рѣшилъ его такъ же въ пользу Іосифа, какъ ни упорно утверждалъ Серапіонъ, что онъ воленъ въ своемъ чернцѣ. Іосифъ былъ успокоенъ разрѣшительной грамотой, а Серапіонъ отлученъ въ свою очередь. Но оба противника, духовно смирясь другъ передъ другомъ, помирились послѣ. Въ этой распрѣ, равно какъ и въ образѣ ея разрѣшенія, сказывался строгій духъ единодержавія Москвы, къ которой все уже тянуло, всѣ мѣстныя власти, и мірскія, и духовныя.

Тяжкіе недуги посѣтили Іосифа передъ концемъ его жизни. Преемникомъ ему былъ избранъ братією инокъ Даніиль, впоследствии Митрополитъ и также славный писатель, и утвержденъ Іосифомъ. 75-тилѣтній старецъ принялъ схиму и утромъ въ воскресенье, 9-го сентября 1515 года, когда храмъ огласился священной пѣснью: Святыи Боже!—скончался.

Іосифъ Волоколамскій является первымъ въ порядкѣ времени Русскимъ писателемъ на поприщѣ полемическаго богословія. Писанія его состоятъ изъ 18 посланій и особой книги: *Просвѣтитель*. Изъ числа посланій семь относятся къ борьбѣ его съ Жидовскою ересью, но всѣ они по большей части вошли въ составъ *Просвѣтителя*, пять къ спору съ Серапіономъ и остальные шесть имѣютъ харак-

теръ учительный; съ замѣчательнѣйшими изъ сихъ послѣднихъ мы уже знакомы. Значеніе Іосифа, какъ писателя, сосредоточивается для насъ въ его Просвѣтителѣ.

Тридцать четыре года Жидовская ересь обуревала Русскую Церковь, сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Москвѣ, и проникла даже во внутреннія области Россіи. Изъ Литвы привезъ это ученіе въ Новгородъ Жидъ Схаріа (Захарія), пріѣхавшій туда изъ Кіева вмѣстѣ съ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, правнучомъ Ольгердовымъ. Онъ прельстилъ сначала попа Дениса, а Денисъ — протопопа Алексѣя; ихъ обоихъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ, всего болѣе проклинаеть Іосифъ въ своемъ обличительномъ сочиненіи. Изъ Литвы прибыли еще Жиды и усилили ересь. Многія духовныя лица, изъ свѣтскихъ людей особенно дьяки и даже простолюдины, пристали къ ихъ ученію въ Новгородѣ.

Въ чемъ состояло оно? Мы имѣемъ два изложенія того, въ чемъ заключалась сущность ереси: одно принадлежитъ Собору, который былъ созванъ противъ нея въ 1490 году; другое — творцу Просвѣтителя. Но между тѣмъ и другимъ разница заключается только въ болѣшихъ или меньшихъ подробностяхъ. Отъ самихъ еретиковъ не дошло до насъ никакихъ сочиненій, да едва ли излагали они ученіе свое письменно. Іосифъ, конечно, упомянулъ бы о нихъ, еслибы они существовали. Мы должны во всемъ довѣрять его свидѣтельству.

Еретики отвергали основной догматъ Православнаго Христіанства — ученіе о Святой Троицѣ, утверждая, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не видно никакихъ слѣдовъ подобнаго ученія. Они отвергали также воплощеніе Бога Слова и рождество Іисуса Христа отъ Дѣвы, видя въ немъ простаго человѣка, распятаго Іудеями и истлѣвнаго во гробѣ, а не Бога и говоря, что Богъ возмогъ бы однѣми небесными своими силами, пророками и праведниками совершить спасеніе Адама. Они возставали на поклоненіе кресту Господню, мощамъ и святымъ иконамъ, и даже позволяли себѣ ругаться надъ ними; нападали также на иноческое жителство, говоря, что ни Спаситель, ни Апостолы не преподали такого образа жизни, не возбраняли ни жениться, ни чуждаться брашенъ; что Пахомію явился не Ангель, который избралъ бы свѣтлый образъ для своего явленія, а бѣсъ, представшій въ образѣ черномъ. Нѣкоторые ученые видятъ въ Жидовской ереси начало раціональнаго ученія¹¹⁾, впоследствии сильно развившагося на западѣ; но едва ли вѣрно такое предположеніе, потомучто еретики, ожидая пришествія Мессіи въ будущемъ, проповѣдывали законъ Моисеевъ съ его ветхозавѣтными жертвами.

Въ 1480 году Великій Князь Иванъ Васильевичъ былъ въ Новгородѣ и перевелъ двухъ главныхъ еретиковъ: Алексѣя попа — въ Москву въ Успенскій соборъ на протопопство и Дениса попа — къ Михаилу Архангелу. Скоро ересь пустила глубокіе корни и въ самой столицѣ. Геннадій, въ 1485 году будучи поставленъ Архіепископомъ Новгороду, первый открылъ ересь и началъ обличать ее. Тогда еретики устремились въ Москву и, подъ покровительствомъ Алексѣя и Де-

ниса, образовали сильную партію. Они пріобрѣли себѣ опору въ знаменитомъ государственномъ чловѣкѣ, любимцѣ Іоанна III, дьякѣ Ѳеодорѣ Курицынѣ, крестовыхъ дьякахъ Истомѣ и Сверчкѣ, въ купцѣ Семенѣ Кленовѣ и особенно въ Архимандритѣ Симоновскомъ, Зосимѣ, который, по смерти Геронтія, проискамы сильныхъ еретиковъ возведенъ былъ въ санъ Митрополита. Съ ужасомъ увидѣли поборники истинъ вѣры еретика на престолѣ митрополіи Московской. Ересь проникла даже и въ чертоги великокняжескіе: сноха Іоанна III, по его собственному сознанию, была сведена въ жидовство. Самъ Іоаннъ III зналъ, какой ереси держался Алексѣй протопопъ, и какой Ѳеодоръ Курицынъ, и недоумѣвалъ, чтѣ было ему дѣлать, прося о томъ прощенія у Іосифа въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ. Ересь проникла и въ народъ. Въ домахъ, по дорогамъ, на рынкахъ, иноки, міряне, всѣ выражали сомнѣнія свои о вѣрѣ и пытали о ней, какъ свидѣтельствуеть Іосифъ. Изъ Москвы ересь проникла и въ другіе города.

Въ 1491 году, по настоянію Геннадія, созванъ былъ противъ нея соборъ въ Москвѣ. Зосима долженъ былъ уступить силѣ православія. Ересь осуждена и проклята, и многіе приверженцы ея, не столько сильные, отправлены въ Новгородъ къ Геннадію подъ наказаніе. Геннадій приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, посадить на лошадей передомъ назадъ, надѣть на нихъ острые шлемы изъ берестовой коры съ мочальными гребнями и съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Такъ еретики проведены были по всему городу. Народъ, встрѣчая ихъ, по приказанію Геннадія, долженъ былъ плевать на нихъ и говорить: „это враги Божіи, хульники Христіанства“. Въ заключеніе процессіи сожжены были шлемы на головахъ ихъ. Геннадій хотѣлъ подѣйствовать страхомъ на еретиковъ и на народъ.

Но ересь, не смотря на страхъ, только скрылась, а не исчезла, и пустила сильнѣйшіе корни въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи. Въ Новгородѣ еретики принесли наружное покаяніе и разошлись по городамъ и селамъ. Истеченіе съ 1492 годомъ седьмой тысячи, послѣ чего ожидали кончины міра, и обличенная суета этихъ пустыхъ ожиданій придали еще болѣе дерзости еретикамъ. Они укоряли во лжи писанія Апостоловъ, отцевъ Церкви и особенно Св. Ефрема. Ѳеодоръ Курицынъ и братъ его Волкъ усиливаютъ свое покровительство еретикамъ при дворѣ и проискамы своими отправляютъ еретика Кассіана Архимандритомъ въ Юрьевскій Новгородскій монастырь, который становится притономъ еретичества. Тогда сильнѣе стали дѣйствовать ревнители православія. Іосифъ заставилъ Зосиму сойти съ митрополіи. Соборъ, собранный въ 1503 году при митрополитѣ Симонѣ, сокрушилъ еретиковъ. Духовные осудили ихъ. Правительство, сначала допустивъ распространеніе ереси, потомъ предало ихъ самымъ жестокимъ казнямъ: жгло ихъ всенародно въ желѣзныхъ клѣткахъ, рѣзало имъ языки, морило въ тем-

ницахъ; покаяніе уже было безсильно и отвергалось, какъ вынужденное страхомъ жестокой казни.

Памятникомъ борьбы Іосифа съ Жидовскою ересью осталась намъ его polemическая богословская книга, которую, конечно, его современники уже послѣ него назвали Просвѣтителемъ. Исторія ея написанія и составленія еще недостаточно изслѣдована; но ясно видно, что она писалась и составлялась постепенно: это доказывается особенно тѣми семью посланіями, которыя писаны были сначала порознь, а потомъ вошли въ составъ ея. Теперешній видъ ея, какъ и самое названіе, носить на себѣ также явные слѣды руки позднѣйшей¹²⁾.

Просвѣтитель раздѣляется на 16 словъ, которымъ предшествуетъ Сказаніе о самой ереси, заключающее краткую исторію ея происхожденія и распространенія въ Россіи, равно и общее содержаніе каждаго изъ 16-ти словъ, изъ которыхъ въ 15-мъ находимъ продолженіе исторіи ереси. По цѣли своей эти слова можно раздѣлить на рѣзкіе два отдѣла: первыя 11 содержатъ въ себѣ богословское обличеніе всѣхъ положеній, принятыхъ еретиками, и съ тѣмъ вмѣстѣ основательное изложеніе истинъ православной Христіанской вѣры; послѣднія 5 имѣютъ не столько обличительный, сколько преслѣдовательный характеръ, и, вѣроятно, писаны уже въ то время, когда сила обличенія, къ сожалѣнію, изнемогла и перешла въ раздраженное гоненіе. 12-е Слово, направленное противъ еретика святителя вообще, а лично противъ Зосимы, и рѣшающее вопросъ: можетъ ли быть дѣйствительно проклятіе святителя, преданнаго ереси?—весьма рѣдко встрѣчается въ рукописяхъ. Въ числѣ многихъ, отлично писанныхъ рукописей Просвѣтителя самой обители, основанной его творцемъ, нѣтъ ни одной съ 12-мъ Словомъ.

Книга въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій существовала въ однѣхъ рукописяхъ. Новиковъ напечаталъ въ своей Вивліоѳикѣ одно Сказаніе, служащее ей вмѣсто предисловія. Ученые издатели Твореній Св. Отцевъ познакомили отчасти съ ея содержаніемъ, предложивъ на Русскомъ нарѣчій отрывки изъ писаній Іосифа Волоцкаго. Ученые издатели Православнаго Собесѣдника въ Казани, наконецъ, напечатали Просвѣтителя по семи различнымъ спискамъ и тѣмъ сдѣлали его доступнымъ изученію всѣхъ и каждаго. Еще Троицкіе ученые приводили многочисленные источники, изъ которыхъ Іосифъ почерпалъ свои доводы и свидѣтельства противъ ереси¹³⁾. Казанскіе ученые указали на 40 церковныхъ писателей, мѣста изъ коихъ приводитъ творецъ Просвѣтителя¹⁴⁾: въ томъ числѣ не разумѣются свидѣтельства изъ Патериковъ. Въ особомъ изслѣдованіи они соединили всѣхъ писателей церковныхъ и ихъ творенія, откуда заимствовали Іосифъ; но замѣчательно, что въ нерѣдкихъ случаяхъ, предполагая заимствованія, они отказываются указать источники, откуда они взяты¹⁵⁾. Желательно бы было свѣрить твореніе Іосифа съ рукописями бібліотеки монастыря, имъ осно-

ваннаго; такой трудъ, вѣроятно, будетъ совершенъ учеными Троицкой Лавры, которые приобрѣли всѣ важнѣйшія сокровища того книгохранилища.

Изумительно обиліе этихъ сокровищъ. Не менѣе изумительно и обширное знаніе ихъ, которымъ владѣлъ Іосифъ. Новые издатели Просвѣтителя хотятъ отнять значеніе оригинальности у сего творенія¹⁶); но совершенно въ характерѣ древней Руси этотъ способъ богословствованія, посредствомъ котораго всякая мысль духовнаго писателя выражается или словомъ Священнаго писанія, или словомъ отеческимъ. Здѣсь личность его скрывается совершенно за глаголомъ Церкви. Сильнѣе и рѣзче обнаруживается она въ словахъ проклятія и гоненія, но это служить не къ свѣтлomu торжеству истины.

Искусствомъ діалектическимъ отличается первое слово. Еретики отвергали присутствіе догмата Троицы въ книгахъ ветхозавѣтныхъ: надобно было отвѣчать имъ исключительно на основаніи свидѣтельствъ Вѣтхаго Завѣта. Такъ и поступилъ Іосифъ. — Слово 11-е, написанное въ защиту иноческаго житія и исполняемое учености необъятной, имѣетъ историческое отношеніе ко множеству монастырей, основанныхъ у насъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Іосифъ Санинъ, какъ одинъ изъ распространителей и усовершенителей иноческаго житія въ Россіи, долженъ былъ вступиться за свое и общее дѣло всѣхъ двигателей духовной жизни въ отечествѣ. Это слово всѣхъ пространнѣе: оно отвѣчало на важный вопросъ современнаго образованія.

Желаемъ познакомить читателей не съ однимъ внѣшнимъ содержаніемъ творенія, которымъ оно отвѣчало на потребность своего времени, но съ его внутреннею, всегда пребывающею сущностію, которая была причиною того, что рукописный Просвѣтитель, послѣ трехъ съ половиною вѣковъ, изданъ при насъ въ печать современнымъ Русскимъ ученымъ духовенствомъ. Имѣя въ виду эту внутреннюю сущность, мы представимъ изъ Іосифова творенія тѣ мысли, которыя составляютъ основу православнаго Христіанскаго богомыслія, также мысли, поразительныя своимъ глубокимъ значеніемъ, и, наконецъ, особенно тѣ, которыя проникли въ жизнь Русскаго народа.

Первая мысль касается основной истины Христіанскаго богомыслія — Пресвятой Троицы. Съ нея начинается Іосифъ; ей посвятилъ онъ все первое слово; къ ней возвращается въ седьмомъ. Такая ревностная забота его объ утвержденіи этой истины въ умахъ объясняется тѣмъ, что еретики сильно нападали на нее и хотѣли поколебать православное ученіе Христіанства въ его коренной основѣ.

Съ самаго начала введенія Христіанства въ Россіи и исповѣданія вѣры Владиміромъ Святымъ проходитъ у насъ черезъ всѣ вѣка нашей жизни изложеніе ученія о Троицѣ, завѣщанное Отцами вселенской Церкви. Имъ открываетъ Іосифъ свое первое слово. Въ этомъ глубокомысленномъ, не только богословскомъ, но и философскомъ изложеніи превосходно совмѣщены въ Богѣ единство

существа и проявленіе его въ личности, которую Іосифъ называетъ *собствомъ* или *составомъ*. Здѣсь зародышъ и нашего первоначальнаго философскаго языка, отъ котораго, къ сожалѣнію, мы отказались. Прочтемъ это изложеніе.

„Блаженный и великій Апостоль, уста Господня, Павелъ глаголетъ: *аще и суть бози мнози, и господіе мнози: но намъ единъ Богъ Отець, изнего же вся, и мы у него; и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся и мы тѣмъ, и единъ Духъ святъ, и немже всячская и мы немъ.* И сего ради подобаеъ всякому христіанину вѣровати, якоже крестися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ едино существо, и естество и Божество, и едино царство и начало и крѣпость, и три съставы, рекше лица, яже и образы наричу и събства. Ино бо есть составъ, и ино существо; сущство наричу общее тріемъ ипостасемъ: одинаго бо естества и существа три лица, составъ же наричу естество сообразными събствы: ино бо Отець, и ино Сынъ и ино Духъ Святыи, еже съчетъ събства рекше составы, а не естества, но того же естества и того же существа; вкупѣ бо Отець и Сынъ и Святыи Духъ. Но Отець убо и не роженъ, Сынъ же и роженіе Отчее, яко отъ солнца свѣтъ и отъ ума слово; Духъ же Святыи и исхоженіе Отчее. Свойственно же Отцу нероженіе и еже нарицатися Отець. Свойственно же Сыну еже нарицатися Сынъ и роженъ быти отъ Отца. Свойственно же Духу еже нарицатися Духъ Святъ и отъ Отца исходити. Всѣхъ же лицъ, рекше составъ, едино естество, едино хотѣніе, едино дѣйство, едина благодѣть, едина сила, единъ совѣтъ. Сего ради одинаго Бога исповѣдати, а не три: ни бо отлучени суть другъ отъ друга якоже чловѣцы, ниже нравы различны, но вкупѣ Отець и Сынъ и Святыи Духъ, другъ въ друзѣ неслитнѣ и нераздѣльнѣ вмѣщается, коемуждо лицу хранящу свое, овъ отечество, овъже сыновство, овъ же исхоженіе. Аще ли глаголетъ намъ кто: что есть Отець? отвѣщаемъ ему: еже есть Сынъ и Святыи Духъ, пребывая Отець. Аще же глаголетъ, что есть Сынъ? — речемъ же ему: еже есть яко же рѣхъ Отець и Духъ Святыи, пребывая Сынъ. Такожде же и о Дусѣ Святѣмъ: се бо есть еже Отець и Сынъ, пребывая же Духъ Святыи. Събство бо недвижимо есть, якоже рече Богословъ Григоріе: како бо събство бываетъ движимо и прелагаемо? есть убо Божество, достоинъ съкращенѣ рещи, нераздѣлно убо въ раздѣленіихъ, ово естествомъ, овоже ипостасми, якоже въ солнцехъ тріехъ, вкупѣ сущихъ, едино свѣта размѣшеніе. Егда убо къ Божеству, иже въ единомъ естествѣ зримъ, и винѣ и единоначалію: едино намъ есть покланяемо или мечтаемое¹⁷⁾. Егда же къ събствомъ и лицемъ, три покланяема суть. Словомъ убо сіа проходимъ, по великому Григорію, помышляемъ солнце и свѣтъ и лучю, умъ и слово и духъ, начало воды и источникъ и рѣку. Обаче, по рекшему, вѣра да предваряеъ, а не показаніе, и подобаеъ всякому чловѣку чистымъ и богосіателнымъ дѣваніемъ, наставника Духа имѣти, яко да свѣтомъ приемля свѣтъ, вѣровати въ Отца, и Сына, и Святаго Духа, едино Божество и

силу, въ тріехъ познаваемо и покланяемо съставохъ. *Тако вѣруемъ и тако мудрствуемъ*, и въ сихъ довлѣемъ, и се есть Премудрость наша и разумъ нашъ! И тако держимъ и тако исповѣдаемъ съ всѣмъ воздыханіемъ“.

Тѣже самыя основанія ученія о Богѣ изложены и въ седьмомъ словѣ¹⁸⁾ съ нѣкоторыми подробностями относительно каждаго лица.

Въ истинномъ понятіи о Божествѣ необходимо должно сливаться нераздѣльно понятіе о вездѣсущи съ понятіемъ о личности. Только въ Богоученіи Христіанскомъ эти понятія совмѣщаются. Вездѣсущіе безъ личности рождаетъ пантеизмъ; личность безъ вездѣсущія—политеизмъ. Вотъ двѣ крайности всѣхъ ложныхъ вѣръ и всѣхъ ложныхъ ученій о Богѣ, излагаемыхъ философіею, отпадшею отъ Христіанства. Іосифъ, изложивъ истину Богоученія, прибавляетъ: *такое вѣруемъ и тако мудрствуемъ*, указывая такимъ образомъ на первоначальный, нераздѣльный союзъ вѣры и знанія. Тѣмъ же, которые, силясь проникнуть въ самую тайну Пресвятыя Троицы, недоумѣваютъ о совмѣщеніи понятій по человѣческому разуму и существу несомвѣстимыхъ, Іосифъ отвѣчаетъ: „Богъ бо постижимъ, нѣсть Богъ: аще бо Ангела, или своа душа създаны постигнути или описати не можемъ, колми паче всѣхъ Творцю подобаеть быти непостижну!“¹⁹⁾

Но чтобы дать возможность человѣку черезъ собственное существо свое, созданное по образу и подобію Божію, приблизиться нѣсколько своимъ разумомъ къ тайнѣ существа Божія, Іосифъ употребляетъ слѣдующее доказательство отъ образа и подобія Божія, начертанныхъ на человѣкѣ, строго отдѣляя ихъ отъ тождества съ Богомъ. Вотъ слова его:

„Слыши, како бысть человѣкъ по образу Божію и по подобію, еже бо *по образу*, не о плоти глаголетъ: плоть бо покрывало есть, и создана и мертвена и видима, Богъ невидимый и несозданъ и безсмертенъ. Сего ради глаголетъ о невидимомъ въ человѣцѣ, еже есть душа и слово и духъ: по образу бо Божію въ человѣцѣ душа, иже и умъ глаголется, иже подражатель бываетъ нѣкако Богу: въ мгновеніи бо обгичеть вся, яже на земли и небеси, не существомъ своимъ, но мечтаніемъ помысленнымъ, но обаче совращаемъ, созданъ бо. Единъ убо Богъ существомъ своимъ и премудростію и силою вся объемлетъ, и не съвращаемъ и не създанъ. Душа же умна есть, и се нарицается отецъ; слово же отъ душа ражается и нарицается Сынъ. И духъ исходитъ, общее сопребываніе имѣя души и слову нераздѣльно. И якоже Отецъ и Сынъ и Духъ Святыи безсмертенъ и бесконеченъ: сиче и человѣкъ, по образу Божію създанный, носить въ себѣ Божіе подобіе, душу и слово и умъ. И аще и отъ тѣла преидеть человѣкъ: но яже въ немъ по образу Божію троица, душа и слово и духъ, поеть и славить Господа, якоже навykle баше въ тѣлеси благочестивѣ творити молбы и моленія и прочая благотворенія, и не мечтаніемъ, но истиною. Еще же пакы *по образу* глаголетъ самовластное человѣка и обладательное. Якоже Бога никтоже вышши: сиче на

земли никтоже вышши чловѣка: всѣми бо обладающа сътвори его Богъ. А еже, *по подобію*, се есть еже быти милостиву и щедру ко всѣмъ, паче же къ врагомъ, якоже Богъ, иже сияетъ солнце на злыя же и благыя. Се есть, еже *по образу Божію и по подобію!*“

Объясняя такимъ видимымъ способомъ тайну Пресвятой Троицы, Іосифъ и въ началѣ, и въ концѣ утверждаетъ строгое различіе между понятіемъ объ образѣ и подобіи, и понятіемъ о тождествѣ, чтобы оградить разумъ въ понятіи о божествѣ отъ пантеизма духовнаго, антропическаго, къ которому чловѣкъ бывалъ склоненъ во всѣ времена. „Тлѣннаго царя ухищренный образъ, говоритъ Іосифъ, все ли имѣеть въ себѣ, чтѣ царь имѣеть? Нѣтъ, но сколько вмѣщается. Если бы все имѣлъ, чтѣ царь, то не былъ бы образъ царева, а самъ царь. Такъ и о чловѣкѣ приеми!“ — Въ заключеніи сказано: „Вотъ какъ надобно разумѣть образъ и подобіе Божіе! Если же не такъ, то чловѣкъ былъ бы по всему подобенъ Богу, и въ такомъ случаѣ не былъ бы образъ Божій, но самъ Богъ“.

Еретики, признавая ветхозавѣтное преданіе о созданіи чловѣка, признавали на немъ образъ и подобіе Божіе, но по своему. „Имать Богъ Отецъ, говорили они, вседержитель Духъ, иже исходитъ отъ него и на въздухъ разливается“. — „Яко же чловѣкъ, иже имать душу, иже ражаетъ слово, износимо усты духомъ и невидимо въ чловѣцѣхъ, едина же убо душа состоится въ тѣлеси, слово же и духъ исходита и погибаета на въздухъ разливаема: такоже и Отецъ, всѣхъ Творецъ, имать слово произносно и духъ на въздухъ разливающся: тѣмже ни три лица, ни три составы повѣдаемъ о Божествѣ, якоже и чловѣкъ, създанъ по образу Божію, не три лица имать, ни три съставы“.

Вотъ чтѣ говоритъ Іосифъ противъ этого лжеученія, которое матеріальнымъ образомъ отождествляло существо Божіе съ существомъ чловѣческимъ. „Не тако бо Слово Божіе, якоже мое слово, отъ чрева орудиемъ гласнымъ износимо и на въздухъ разливаемо. Суть же орудія моего гласа сіа три, языкъ и зубы и устнѣ. Богъ же не имать чрева, ни языка, ни зубы, ниже устнѣ, якоже мы, и ниже Слово Его, якоже наше слово, на въздухъ расходящся: но Слово живо суще и съставно, еже къ Богу вначалѣ и Самъ Богъ сый. Ниже Духъ Божій, яко же мой духъ, исходя изо усть, и на въздухъ разливаеся. Духъ усть Божіихъ, Духъ истинный, иже отъ Отца исходя и Самъ Богъ сый, существа Божія имѣя и съставъ съвершенъ, а не на въздухъ разливайся“. — „Аще ли же Духъ Святыи Божій на въздухъ разливается; то како глаголетъ о Немъ Пророкъ Исаія и нарицаеть его Духъ Божій, Духъ премудрости, Духъ разума, Духъ совѣта, Духъ крѣпости, Духъ свѣдѣнія, Духъ благочестія, Духъ страха Божія? Духъ бо, разливайся на въздухъ, не подаеть премудрости, ни разума, ни совѣта, ни крѣпости, ни свѣдѣнія, ни благочестія, ни страха Божія, но егда бываетъ и помалѣ въ небытіе приходитъ“.

Такъ ограждалъ Іосифъ истинное ученіе о Богѣ, содержимое въ Христіанской вѣрѣ отъ матеріальнаго пантеизма, который заключался въ жидовскомъ ученіи и угрожалъ Православной церкви и Русской жизни.

Во второмъ словѣ, гдѣ Іосифъ опровергаетъ ученіе еретиковъ, что Христосъ еще не родился, и ветхозавѣтными свидѣтельствами доказываетъ всѣ событія его земной жизни, встрѣчаемъ замѣчательное объясненіе таинственного сна Навуходносорова. Колосъ, у котораго голова была золотая, руки и рамена серебряныя, чресла и бедра мѣдныя, лядвеи и ноги желѣзныя, изображаетъ четыре царства древняго міра, смѣнявшія другъ друга: золотое—Вавилонское, серебряное—Персидско-Мидское, мѣдное—Македонское, звенѣвшее по всему міру славою Александровою, и желѣзное—Римское, по свойству твердости желѣзнаго естества обнявшее и поглотившее всѣ прежнія царства. Камень отсѣкъся отъ горы безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ и сокрушилъ колосъ, истинивъ до конца всѣ четыре металла; онъ былъ образомъ съ гору великую и наполнилъ всю землю. Этотъ камень есть Сынъ Божій; его царство, извѣявшее всѣ прочія, царство Божіе безконечное. Въ этомъ объясненіи Навуходносорова сна является намъ мистическое видѣніе всей древней Исторіи, откуда впоследствии самою наукою заимствована мысль о раздѣленіи ея на періоды по послѣдованію всемірныхъ монархій Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской. Эту мысль мы встрѣчаемъ и въ древнихъ нашихъ Хронографахъ: Іосифъ, конечно, заимствовалъ ее изъ общаго древняго Византійскаго источника. Но особенною глубиною поражаетъ насъ мысль, что съ Христовымъ царствомъ прекращается идея всемірнаго, земнаго завоеванія. Становится невозможною всемірная монархія и даже преобладаніе. Въ Богословскихъ видѣніяхъ нашихъ мыслителей XV вѣка мерцаютъ основныя мысли для Христіанской Философіи Исторіи.

Еретики, буквально держась закона Моисеева, хотѣли неразумно возвратиться къ ветхозавѣтной жертвѣ и къ обрѣзанію. Іосифъ въ 3-мъ словѣ глубоко-мысленно объясняетъ историческое значеніе древней жертвы. Египтяне именовали богами вола, овцу, козу, голубя и горлицу: вотъ почему велѣно было приносить ихъ въ жертву, чтобы не навывели именовать ихъ богами. Богъ же не хотѣлъ отъ Іудеевъ жертвъ, какъ и говорилъ о томъ устами Пророка Исаи: *„что ми множество жертвъ вашихъ? Исполнь есмь всегжженія оленъ и тука агнецъ, и крове юнца и козліа не хочу, новомѣсячій вашихъ и суботъ и день великъ не терплю; постъ и празднигы ваша ненавидитъ душа моя. Егда въздѣжете руки ко мнѣ, отверащу очи мои отъ васъ: руки бо ваши исполнь крове“*. Господь терпѣлъ жертвы, какъ врачъ позволяетъ больному, жаждущему студенаго питья, пить изъ чаши, изъ дому его принесенной, пдъ разу въ день, чтобы онъ худшаго себѣ не позволилъ. Этою чашею былъ для Іудеевъ Іерусалимъ, гдѣ только и позволялось Іудеямъ приносить жертву. А когда время жертвамъ кровавымъ

миновало, Господь сокрушилъ Иерусалимъ, какъ врачъ сокрушаетъ чашу у болящаго, чтобы отвести его отъ студенаго питья.

Всѣ Христіанскіе мыслители любили природу и имѣли вѣрный взглядъ на нее. Какъ Церковь призываетъ ея силы къ участию въ своихъ благодатныхъ таинствахъ, такъ и они употребляютъ ея значительныя явленія для нагляднаго истолкованія таинственныхъ истинъ вѣры. Таковъ и взглядъ Иосифа на природу, не нарушающій нисколько истины явленія. Мы приведемъ три тому примѣра.

Вотъ изображеніе воздуха, какъ стихіи, существомъ своимъ изображающей подобіе Божества. „Не мощно бо Бога вмѣстити никомужь, ни самое небо вмѣстити его можетъ, безконечно бо есть, но престоль ему есть небо, а Ангели и вся видимая и невидимая тварь, но что реку, тварь, но и вся четыре стихіа въ небѣ того для конецъ имѣють, одинажь отъ четырехъ стихій именуется воздухъ, невидима бо нами и прозрачна человѣческимъ помысломъ и видомъ, аки подобна Божеству, и како бы нигдѣ ее нѣтъ, а вездѣ есть и всѣмъ животь и дыханіе по Возѣ даруетъ, безъ него ни единому животному не мочно быти, ни земли, ни морю нельзя стояти, виждь, колико величество землю и море и всю поднебесную обдержити, но и та въ небѣ конецъ имѣеть“²⁰).

Чтобы объяснить таинственное совмѣщеніе Божества съ человѣчествомъ въ Иисусѣ Христѣ, Иосифъ употребляетъ сравненіе огня съ желѣзомъ, которое имъ раскаляется. „Если кто скажетъ: когда человѣчество сроднилось съ Божествомъ, какъ же Богъ Слово не исполнился тѣлесной немощи? Какъ огонь въ желѣзѣ бываетъ, сообщая ему своей силы, но не уменьшаясь преподаніемъ: такъ и Богъ Слово подвигся изъ себя и вселился въ насъ, не претерпѣвъ превращенія. . . . Огонь желѣзныхъ свойствъ не причащается: черно желѣзо и студено, но разжигаясь въ огненный зракъ одѣвается. Само будучи просвѣщаемо, не очерниваетъ огня; само распаяясь, не студитъ пламени. Такъ и человѣческая Господня плоть причастилась Божества, а не преподала Божеству своей немощи. . . . Пречистое Божество исправляетъ страстное, само не наполняясь страсти: такъ солнце проникаетъ и въ нечистыя мѣста, очищаетъ скверное, но не принимаетъ зловонія, а напротивъ изсушаетъ гнѣющее и очищаетъ скверну“.

Таинственное дѣйствіе пречистой и безкровной жертвы, которая приносится отъ востока солнца до запада на оживленіе и просвѣщеніе души и плоти, сравнивается съ дѣйствіемъ восковой свѣчи; воскъ сгараеть, и огонь, поядая его, освѣщаетъ храмину: такъ и дѣйство Святаго Духа, примѣшиваясь хлѣбу и вину и водѣ, претворяетъ ихъ въ плоть и кровь Христову.

Остановимъ теперь вниманіе на тѣхъ мысляхъ, которыя привились къ народной жизни и до сихъ поръ дѣйствуютъ въ нашемъ народѣ.

Русскій человѣкъ поклоняется Богу на востокъ. Кочуя въ степи, онъ совершаетъ утреннюю и вечернюю молитву свою, туда обращая мысли и взоры. Вотъ

об'ясненіе этому дѣйствію въ Просвѣтителѣ Іосифа. „Писаніе сказуеть, яко насади Богъ рай въ эдемѣ на востоцѣ, и введе вонь челоуѣка, и къ нему многажды глаголаше на вѣстоцѣ, да иже перваго отечества имущей и къ нему зрящей *Богу покланяемъ на възтокъ*, и Еноха на небо взятъ, и Ною повелѣ ковчегъ сѣтворити на вѣстоцѣ, и съ нимъ глаголаше. Аще бо и всячеськаа съдержитъ Господь, но *паче всѣхъ на възтоцѣ показа Свою силу и чудеса*“²¹⁾.

Извѣстно благоговѣніе Русскаго челоуѣка къ кресту и къ крестному знаменію. Вотъ слова Іосифа, относящіяся къ этому вѣрованію: „И не точію тому единому животворящему Кресту подобаеть покланятися и почитати, на немъже Христосъ распятъ, но и всякому кресту, иже въ образъ и подобіе сѣтворенъ оноу Христову животворящаго креста, подобаеть покланятися, яко самому оному, на немъже Христосъ пригвоздися: идѣ же бо аще въобразитъ крестъ отъ каковы вещи, тамо приходитъ благодать и освященіе пригвоздившагося на крестѣ Христа Бога нашего. Се намъ даеться знаменіе, еже въобразати на челѣ и на сердци и на всѣхъ удесѣхъ! Се печать, да не прикоснетъся насъ губитель вида. . . Симъ познаваемъ вѣрніи, и отъ невѣрныхъ отступаемъ! Се щитъ и оружіе наше!“²²⁾.

Извѣстно, что Русскій челоуѣкъ уважаетъ таинства, преподаваемыя Церковью, какъ бы самъ по себѣ ни былъ недостойнъ служителъ ея, совершающій и преподающій ему таинства. Вотъ слова Іосифа, прямо относящіяся къ подобному образу мыслей Русскаго челоуѣка. „И не яко отъ проста челоуѣка, отъ священника приѣмлемъ, но яко отъ самого Серафима и со лжицы тоя огненныя, страхомъ и трепетомъ. Аще и житіе неисправлено мнитъся намъ имѣти, но намъ недостойно есть осужати сихъ: имъ бо есть сихъ судіа, ижъ съкровенныхъ зритель. Тебѣ же да будетъ всякъ достоинъ, точію да не будетъ явственнo отъ Церкви отлученъ. Аще бо и житіемъ кто кого преходитъ, но Святаго Духа печать и даръ равно подаеть. Смотри жъ сице: овъ имать златъ перьстенъ, овъ же желѣзень, и единъ образъ царьскы имать, изваяны во обоу прьстню. Посемъ въскомъ воображаеться: рци, аще еси премудръ, кая есть часть желѣзу, каяжъ ли печать злату? — не можеша убо различити, понежъ утвари различіе есть, а не образу. Тако и здѣ челоуѣчское различіе есть, а не духовныя благодати! не умолишь бо ся Святаго Духа даръ недостойнствомъ священническимъ, аще бо и не во всѣхъ Богъ благоволишь. Ты же не суди судіамъ, осужень сы, и не паси пастыря, овча сый, ни глаголи, яко той достойнѣйши, сей же не таково имать достоинство. Но да будетъ ти всякъ достоинъ, точію да не будетъ кто еретическое имѣя учительство“²³⁾.

Вотъ, наконецъ, превосходныя мысли о Церкви и молитвѣ, хранящіяся въ основахъ жизни Русскаго челоуѣка.

„Зри, яко добръ глаголетъ Златоустъ: церковь не стѣны, но народъ благочестивыхъ людій, яко да не начнутъ челоуѣци точію о церквахъ величатися, дѣляжъ Бога прогнѣвати; но подобаеть дѣлы благими Богу угажати, и церкви

Божественна съзидати, и съ страхомъ и трепетомъ въ нихъ стояти и почитати Божественнаа вѣроу и любовію“²⁴).

„Молитву же глаголю, не яже просто въ устѣхъ лежащую, но яже изъ глубины помысль въсходящу: якоже бо отъ деревей, елици аще въ глубину пустять кореніе, не сламяются отъ вѣтра, тако и молитва, изъ глубины мысленна въсылаема, къ высотѣ простирается. Сего ради Пророкъ рече: изъ глубины мысленна възвахъ къ тебѣ, Господи. Видь, како глаголетъ и молится! изъ глубины сердечныя, а не худю сею молитвою, и разлѣненіа исполненною, но съ прилежаніемъ и съ болѣзнующею душею и съкрушеною мыслию: та бо есть молитва, къ небеси взводящая. Яко же воды, дондеже по равнѣ земли текутъ, невъздвигутся къ высотѣ: внегда же тыя отъ теченія загражше соберуть, и утѣшняемы, стрѣлы всякыа борзѣйши къ высотѣ възлѣтають: тако и чловѣчьская мысль, дондеже убо въ безстрашіи и въ небреженіи о себѣ пребываетъ, много разливается и растичется: внегдажъ вѣщемъ скорбнымъ и печальнымъ обстояніемъ отъ долѣ утѣснится, съгнѣтаема зѣлнѣ, тогда чисты и благомоцны молитвы къ высотѣ въсылаются, ибо Пророкъ глаголетъ: къ Господу, внегда скорбѣти ми, възвахъ, и услыша мя. Сего ради оскорбимъ нашу душу памятію страшнаго суда, памятію огня темнаго, пакыже памятію царства небснаго, памятію св. Ангель: ничтоже бо тако отгоняетъ разлѣненіе и пренемоганіе, якоже сіа всегда помышляти, пачеже въ время молитвы. И сиче отвсюду събирающе мысль и къ себѣ обращающе, отгонимъ разлѣненіе и пренемоганіе, и вся земная отъ помысла изгнавшы, къ небеси вѣхъ себе преложимъ: яко близъ престола славы предстоа, помышляимъ, съ кимъ хощемъ призывати Бога... Сего ради отъ всехъ сихъ съгрѣвимъ нашу совѣсть и оскорбимъ и утѣснимъ: ибо сиче скорбя и моляся всегда можетъ въ свою душу божественую сладость привлеци, еже отъ слезъ. Якоже бо облакомъ стеченіе мрачень творить въздухъ; егда же чясты испуститъ капля и отложить дождь, тихо и свѣтло съдѣловаеть все мѣсто: тако и печаль, дондеже убо внутрь есть, помрачаетъ нашъ помысль. Внегда же молитвенными глаголы, и еже по онѣхъ слезами, испразднится, и суетныхъ и прелестныхъ мирьскихъ бесѣдъ отлучится, многу влагаетъ въ душу свѣтлость, Божію заступленію, яко же лучи нѣцѣи, въ мысль отъ Бога посланѣ бывши молящегося да яко же свѣтилнику свѣтъ, сиче молитвенный свѣтъ.

„Аще же молитва толику иматъ силу: множае же паче съ множествомъ, и болше дерзновеніе стяжитъ, и усердію вина бываетъ. Аще бо камень къ каменю сражаемъ, множицею искрамъ искочити устрои: таже что есть камене студенѣйши? но обаче естество побѣди частость. Аще ли же о камени се случается: множае паче о душахъ, другъ друга сражаемыхъ, огнемъ духовнымъ съгрѣваемыхъ.

„Аще же кто глаголетъ, яко и въ дому помолитися могу, прельщаеши себе, чловѣче. Помолитися убо въ дому возможно: сиче же помолитися, яко же въ

церкви, не възможно, иде отцевъ множество, идѣже пѣніе единомушно къ Богу всылается, и единомысліе, и съгласіе, и любви союзъ. И въ время оно, любимиче, не человекѣи точію выпіють страшнѣйши онѣ вопль, но и Ангели припадаютъ Владыцѣ, и Архангели молятся... Сего ради не тако услышанъ бываеши, особъ Владыку моля. Здѣ бо и священническыя молитвы въсылаются; сего бо ради и священници предстоятъ, яко да народныя молитвы немощнѣйша суща, сильнѣйша сихъ емшася купно, въздутъ съ ними на небо... И Петра молитва отъ темница избави...

„Ничтоже бо тако обрадованну нашу устраяетъ жизнь, якоже еже въ церкви печальнымъ веселіе, въ церкви тружующимся упокоеніе, въ церкви насилуемымъ отдохновеніе. Церковь брани разруши, рати утоли, буря утиши, бѣсы отгна, болѣзни уврачева, напасти отрази, грады колблемы устави, небесныя двери отверзе, узы смертныя пресѣче и иже свыше наносимыя язвы, и иже отъ человекѣкъ навѣты вся отгьятъ, и покой дарова. *Приидите, рече, къ Мнѣ вси, тружующеися и обремененіи, и Азъ покою вы.* Что сего гласа любезнѣйши? что сего званія сладостнѣйши?... Сего ради потщимся, възлюбленіи, къ красному пристанищу церковному преже приходити, яко Петръ и Іоаннѣ къ гробу Господню...

„Аще ли не имаша церкви, не рци, яко не възможно ми есть помолитися, кромѣ церкви. Иже убо чистымъ сердцемъ и дѣлы преподобными призываетъ и, пріиметь отъ всякого мѣста, и молитвы его послушаетъ усердіемъ внимал, аще и мѣсто мнѣти не полезно, яко не пытаемо молитвенное мѣсто, но образъ. Іереміа въ пропасти бѣ, но Бога умоли. И трие отроци въ печи бѣша, и Бога умолиша. И Данилъ въ ямѣ лвовѣ, и Бога умоли. Іевъ на гноищи бѣ, и Бога умоли и сугубо богатство пріятъ. Моисей на мори бѣ... Разбойникъ на крестѣ... Да и ты, любимиче, убо гдѣ еси, или на мори, или на пути, или въ дому, или ходя, или сѣдя, или снѣ, и на всякомъ мѣстѣ непрестанно молися въ чистѣ совѣсти, глаголя сие: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя, и Богъ послушаетъ тебе: Того бо есть земля и конца ея“²⁵).

Седьмое слово оканчивается изложеніемъ того, какъ подобаешь нынѣ служить единому Богу. Этотъ отрывокъ содержитъ въ себѣ самое полное, ясное и сильное изображеніе обязанностей Христіанина. Въ предъидущихъ отрывкахъ мы достаточно уже ознакомились съ оригинальнымъ Славянскимъ языкомъ Іосифа, а потому все это мѣсто, гдѣ богословская истина примѣнена къ практической жизни, приведемъ по Русски²⁶).

„А чтобы Тому единому послужить, узнай истину, какъ подобаешь нынѣ Тому единому служить не жертвами безсловесными, какъ Іудеи и Эллины, но прежде всего сохрани вѣру, какъ обѣщася на крещеніи, въ Отца и Сына и Святаго Духа неповрежденную и чистую, и дѣла, какія обѣщася Христу, соблюдай со страхомъ и любовію. Какія же это дѣла, слушай: прежде всего *возлюбимъ Гос-*

пода Бога твоего всъмъ сердцемъ твоимъ, и всъмъ умомъ и крѣпостію, и помышленіемъ, и да не отлучитъ тя отъ любви Его ни животъ, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая. Всѣ обычаи свои и нравы и дѣла поставь угодными Богу: будь праведенъ, мудръ, печальнымъ утѣшитель, нищимъ кормитель, страннымъ пріемникъ, поборникъ обидимымъ, умиленъ къ Богу и къ челоуѣкамъ привѣтливъ, терпѣливъ въ напастяхъ, недосадитель, щедръ, милостивъ, въ отвѣтахъ сладокъ, кротокъ, неславохотенъ, неліцемеренъ, чадо Евангелія, сынъ воскресенія, наслѣдникъ жизни, незлатолюбецъ, неосудникъ, часто молитвенникъ, скорбенъ грѣха ради, веселье о Богѣ, алченъ, жажденъ, смиренъ, долу поникая, умъ же къ небу простирая. Ступаніе имѣй кроткое, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе немятежно; при старѣйшихъ молчи, премудрѣйшихъ послушай, къ преимущимъ имѣй повиновеніе, къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь неліцемерну, отъ злыхъ и плотскихъ и любоплотныхъ отлучайся; мало вѣщай, множайша же разумѣй, и не *продерзай* словомъ, не излишествуй бесѣдою, не дерзокъ будь на смѣхъ, стыдѣніемъ украшайся; труждайся руками, во всемъ благодарн, въ скорбяхъ терпи, ко всемъ смиренъ будь, блюди сердце отъ помышленій лукавыхъ; не испытывай лѣнивыхъ житія, но ревнуй святыхъ жизнь; сорадуйся исправляющимъ добродѣтели, а не звидуй; плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай: они имѣютъ своего судію, который воздастъ всякому по дѣламъ его. Не поноси обращающагося отъ грѣха; не оправдывай никогда себя, а исповѣдуй грѣшнымъ передъ Богомъ и людьми; не бесѣдуй съ лестію, не клевети ни на кого, не послушай клеветы съ сладостію. Ярость да не насилуетъ тебя, похоть да не держитъ; не гнѣвайся понапрасну на искренняго, не держи мести ни на кого, чтобы зломъ воздать за зло. Укоряемъ будь, а не укоряй; бѣенъ будь, а не бей; обидимъ будь, а не обижай. Прежде всего воздержися отъ бесѣды женскихъ и отъ виннаго питія: вино и жены заставляютъ отступать и разумныхъ. Исправляя заповѣди Господни, не унывай, но ожидай награды и похвалы отъ Бога и желай вѣчной жизни. Наставляй безчинныхъ, утѣшай малодушныхъ, служи болящимъ, страннопріимствуй, прилежи братолюбію. Съ присными въ вѣрѣ имѣй миръ, еретика челоуѣка отрицайся, завѣщанныя книги прочитай, отреченныхъ огню не читай. Сущихъ благъ на небеси желай, сущихъ на землѣ не восхищай: сѣтъ надъ ними растянута: какъ птица въ ней увязнешь. Откажись отъ мудростей мірскихъ, умудрись же Христу: иная мудрость Его, и иная мудрость міра, распявшаго Господа славы. Сегоднешнее имѣніе держи, а завтрашнее отдавай Богу: Онъ сказалъ: будь свѣтъ, и былъ свѣтъ день. А давній день, и совершитъ его. Оставь земное, да примешь небесное; пребудь въ нищетѣ на землѣ, да на небесахъ обогатишься; пребудь въ алчбѣ и въ жадѣ на землѣ, да насытишься на небесахъ радости безконечной; потаись здѣсь, да явишься тамъ; помолчи здѣсь, да возглаголешь тамъ съ дерзновеніемъ къ Отцу. Будь сынъ воскресенія и жизни вѣчной, и чадо свѣту

дня; взыщи своего отечества и подвигайся по пути, пока достигнешь вѣчнаго города. Пока ты во плоти, не прекращай подвига; день за день подвизайся о своемъ спасеніи; не отлагай на время: вѣдь передъ смертію вѣстникъ не приходитъ. Скорбень будь и весель, печалень и радостень: скорбень и печалень смиреннаго ради житія, не прилѣпляясь къ земной радости; весель же и радостень душою о Господѣ. Прилѣпись Господу вѣрою и любовію, да не обольститъ тебя отъ Него прекрасное міра сего; смежи очи свои отъ видимыхъ и прозри внутренними очами на будущее; поработи тѣло, освободи душу; не облегчай тѣла: плоть во льготѣ буйствуетъ; вдавайся всему скорбному въ это время, чтобы въ будущее время исполниться всякой радости: торгъ вѣдь жизнь сія. Повергни временное и прими вѣчное; отдай отъ себя малое и прими великое; прежде вѣчнаго покоя не почивай; прежде вѣчныхъ благъ земныхъ благъ не насыщайся. Да будетъ тебѣ горько безполезныхъ повѣстей слушанье, а сотами медвяными святыхъ мужей повѣсти и божественныхъ писаній чтеніе. Уши имѣй отверстыя къ слушанію, руки готовыя къ исполненію слышаннаго; уста имѣй молчащія, сердце обозрительное; буди молчаливъ на празднословіе, разумень на полезное; къ большимъ добродѣтелямъ простирайся, о меньшихъ не нерадѣй. Будь вѣрное сокровище добродѣтелямъ; имѣй ключъ Божественный страхъ; онъ да отверзаетъ уста твои, онъ да затворяетъ. Когда надо, говори; вопрошаемый отвѣчай, невопрошаемый безмолвствуй, да не отъ дерзостнаго сердца подстерегаемый языкъ твой уязвить кого, но да исходитъ отъ тебя слово утѣшенія, утверждая къ тебѣ искренняго любовь; бесѣдуй съ свѣтлымъ лицемъ, чтобы было весело бесѣдующему съ тобою. Бесѣдуя съ нищимъ, не оскорби его; кто безчеститъ нищаго, тотъ раздражаетъ Сотворшаго его, говоритъ притча. Всякому, созданному по образу Божію, не стыдись преклонять главы своей; старѣйшаго деньми почитать не лѣнись и потщись покоить старость его; сверстниковъ своихъ срѣтай мирно, меньшихъ себя принимай съ любовію; предъ честнѣйшими себя не лѣнись стоять; алчнаго накорми, жаждущаго напои, какъ Самъ Господь повелѣлъ, нагаго одѣнь, страннаго введи, больнаго посѣти, до темницы дойди, узнай бѣду ихъ, чего требуютъ — подай имъ, поскорби и воздохни и прослезись съ ними, и вспомни, что многіе изъ нихъ ради единаго грѣха злостраждутъ; мы же, всегда согрѣшая, питаемся и благоденствуемъ. Сего ради скорби о грѣхахъ своихъ, вздыхай о соблазнахъ, печалься о паденіяхъ въ городѣ, гдѣ ты живешь, и во иныхъ окрестныхъ. Поищи одного человѣка, боящагося Бога и всею силою служащаго Ему, и къ тому прилѣпись душою и тѣломъ. Если обрѣлъ такого человѣка, то уже не скорби: ты обрѣлъ ключъ царства небснаго; ему послѣдуй во всемъ, и словесамъ его внимай, и угодное ему твори. Имѣй пристанища тихія, монастыри и дома святыхъ; къ нимъ прибѣгай, поскорби съ ними и утѣши ихъ въ нищетѣ ихъ. Если имѣешь что въ домъ своею потребное, носи имъ: все то въ руки Божіи влагаешь. Разумѣй что есть воля Божія и чего тре-

буеть Царь небесный отъ твари своей: не малой ли и удобной милостыни? Дай малое, возьми вѣчное; дай единицею, возьми сторицею: милующій убогаго Богу взаймы даеть. Праздники Божіи и святыхъ Его почитай, не самъ упиваясь, но алчныхъ накормляя и жаждущихъ напоая. Отвори домъ свой не богатымъ, ни славнымъ, но убогимъ и нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, и не имѣющимъ гдѣ главы подклонить. Богатъ ли у тебя домъ или убогъ: за все благодари Господа Бога; все то божественнымъ промысломъ строится и все то зреть неусыпающее Его око. Сего ради потщися всего своего имѣнія десятое Богу отдать, давшему тебѣ здѣсь жизнь, а по смерти обѣщавшему жизнь вѣчную: ибо міръ сей мимоидеть, и слава его погибнетъ; придетъ же Господь съ небольшими силами и поставитъ на судѣ всякаго человѣка и воздастъ каждому по дѣламъ его. Поминай, что можешь завтра увидѣть, какъ небеса разступятся и Ангелы сойдутъ, и ты станешь передъ страшнымъ судилищемъ, и слово воздашь о житіи твоёмъ, о дѣлахъ и словахъ и помышленіяхъ: попекись же о себѣ, помяни себя и грѣхи свои, помяни осужденіе свое; помяни, что ты человѣкъ смертный, болѣзненный, страстный; помяни, что ты въ житіи печальномъ, бѣдѣ исполненномъ, погубившемъ многихъ добрыхъ и злыхъ, мудрыхъ и немудрыхъ, богатыхъ и нищихъ; помяни, что ты человѣкъ немощный, не могшій вынести ни одного дня труда, ни одной ночи бдѣнія; помяни, сколько ты согрѣшилъ Богу отъ юности своей; помяни какъ со львомъ и со зміемъ борешься день и ночь; помысли, сколько подъ землею душъ, преобидѣвшихъ страхъ Божій, молившихся получить малый покой и не получившихъ; помяни, какъ часто воздвигалось море сіе житейское дѣйствіемъ плоти нашей, сколько бурь и сколько мятежей, сколько вѣтровъ, сколько грѣховъ, сколько слезъ во всѣхъ городахъ, въ домахъ и на торгахъ; помяни сколько было людей отъ Адама до нынѣ, и всѣ прошли безъ слѣда памяти: одни же тѣ прославились на небесахъ и на землѣ, которые пожили по заповѣдямъ Божиимъ во всѣ дни своей жизни. И что благо въ мірѣ семь, и что не ложно? Все болѣзни и страха исполнено: и рожденіе наше страстно, и смерть наша страшна, а чтò по смерти, то неизглаголанно и неисповѣдимо; питаніе наше мѣры не имѣетъ, спасеніе и хожденіе все печально, и плоть наша не умирится намъ: здоровая ратуетъ, а немощная печалитъ насъ, не будь ей одного хлѣба на утвержденіе, изнеможетъ. И кто въ этой жизни не дурно пожилъ? кто не вкусилъ соленыхъ водъ горькаго сего моря и сопротивныхъ волнъ? кто на немъ не постевалъ? сколько великихъ обманула нынѣшняя жизнь, и сколько текущихъ прекрасно—остановила? Помяни, что скоро оставишь все видимое, небо и землю, и людей; помяни, какъ ничтоженъ ты и тѣломъ и душою: малая скорбь возьметъ тебя, малое слово *огромитъ* тебя, малая болѣзнь какъ огнемъ сожжетъ тебя и въ великую печаль ввержетъ. И всякое веселіе свѣта сего плачемъ кончается: сегодня бракъ творять, а завтра надъ мертвецомъ плачутся; сегодня радостемъ, завтра гнѣемъ; сегодня нами раждаются, завтра погребаются; сегодня радость,

а завтра плачь; сегодня богатъ, а завтра нагъ; сегодня славенъ, а завтра кипить червями. Убоимся же и вострепещемъ! ибо не знаемъ что съ нами сбудется. Покаяемся нынѣ: по смерти нѣтъ уже покаянія: что сотворимъ, то и найдемъ тамъ; что посягнемъ, то и пожнемъ. Придетъ оно и не минуетъ; придетъ Божій мечъ на насъ и ничьего лица не обойдетъ: оставитъ человѣкъ все, и отойдетъ одинъ, нищъ и нагъ, беспомощенъ, безъ заступленія, безъ дерзновенія, неготовый; долу понижъ онъ, плачетъ и сѣтуетъ, потомъ обливается, очи обращаетъ туда и сюда, скрежещетъ зубами, трепещетъ, рветъ на себѣ волосы, стараетъ языкомъ, хочетъ бѣжать и не можетъ, хочетъ помощь улучшить и не улучшаетъ; малый огонь, а все ни во что; малая болѣзнь, а все вотще и всуе: одна ночь глубокая и темная, страшная и болѣзненная: и веденъ будетъ, какъ осужденникъ, куда поведутъ ведущіе, въ мѣста страха и трепета, гдѣ нѣтъ смѣха, но плачь, гдѣ нѣтъ пиши, но туга, гдѣ многій страхъ и трепеть грѣшникамъ, бѣда великая, слезы неизреченныя, сѣтованіе несповѣдимое, воздыханіе неумолчное, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, тьма безъ свѣта, *недаропріемный* страшный Судія. Поучимся же симъ—ибо въ сихъ будемъ присно! Оплевавъ все прекрасное міра сего, поможемъ себѣ! Дадимъ мѣсто міру и льготамъ его! дадимъ мѣсто всѣмъ попеченіямъ и пристрастію къ міру, и скроемся отъ нихъ! Все то гонитъ насъ на убіеніе. Внимаемъ же себѣ и Богу своему! отдадимъ тѣло свое всему скорбному и печальному: многихъ язвъ оно достойно. Покаяемся всѣмъ сердцемъ и скажемъ: се вся оставихомъ и въ слѣдъ Тебе идохомъ! всего отверглись мы Твоего ради страха! Покаяніе наше пускай дойдетъ до облакъ; стenanіе къ небесамъ приблизится; молитвы и милостыня да придутъ передъ Бога! послужимъ Ему страхомъ и трепетомъ, потерпимъ все скорбное и печальное, да насладимся благихъ, что Господь обѣщаль любящимъ его: заповѣди Божіи свѣтъ и жизнь: въ тебѣ сила или творить ихъ, или презрѣть. Поучайся же имъ непрестанно и въ нихъ пребывай, и напиши сіе малое слово на сердцѣ своемъ, и обяжи его около выи своей: оно вводитъ въ жизнь вѣчную хотящихъ идти по святому желанному пути, имъ же отъ вѣка ходили всѣ святые ветхаго и новаго завѣта, въ подвигъ пота ихъ, въ скорбяхъ и въ нуждахъ великихъ, и постнически и мученически угодили Христу и Тому единому послужили, да вставши отъ мертвыхъ, съ Ангелами ликуютъ—блаженный и вѣчный нерушимый ликъ, аминь²⁷).

Мы до сихъ поръ изучали ту часть Просвѣтителя, которая составляетъ внутреннюю сущность Іосифова творенія и всегда пребываетъ въ нравственныхъ основахъ жизни Русскаго человѣка. Теперь мы должны коснуться слабѣйшей его стороны, принадлежащей его времени: сюда относятся послѣднія пять гонительныхъ словъ. Странное противорѣчіе встрѣчаемъ мы между этими мрачными словами и свѣтлою мыслію, какая поражаетъ насъ въ 4-мъ Словѣ: „Самъ (Богъ) Истина и Любовь именуется, и всѣхъ приводитъ отъ нечестія въ благочестіе, не

ратью ни оружіемъ, ни водою потопляя, ни огнемъ сожигая, но кротостію и терпѣніемъ и смиреніемъ, и милосердіемъ и любовію“.

Еще въ первыхъ 11-ти Словахъ спокойствіе разумнаго обличенія ереси и исповѣданія истинъ Христовой вѣры нерѣдко нарушалось словами гнѣва и проклятія на отступниковъ. Въ послѣднихъ же пяти словахъ сила гнѣва переполнила мѣру. Іосифъ, увлекаясь рвеніемъ пастыря, оправдываетъ себя подражаніемъ пастухамъ, защищающимъ свое стадо. Когда невѣрные еретики православныхъ не прельщаютъ, можно оставлять ихъ въ покоѣ; но когда они совращаютъ вѣрныхъ, тогда надобно ихъ не только ненавидѣть или осуждать, но проклинать и извить, и тѣмъ руку свою освятить. Въ порывѣ рвенія Іосифъ указываетъ на Апостола Павла, Іоанна Златоуста, Порфирія Газскаго, Льва Катанскаго, словомъ или чудесами изгонявшихъ и поражавшихъ еретичество. Въ ослѣпленіи гнѣва онъ говоритъ даже, что убивать еретика руками или молитвою все то же. Въ 15-мъ словѣ онъ не признаетъ въ отступникахъ и покаянія, если только оно вынуждено страхомъ казни. Наконецъ, въ послѣднемъ 16-мъ словѣ, устами самого равноапостольнаго Царя Константина, Іосифъ такъ обращается къ властямъ, ему современнымъ. „Мы невѣрующихъ въ Святую и единосущную Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣщи, и богатство ихъ на расхищеніе предать; повелѣваемъ ихъ казнямъ лютымъ предавать наравнѣ съ ворами и разбойниками. . . Такъ и вамъ повелѣваемъ творить: божи бо есте и сынове Вышняго. . . Разумѣйте же, цари и князья, и бойтесь страха Вышняго: вашего ради спасенія написалъ я вамъ, да, Божію волю сотворивъ, примете Божію милость. Васъ Богъ посадилъ замѣсто Себя на престолѣ Своемъ. Подобаеть царямъ и князьямъ всякое тщаніе о благочестіи имѣть. . . Солнцу свое дѣло свѣтитъ сущимъ на землѣ; Царю — пещись о всѣхъ сущихъ подъ нимъ“. . .

Гнѣвное гонительное слово достигло своей цѣли. Гражданскій судъ поразилъ сильнѣйшихъ еретиковъ. Запылалъ костеръ, на которомъ сожжены они всенародно въ желѣзной клѣткѣ. Другимъ отрѣзали языки: слабѣйшая казнь была темница.

Но и тогда еще, съ другой стороны, противъ гнѣвнаго слова проклятія, ведшаго къ жестокимъ казнямъ, раздалось слово обличительное, слово Вологодскихъ и особенно Кирилловскихъ старцевъ²⁸). Вотъ что они писали:

„Правда, что некающихся еретиковъ и непокоряющихся велѣно заточить, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ Церковь Божія приѣмлетъ съ простертыми дланями. Ради грѣшныхъ Сынъ Божій воплотился и пришелъ спасти погибшаго. А что ты, господинъ старецъ Іосифъ, писалъ, что Моисей скрижали руками разбилъ, то такъ; но когда Богъ захотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господу и сказалъ Ему: „если ихъ погубишь, то меня прежде ихъ погуби“, и Богъ не погубилъ Израиля Моисея

ради. Видишь ли, господинъ, какъ любовь Моисеева къ согрѣшившимъ превозмогла самый гнѣвъ Божій. Также Илья Пророкъ, ревнуя по Богѣ, заклалъ 400 жрецовъ Вааловыхъ, потому что не каились, а покаявшихся принялъ на покаяніе, изъ нихъ же вышелъ послѣ и Авдей пророкъ . . . Но тогда еще былъ ветхій законъ; намъ же въ новой благодати явилъ Владыко христілюбный союзъ: не осуждать брату брата, а только единому Богу судить согрѣшенія человѣческія: вспомни, что и самъ Спаситель не осудилъ грѣшницу и отвелъ отъ нея убійственную жидовскую руку. Если ты повелѣваешь, Іосифъ, брату брата согрѣшившаго убить, то скорѣе и суботство будетъ, и все ветхое закона, чтѣ Богъ ненавидитъ. А Петръ Апостоль Симона волхва молитвой разбилъ. . . и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника. Если же Богъ приметъ еретика или грѣшника на покаяніе, то не услышана будетъ отъ Бога молитва твоя. Мы помнимъ разбойника, спасеннаго исповѣданіемъ, мытаря, очищеннаго милостію, блудницу, помилованную за слезы и названную дочерью. Павелъ Апостоль Еллиму волхва молитвой ослѣпилъ за то, что искалъ развратить Анепната отъ вѣры, а самъ Апостоль писалъ: пускай я буду проклятъ отъ Христа, лишь бы братія моя спаслись. Видишь ли, господинъ, какъ и Апостоль душу свою полагаетъ за соблазвившуюся братію, чтобы спаслись, а не сказалъ, чтобы огонь ихъ пожегъ, или земля пожрала, а вѣдь онъ могъ бы все это отъ Бога пріять и испросить. А Левъ, Епископъ Катанскій, Лідора волхва епитрахилію связалъ и сжегъ при Греческомъ царѣ: то такъ. А ты, господинъ Іосифъ, почто не испытаешь своей святости, зачѣмъ не связалъ Архимандрита Касьяна своею мантиею? Пока бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, а мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ изъ пламени вышедшихъ, да и приняли. Поразумѣй, господинъ Іосифъ! какъ много разни промежъ Моисея и Иліи и Петра и Павла Апостоловъ, да и тебя отъ нихъ. Кто бы, господинъ, вѣдалъ многое Божіе милосердіе, если бы не самъ Господь показалъ его людямъ надъ грѣшными. . . . Вспомни, когда Апостоль Петръ спросилъ Господа: *Господи! аще братъ согрѣшитъ въ мя до седмижды днемъ, прощу ли его?* — чтѣ отвѣчалъ ему Господь: *не глаголю ти до седмижды, но до седмидесять седмерицею прости его.*“

Такъ общій духъ нашей Церкви сказался въ этомъ посланіи Вологодскихъ старцевъ и обличилъ фанатическое уклоненіе лица отъ духа Любви, который есть, по его же собственному слову, одно съ духомъ Истины.

Первое сильное отступленіе отъ истинъ вѣры, исповѣдуемыхъ православною Церковію, вызвало у насъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ богословскихъ твореній нашей древней словесности. Мы видѣли, съ какою очевидною ясностію сознаны и раскрыты въ немъ эти истины; какъ самыя явленія природы служатъ къ ихъ истолкованію; какъ не остается это сознаніе въ одномъ отвлеченномъ мірѣ бого-

словія, но переходитъ и въ практическую жизнь, въ образъ мыслей самого народа.

Плодотвориѣе бываетъ и для народа, и для государства, когда ереси, возникающія въ средѣ ихъ, дѣйствуютъ открыто и явно, а не подъ маскою двуличнаго слова, не подъ покровительствомъ бездушнаго лицемѣрія. Ложь всего вреднѣе, когда она таится подъ спудомъ, или роется подъ землею, какъ кротъ: ей надобно, какъ кроту же, выйти на свѣтъ, для того чтобы лишиться жизни, а она того боится и подрывается подъ людей, пользуясь покровомъ всеобщей тайны. Ложь, открыто разглашаемая, приноситъ ту пользу, что вызываетъ голосъ истины: такъ и у насъ Жидовская ересь вызвала первыя 11 словъ Просвѣтителя²⁹⁾.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Житія Святыхъ. Росс. ц. М. Декабря 14-го, стран. 106. — Обз. Русск. дух. литер. стран. 109.

2) Истор. Кар. Т. VI, прим. стран. 160, г. 1486. „Пріѣхъ во Псковъ Архіеп. Геннадій. . . и пребысть 3 недѣли, пришедъ на Вѣче народъ благословиль, и многа словеса учителная простеръ, вдасть грамоту и отъѣхъ прочь“.

3) Первое и второе находятся въ Рукоп. Гр. Толстаго, но не напечатаны; третье въ Чт. Общ. Ист. 1847. № 8; четвертое въ Акт. Арх. Эксп. т. I. № 380; пятое въ Акт. Истор. т. I. № 104 и въ Др. Вивл. Новик. Ч. XIV. 1790, стран. 244.

4) Въ Синод. библ. подъ № 1 находится эта Пасхалія. Рукопись была въ рукахъ у Карамзина (VI т. Истор. прим. 7). Она начинается Пасхалією Агаѳона, знавшаго греческій языкъ; онъ ссылается на предшествовавшіе труды Геннадія и Іосифа. За тѣмъ слѣдуютъ Геннадіева Пасхалія и три слова изъ Просвѣтителя 8-е, 9-е и 10-е. Въ заключеніи Стязаніе съ философомъ, который слишкомъ загордится знаніемъ пасхальнаго круга, и мистическое толкованіе азбуки. Здѣсь, между прочимъ, подъ мистическими числами, указанъ дѣякъ Ѳеодоръ Курицынъ, какъ переводчикъ Лаодикійскаго посланія.

5) Опис. Синод. рукоп., стран. 127 и 128.

6) № 953. Заглавіе Устава: Главы озорительнаго Устава. Твореніе господина нашего въ нынѣшнемъ родѣ преосвященнаго Архіепископа великаго Новаграда и Пскова владыки Геннадія. Въ этомъ Уставѣ на концѣ приложены обряды задравныхъ чашъ, и въ томъ числѣ чаши *за добраго чельовька*.

7) Обз. Р. дух. лит., стран. 111.

8) Сборникъ № 664 ркпе. Іосиф. обит., стран. 78 на обор.

9) На переводѣ Нила Полева есть надпись: держати ихъ въ книгохранильницѣ, а по кельямъ не давати и не учитися по нимъ.

10) Въ народѣ до сихъ поръ есть преданіе, что Іосифъ рылъ эти пруды руками народа и платилъ всякому рабочему по 25 коп. ассигн. въ день. Когда

народъ выразилъ ему неудовольствіе за эту плату, тогда Іосифъ вынесъ народу огромный ворохъ мѣди и велѣлъ брать изъ него каждому загребая сколько угодно. Но сколько люди ни загребали, все выходило не болѣе 25 коп. ассигн. у каждаго. Тогда всѣ рабочіе признали эту плату законною и болѣе не требовали.

11) Разс. о ерес. и раскол. Н. Руднева, стран. 110.

12) Въ 8-мъ Словѣ о кончинѣ седьмаго тысячелѣтія и пасхали слова: „п (80) лѣтъ и д (4) уйде миротворнаго круга“, показываютъ вставку, которая относится къ 1576 году. Издатели Просвѣтителя въ Православномъ Собесѣдникѣ, неизвѣстно на какомъ основаніи, прочли вмѣсто *уйде* — *у Іудеи* (см. 399 стран. Кн. 1. 1857). Но въ спискѣ Архивномъ и въ Агаѣоновой Пасхали читается *уйде*.

13) Твор. Св. отц. Т. V. Кн. 3. Прибавл., стран. 276.

14) Прав. Собес. 1859 Октябрь, стран. 156.

15) Тамъ же, стран. 159, 165, 167.

16) Тамъ же, стран. 178.

17) Т. е. умосозерцаемо.

18) Стран. 326 — 343 печатнаго изданія.

19) Стран. 326.

20) Изъ Посланія Іосифа къ Вассіану о Святой Троицѣ.

21) Стран. 270.

22) Стран. 296.

23) Стран. 303.

24) Стран. 319.

25) Стран. 345—360.

26) Издатели Православнаго Собесѣдника говорятъ, что за эту статью можно поставить автора въ число лучшихъ Русскихъ духовныхъ писателей.

27) Стран. 361—373.

28) Писаніе старцевъ Вологодскихъ монастырей противъ Іосифа: Кирилова монастыря старцы и всѣхъ Вологодскихъ монастырей совокупишася и о семь подвигшеся, положиша тому посланію старца Іосифа свидѣтельство. . . . Др. Росс. Вивліо. Ч. XV, стран. 424.

29) Упомянемъ объ источникахъ для изученія жизни и дѣятельности Іосифа Волоцкаго. — Рукописныя житія принадлежатъ ученикамъ Преподобнаго: иноку Досіею, который былъ и его сродникомъ, Саввѣ Черному, впоследствии Епископу Крутицкому, и еще неизвѣстному, писавшему вскорѣ послѣ кончины Іосифа. По этимъ источникамъ составлены: статья Преподобный Іосифъ Волоколамскій (Твор. Св. Отц. Годъ V, Кн. 2. Приб.) и Житіе Преп. Іосифа, игумена Волоколамскаго (Жит. Святыхъ Росс. церкви. Сентябрь, стран. 71). — Писанія Преп. Іосифа Волоколамскаго (Твор. Св. Отц. Годъ V, кн. 3). Здѣсь можно найти списокъ твореній Іосифа съ указаніемъ на то, что было напечатано до 1847 года. — Въ древней Росс. Вивліоикѣ напечатаны Т. XIV: 1) грѣшнаго инока сказаніе о новоявившейся ереси Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, Алексѣя Протопопа и Дениса, Осипа и Ѳедора Курицына и инѣхъ, иже тако же мудрствующихъ (стран. 128); 2) Посланіе къ Борису Васильевичу Кутузову (стран. 177); 3) Посланіе къ Архимандриту Вассіану о св. Троицѣ (стран. 218); — Т. XVI,

420 — 428. 4) Прибавленіе начала къ вышепомянутому сказанію; 5) Посланіе къ В. Князю Василью Ивановичу; 6) Писаніе старцевъ Вологодскихъ монастырей противъ Іосифа, Кирилова монастыря старцы и всѣхъ Вологодскихъ монастырей совокупишася и о семьъ подвигшеся. — Въ Чтеніяхъ Общ. Исторія и Древн. Росс. 1847. Годъ третій. № 1. Смѣсь: Посланія: 1) къ Нифонту, Епископу Суздальскому; 2) къ иноку Иконописцу, и 3) къ Митрофану, Архимандриту Андрониковскому, съ Предисловіями П. С. К. — Тамъ же № 7. Смѣсь. 4) Преп. Іосифа Волоколамскаго отвѣщаніе и сказаніе о Святыхъ Отцѣхъ, бывшихъ въ Русскѣхъ монастырѣхъ; сообщено П. К. Это есть отрывокъ изъ Духовной грамоты Іосифа Волок. или глава 10. 5) Опись книгъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря 1573, сообщено П. К. — Тамъ же № 8. 6) Содержаніе посланія Іосифа Волокол. къ Ивану Ивановичу. — Въ Акт. Историч. Т. I № 288. 1507. Духовная грамота. — Въ Дополн. къ акт. Т. I. № 211, 212, 213, 216, 217, изъ которыхъ особенно замѣчательны и намъ уже извѣстны № 213, Посланіе къ вельможѣ о милованіи рабовъ, и № 216, Дмитровскому Князю Юрію Іоанновичу о пропитаніи народа во время голода. — Просвѣтитель напечатанъ въ Православномъ Собесѣдникѣ, издав. отъ Казанской Духовной Академіи, въ книгахъ 3-й и 4-й 1855 года, въ 4-хъ 1856 г. и въ 4-хъ 1857 г., съ предисловіемъ. Статья о немъ въ Октябрѣ 1859 года. — Просвѣтитель въ рук. Архива иностр. дѣлъ № 926 и Библиот. Унд. № 486. — Духовная грамота Библ. Унд. № 144. — Въ Сборникѣ Іосиф. мон. № 664, заключающемъ въ себѣ Іосифовскій отечникъ, составленный по примѣру скитскаго Патерика, находятся многія устныя преданія, слышанныя отъ Іосифа и записанныя его учениками.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТАЯ.

Ниль Сорскій. — Его жизнь. — Учрежденіе перваго скитскаго житія въ Россіи. — Уставъ сего житія, или твореніе о осьми помыслахъ. — Подобныя творенія Кассіана Римлянина и Нила Синайскаго. — Содержаніе Нилова творенія. — Внутреннее дѣланіе. Пять степеней мысленной брани. — Высшее состояніе духа въ молитвѣ. — Анализъ борьбы съ каждымъ изъ осьми помысловъ отдѣльно. — Оружіе противъ нихъ. — Три посланія Ниловы и сочиненіе Анастасія Синапта о помыслахъ. — Заключение.

Третій мужъ силы духовной, дѣйствовавшій словомъ и связующій XV-е столѣтіе съ XVI-мъ въ нашей древней Словесности, былъ Ниль Сорскій. Хотя въ одномъ изъ посланій своихъ онъ, по смиренію, и называетъ себя „поселяниномъ“, но онъ былъ изъ боярскаго рода Майковыхъ и родился въ Москвѣ въ 1433 году; рано полюбилъ онъ чтеніе книгъ и въ мірскомъ пребываніи проходилъ должность скорописца¹⁾. Памятникомъ письменной его дѣятельности осталась рукопись, хранившаяся въ библиотекѣ Іосифова монастыря²⁾; въ ней рукою Нила переписаны житія святыхъ отшельниковъ Симеона Столпника, Онуфрія пустынника, Петра Аѳонскаго, Паисія великаго, мужей, которыхъ жизнь согласовалась съ призваніемъ

самого Нила, перваго учредителя скитскаго житія въ Россіи. Постригся онъ въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго. Удаляясь отъ братій, измѣнявшихъ обѣту иночества, Ниль сосредоточивался весь въ изученіи писаній и преданій св. Отцевъ. Черезъ нѣсколько времени по постриженіи, съ собратомъ и ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отправился онъ къ святымъ мѣстамъ востока и провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастыряхъ Аѳона и Константинополя; посѣтилъ скиты и пустыни отшельниковъ. Одинъ изумилъ его своимъ воздержаніемъ, другой — нестяжаніемъ и нищетою, третій — терпѣніемъ въ искушеніяхъ; четвертый училъ его внутреннему вниманію и умной молитвѣ. Объ этомъ самъ упоминаетъ Ниль въ своемъ сочиненіи: „Повсюду обрѣтается въ Святыхъ писаніяхъ похваляемо, еже съ единымъ или съ двѣма безмолвіе, якоже и самовидци быхомъ въ святѣй горѣ Аѳонстѣй и въ странахъ Царяграда, и по иныхъ мѣстѣхъ многа суть такова пребыванія“.

Ясно, что въ этихъ монастыряхъ Ниль изучалъ образцы того безмолвнаго житія съ однимъ или двумя собратами, которые онъ въ своемъ писаніи называетъ путемъ среднимъ или царскимъ. Ниль желалъ водворить его въ своемъ отечествѣ. Иннокентій, ученикъ его, въ своемъ Надсловіи къ Ниловой книгѣ говоритъ, что Святые Отцы раздѣлили все монашеское жительство на три чина: первый — житіе общее; второй — уединеніе съ двумя или съ тремя, при общей нищѣ и одеждѣ, при общемъ трудѣ и рукодѣліи; третій, наконецъ, — пустынное отшельничество и жизнь одинокая. Послѣднее требуетъ Ангельской крѣпости: на уединеніе и пустыню, по словамъ св. Кассіана, могутъ идти только мужи совершенные и вполне очищенные, которые въ собраніи общеживущихъ всякую неправду въ себѣ *выварили* и вполне себя приготовили къ пустынной жизни. Ниль указывалъ на второй чинъ, какъ на образецъ, который онъ видѣлъ на святой горѣ Аѳонской, и много говорилъ противъ самочиннаго уединенія людей къ нему неприготовленныхъ, которое начинало распространяться въ Россіи. Такихъ людей Иннокентій называетъ *самочинниками*. Отвергая ученіе и наставленіе братнее, они служатъ духу самолюбія и гордости, и въ нихъ зачинается и воспитывается внутренній фарисей. Какъ ядовитый аспидъ или лютый звѣрь въ пещерѣ становится еще лютѣе и вреднѣе, такъ и они. Старцы говорили: если видишь юнаго, на небо восходящаго, схвати его за ноги и сбрось на землю.

Ниль, по возвращеніи въ монастырѣ, сначала устроилъ себѣ келью внѣ монастыря, а потомъ отошелъ и далѣе; но пускай онъ самъ объ этомъ намъ скажетъ словами изъ посланія къ одному брату, съ которымъ онъ сопряженъ былъ духовною любовію и который просилъ его написать ему что-нибудь на пользу души. „По отшествіи странничества моего, пришедъ въ монастырѣ, внѣ близъ монастыря створихъ себѣ келлію, и тако живяхъ елико по силѣ моей. Нынѣ жъ вдалѣе отъ монастыря преселихся, понеже благодатію Божіею *обрѣтохъ мѣсто угодно моему разуму*, занежъ мирской чади мало входно, якожъ и самъ видѣлъ еси. И наипаче

испытую божественная писанія: прежде заповѣди Господня, и толкованія ихъ, и апостольская преданія: тажъ житія и ученія Святыхъ Отецъ, и тѣмъ внимаю, и яжъ согласна моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души препишю себѣ, и тѣми поучаюсь, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю“.

Это мѣсто, *угодное разуму* святаго мужа, есть пустыня Нилосорская, лежащая въ 15-ти верстахъ отъ Кириллова монастыря. Дико, мрачно и пустынно то мѣсто, гдѣ Ниломъ былъ основанъ скитъ. Почва ровная, но болотистая: кругомъ лѣсъ болѣе хвойный, чѣмъ листовяной. Рѣчка Сора, или Сорка, давшая прозвище и Угоднику Божію, не вьется, а тянется по этому мѣсту и похожа болѣе на стоячее болото, нежели на текучую воду. Среди различныхъ угодій, которыми изобильна счастливая природа странъ Бѣлозерскихъ, трудно отыскать убѣжище болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустынь. Можно представить себѣ, какая была здѣсь глушь въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го столѣтія, когда жилъ Ниль Сорскій. Видъ этого мѣста, съ перваго раза, даетъ понятіе о томъ, чего искалъ здѣсь Святой, и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ созерцаній, извѣстныхъ намъ изъ его творенія. Онъ переселяетъ насъ тотчасъ къ началу скитскаго житія въ Россіи, котораго Ниль былъ основателемъ. Сначала Ниль водрузилъ крестъ, создалъ келью и выкопалъ колодезь; потомъ сталъ заботиться о церкви и самъ наносилъ своими руками земли для ея основанія на мѣстѣ низкомъ и болотистомъ. Прежде работалъ одинъ, а послѣ — съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ. Церковь была деревянная, во имя св. Ефрема Сирина.

Ниль завѣщалъ ученикамъ своимъ не строить каменной и, какъ записано въ чудесахъ его, явился гнѣвный во снѣ Ивану Грозному, когда царь, посѣтивъ Нилосорскій скитъ, приказалъ было вмѣсто деревянной церкви выстроить каменную: Святой строго запретилъ это дѣло. Но въ преданіяхъ иноковъ осталось, что Ниль запретилъ Грозному строеніе храма не по этой причинѣ, а потому, что много было пролито имъ крови Христіанской. Золото, серебро и всякія украшенія не были терпимы Ниломъ во храмѣ Божіемъ.

На разстояніи брошеннаго сильною рукою камня отъ церкви, въ разныхъ мѣстахъ по лѣсу кругомъ, стояло 12 келлій, гдѣ жила братія по одному, по два и много по три. Всю недѣлю проводили они въ келліяхъ; наканунѣ воскресныхъ дней и праздникова сходились въ церковь; здѣсь оставались сутки для богослуженія и потомъ, послѣ трапезы, расходились снова по келліямъ. Весь чинъ богослуженія совершался по особенному скитскому уставу, введенному Ниломъ. Онъ и до сихъ поръ соблюдается въ обители.

Изъ 12-ти келлій, устроенныхъ по преданію Св. Ниломъ, уцѣлѣла только одна, близъ которой своими руками онъ выкопалъ прудокъ и колодезь. Въ наше время эта келья была возобновлена новымъ пустыннокомъ Никономъ, который въ

схимѣ принявъ имя Нила и вѣрно хранить преданія основателя скитской жизни въ Россіи.

Здѣсь, въ этой кельѣ спасался и богомыслиль Ниль. Отсюда правилъ онъ обителю и всего болѣе внутреннюю жизнь учениковъ своихъ, которые приходили открывать ему всѣ свои помыслы. Искусенъ былъ онъ во врачеваніи душевныхъ болѣзней и отличался необыкновеннымъ даромъ разсужденія, которымъ пользовалъ всю живущую при немъ братію. Здѣсь, по его собственнымъ словамъ, окруживъ себя писаніями Отцевъ церкви, написалъ онъ для учениковъ своихъ Уставъ скитскаго житія, или твореніе объ осьми помыслахъ. Власяница, висящая при его гробницѣ, осталась памятникомъ его трудной жизни.

Нѣсколько разъ въ этомъ твореніи онъ говоритъ противъ любостыжанія и называетъ помыслъ сребролюбія, когда онъ укрѣпится въ челоуѣкѣ, *оснхъ змѣишимъ*. Въ 1500 году, на Московскомъ соборѣ, когда говорили объ отчужденіи сель отъ обитателей, Ниль защищалъ это мнѣніе противъ Іосифа Волоцкаго. Водяная мельница, устроенная на рѣчкѣ Соркѣ, и милостыня людей христіанскихъ служили для пропитанія братіи. Ниль преставился въ 1508 году Мая 7-го, 75-ти лѣтъ отъ рожденія. Братіи своей завѣщаль онъ бросить тѣло его на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, какъ недостойное погребенія, а если этого они не сдѣлаютъ, то, ископавши ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, пускай погребутъ его со всякимъ безчестіемъ.

Что влекло Нила въ такія мрачныя болотныя дебри отъ привольныхъ рѣкъ и озеръ? что устремляло его отъ господствовавшаго тогда устава общежительнаго къ житію скитскому? Онъ, конечно, замѣтилъ, что угоды сельскія отвлекали иноковъ отъ цѣли духовной къ другимъ цѣлямъ житейскимъ, возбуждали въ нихъ любовь къ нѣгѣ, праздности и стяжанію; онъ видѣлъ, что обрядная сторона монастырской жизни въ нѣкоторыхъ обителяхъ начала брать верхъ надъ внутреннею: милостыня вещественная—надъ духовною, внѣшняя молитва—надъ внутреннею. Вотъ почему онъ хотѣлъ обратить вниманіе иноковъ на *умное дѣланіе*, какъ онъ называетъ ихъ внутренній подвигъ, и предложилъ имъ Уставъ скитскаго житія или *преданіе о жительствѣ скитскомъ* въ видѣ духовнаго наставленія о внутренней борьбѣ съ осемью помыслами, которые служатъ источникомъ всѣхъ пороковъ, обезображивающихъ душу челоуѣка.

Во множествѣ рукописей встрѣчается это твореніе Нила въ библіотекахъ древнихъ нашихъ обитателей: видно, что оно служило руководствомъ для внутренней жизни иноковъ, жившихъ и не скитскимъ житіемъ. Въ первый разъ оно было издано въ пятомъ томѣ Исторіи Россійской Іерархіи; но въ 1849 году Козельская Введенская Оптина пустынь издала его особенно и сдѣлала болѣе доступнымъ для всѣхъ духовныхъ подвижниковъ и въ пустыняхъ, и въ мірѣ.

Не должно думать, чтобы твореніе Нила было полезно практически только

для иноковъ. Въ немъ философъ, просвѣщенный Христіанскою истиною, увидитъ глубокой психологическій анализъ движеній нашей души на пути порока. Въ немъ каждый Христіанинъ, неравнодушный къ своему нравственному совершенствованію, найдетъ для него простые и вѣрные способы.

Нилу для его творенія обѣ осьми помыслахъ послужили подобныя творенія Кассіана Римлянина и Нила Синайскаго о томъ же предметѣ. Они были извѣстны у насъ въ переводахъ и находятся въ Главникѣ Даниловскомъ, или сборникѣ Даниїла Митрополита, хранимомъ въ рукописяхъ Іосифова монастыря³⁾. Съ перваго раза ясно видно, что Ниль пользовался этими твореніями, но не переводилъ ихъ. Его изслѣдованіе гораздо глубже и полнѣе, и развитіе страсти отъ перваго ея зародыша въ *прилогъ* мысли до полного пожара изложено болѣе систематически. Иннокентій въ предисловіи къ творенію своего учителя нѣсколько разъ ссылается на сочиненіе Кассіаново и приводитъ изъ него отрывки. Не можемъ не привести одной мысли, которая у Иннокентія приведена вкратцѣ, а у Кассіана изложена подробнѣе. У старца Антонія великаго, въ странахъ Оиваидскихъ, собрались старцы и разсуждали о томъ всю ночь, какая первая добродѣтель; одни говорили — постъ и бдѣніе, другіе — иночество, третьи — милостыня. Прошла бдѣвшая часть ночи. Антоній не согласился со старцами и, наконецъ, сказалъ: „Кто погрѣшаетъ противъ праваго пути, тотъ не имѣетъ дара разсужденія. Разсужденіе есть око и свѣщникъ души по Евангельскому слову: свѣщильникъ тѣлу есть око. Какъ городъ раскопанный, такъ человекъ безъ совѣщанія все творящій. Безъ разсужденія нашъ внутренній домъ не можетъ создаться, ни духовное богатство собраться. Разсужденіе есть родительница и хранительница всѣмъ добродѣтелямъ, потому что учитъ, избравши путь ихъ, пребывать на немъ“. Старцы согласились съ мнѣніемъ Антонія великаго.

Превосходно твореніе Нила Синайскаго обѣ осьми помыслахъ. Оно бы, вмѣстѣ съ Кассіановымъ, заслуживало быть издано въ древнемъ переводѣ, въ объясненіе и дополненіе къ творенію нашего Нила. Совѣтъ противъ гнѣвнаго помысла молиться за брата, который прогнѣвалъ, заимствованъ у Нила Синайскаго. Есть сравненія поэтическія въ его твореніи: молитва постящагося — птенецъ орлій, взлетающій къ небу; молитва объѣдающагося, отягченная сытостью, влачитъ долу. Уныніе названо у него *изнеможеніемъ души*.

Кромѣ Нила Синайскаго, Ниль Сорскій ссылается на многія творенія богословія созерцательнаго и аскетическаго, какъ на примѣръ, на Іоанна Лѣствичника, Агаѳона, Варсонофія, Исакія и Исухія Іерусалимскаго, Ефрема Сиряна, Симеона новаго Богослова, Никиту Стифата, Филоея Синаита, Макарія Египетскаго, Максима исповѣдника, Θεодора Студита, Григорія Синаита и многихъ другихъ. Нашъ писатель, по примѣру всѣхъ древнихъ своихъ сотрудниковъ, любитъ ста-

новиться за великихъ учителей Церкви и свое личное мнѣніе одушевлять ихъ мыслию и облекать ихъ словомъ.

Вникнемъ же теперь въ сущность творенія Нилова.

Въ началѣ своего Преданія ученикамъ Ниль указываетъ на примѣръ Отцевъ, которые прежде дѣлали сами благое, а потомъ другихъ ему учили. За тѣмъ въ основу преданія своего полагаетъ онъ исповѣданіе православной вѣры и отреченіе отъ еретиковъ.

Имѣя главною цѣлю какъ въ сочиненіи своемъ, такъ и въ подвигахъ жизни направить иноковъ на внутреннее дѣланіе, Ниль не хочетъ, однако, отвратить ихъ отъ труда и руководѣлія, которые необходимы для удовлетворенія разныхъ потребъ нашихъ. Но дѣла поручаетъ онъ своимъ инокамъ такія, которыя подъ кровомъ бывають, т. е. дома дѣлаются, а не тѣ, которыя на открытомъ воздухѣ совершаются: живущимъ особо такія занятія укорны. Ниль приводитъ по этому случаю слова Апостола: *не дѣлай, да не ястъ*.

Нельзя не остановиться на этой мысли, потомучто она связана тѣсно съ прекраснымъ правиломъ жизни Русскихъ крестьянъ. Апостоль Павелъ во второмъ посланіи къ Солунянамъ говоритъ: „Егда бѣхомъ у васъ, сіе завѣщавахомъ вамъ, яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ. Слышимъ бо пѣнія безчинно ходящія у васъ, ничтоже дѣлающія, но лукавно обходящія. Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ“. (Гл. 3, ст. 10—12). Замѣчали ли вы, что Русскій крестьянинъ, не работающій по какой бы то ни было причинѣ, даже по болѣзни, въ семьѣ своей совѣтится ѣсть хлѣбъ, постится и отошлалъ бы съ голоду, если бы родные ему не подавали? Такъ исполняетъ онъ строго наставленіе Апостольское.

Ниль, не отклоняя братій своихъ отъ занятій руководѣліемъ, ограничиваетъ ихъ, однако, самыми необходимыми, чтобы при этихъ трудахъ они не имѣли въ виду умноженія стяжаній самой обители.

Правда, эти стяжанія умножались въ монастыряхъ подъ предлогомъ милостыни ближнимъ; но Ниль гораздо выше тѣлесной ставитъ милостыню душевную. „Иноческая милостыня, говоритъ онъ, помочь брату словомъ во время нужды, утѣшить его въ скорби разсужденіемъ духовнымъ: душевная милостыня на столько выше тѣлесной, на сколько душа выше тѣла. А если странникъ придетъ къ намъ, упокоимъ его по силѣ нашей, и если требуетъ хлѣба, дадимъ ему и отпустимъ его“.

Сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, даже и священныхъ, Ниль не желаетъ для церкви. Иоанну Златоусту приносили ихъ, равно и другія церковныя украшенія, но онъ приказывалъ все раздавать нищимъ. Великій же Пахомій не хотѣлъ, чтобы и зданіе церковное было украшено, дабы не величаться въ Храмѣ Божиемъ дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Вниманіе братіи во всемъ Ниль обращаетъ на внутреннее дѣланіе. Умая

молитва выше тѣлесной, по словамъ Апостола: хочу пять словъ умою рещи, нежели тьму словъ языкомъ. Тѣлесное дѣланіе, по словамъ св. Агаѳона, только листъ, а внутреннее, т. е. умное — плодъ. Отцы сказали: кто устами только молится, объ умѣ же небрежетъ, тотъ воздуху молится: Богъ бо уму внимааетъ. Объ инокахъ, которые заняты только тѣлеснымъ дѣланіемъ и по простотѣ не знаютъ мысленной брани и побѣды, Филоеѣй Синаитъ повелѣваетъ молиться и учить ихъ, чтобы очищали умъ, въ которомъ *зрительное души*. Исторію этой внутренней брани изложилъ онъ на воспоминаніе себѣ, собравъ все то, что сказали о ней духоносные отцы.

Пять степеней проходить душа наша въ этой мысленной брани, по словамъ Отцевъ: *прилогъ, сочетаніе, сложеніе, плъненіе и страсть*. Первая степень, *прилогъ*, есть самое объявленіе помысла уму, которое собственно, какъ и самый помысль, отъ насъ не зависитъ.—Вторая степень, или второй моментъ, есть *сочетаніе*, т. е. отвѣтъ нашего ума на его явленіе, соглаголаніе къ явившемуся, пріятіе помысла, бесѣда съ нимъ, но еще не заключающая въ себѣ никакого къ нему склоненія.—Третій моментъ, *сложеніе*, есть уже преклоненіе души къ помыслу, уступка ему въ бесѣду, сочувствіе.—Четвертый, *плъненіе*, есть продолжительное совокупленіе съ помысломъ, чѣмъ погубляется изящное устройство нашей души. Это послѣдній шагъ къ пятой высшей степени — *страсти*, совершенно одолѣвающей человѣка.

Разумное и изящное бореніе, по совѣту Отцевъ, отсѣкать начало пришедшаго помысла въ прилогѣ, ибо кто прилогу помысла сопротивляется, тотъ за разъ навсегда его отсѣкаетъ. Первое средство къ этой побѣдѣ надъ прилогомъ—молитва. Надобно во время молитвы подвизаться, по словамъ Нила Синайскаго, поставить умъ глухимъ и нѣмымъ, и сердце безмолвнымъ отъ всякаго помысла, если бы даже онъ и благимъ являлся, какъ говоритъ Исихій Іерусалимскій. Дознано опытомъ, что за безстрастными помыслами являются страстные, за благими лукавые, а потому надобно *молчать мыслию*, смотрѣть въ глубину сердца, удерживать частое дыханіе и творить Іисусову молитву. Это значить, по словамъ Симеона Новаго Богослова, искать въ сердцѣ Господа, умою блюсти сердце въ молитвѣ и внутри его всегда обращаться.

Когда же умъ изнеможетъ, и тѣло и сердце заболить отъ частаго призыванія Господа Іисуса, тогда перейди къ пѣнію, чтобы дать ослабу и покой уму. Если имѣешь вѣрнаго ученика, вели ему говорить Псалмы, а самъ внемли сердцу.

Но кто видитъ молитву, дѣйствующую въ сердцѣ своемъ и не перестающую подвизаться, тотъ да не оставитъ ее для пѣнія, развѣ только сама молитва оставитъ его, ибо, оставляя Бога внутри, онъ призываетъ его извнѣ, отъ высокихъ преклоняется къ низшимъ. Отцы предписывали болѣе всего упражняться въ молитвѣ, а разлѣнившись пѣть, или читать дѣятельныя отеческія житія. Согласно

съ этими мыслями, по чину служенія, заповѣданному братіи Ниломъ Сорскимъ, всеночныя бдѣнія наканунѣ большихъ праздниковъ совершаются пѣніемъ, а наканунѣ простыхъ дней—однимъ чтеніемъ.

Это упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ человѣка до высшаго состоянія духовнаго, которое Нилъ описываетъ такъ словами Исаака Сирина: „Престануть тогда уста, и языкъ и сердце, помысломъ хранитель, и умъ, чувствамъ кормникъ, и мысль—скоро летящая и безстыдная птица; мысль тогда не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластія; но наставленіемъ наставляется отъ иной силы, а не наставляетъ.... Не молитвою молится умъ, но превыше молитвы бываетъ, и въ обрѣтеніе лучшаго молтва оставляется, и человѣкъ въ изступленіи бываетъ, и не имѣетъ никакого хотѣнія, а по слову Апостолу, *аще въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, не знаетъ*“.

Молитва—*сѣмя* такому духовному состоянію, а оно само есть жатва съ посѣянной молитвы.

Когда дѣйствомъ духовнымъ душа двинется къ такому божественному состоянію и уподобится Божеству въ непостижномъ съ нимъ соединеніи, и просвѣтится лучемъ высокаго свѣта въ своихъ движеніяхъ, и когда сподобится умъ почувствовать будущее блаженство, тогда забываетъ человѣкъ и себя, и всѣхъ сущихъ здѣсь.... Во время молитвы восхищается умъ, внѣ воли, въ мысль безплотныхъ.... Тогда внезапно зажигается въ тебѣ радость и умолкаетъ языкъ.... Кипитъ изъ сердца сладость нѣкая и привлекаетъ всего человѣка; все тѣло питается какою-то небесною радостію, которой языкъ плотской и выразить не можетъ; все земное покажется пепломъ. Обрѣтшій эту радость не только не взглянетъ на страсти, но даже и на жизнь свою.

Симеонъ новый Богословъ такъ описываетъ это духовное состояніе: „Кій языкъ изречетъ? Кій же ли умъ скажетъ? Кое слово изглаголетъ? Страшно бо, во истину страшно и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, посредѣ келліи на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца міру и бесѣдую, и люблю, и ямъ, питаюся добрѣ единымъ Боговидѣніемъ, и соединився Ему, небеса превосхожду: и се вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ. И о Господѣ бесѣдуя рече: любитъ же мя и Онъ, и въ Себѣ самомъ пріемлетъ мя, и на объятіяхъ сокрываетъ; на небеси живый и въ сердцѣ моемъ есть, здѣ и тамо зрится. И абіе къ Господню лицу глаголетъ: и се Владыка Ангеломъ равна показуетъ мя и лучша тѣхъ творить: ниже бо тѣми видимъ есмь по существу; естествомъ бо неприступенъ, мнѣ же зримъ есть всяко, и естеству моему смѣсится существомъ“.

Но Богъ не даетъ человѣку пребывать долго въ такомъ состояніи для того, чтобы онъ не забылъ попеченій о братіи своей. Господь ослабляетъ поэтому силу благодати и не позволяетъ ему взойти на всѣ ея двѣнадцать ступеней, оставляя его на одиннадцатой.

Ниль, какъ видно, ощущалъ подобное состояніе вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими учениками; но онъ указываетъ и на такихъ, которые говорили, что нынѣ уже этихъ *древнихъ дарованій* отъ Бога не бываетъ. По словамъ Отцевъ, такое состояніе возможно въ ночи, потому что умъ всего болѣе очищается ночью; тогда прилежи больше молитвѣ, чѣмъ пѣнію, какъ совѣтуетъ Лѣтвничникъ, ибо многословіе расточаетъ умъ въ молитвѣ, а малословіе собираетъ его.

Предложивъ во внутренней молитвѣ возможность достигать высшаго духовнаго состоянія, Ниль переходитъ теперь къ самой борьбѣ съ лукавыми помыслами и приглашаетъ на нее словами: *не омалодушимся, не унываемъ*. Наибольшая хитрость дьявола заключается въ томъ, что онъ внушаетъ намъ стыдъ бороться съ этими помыслами покаяніемъ и молитвою.

Не только съ нами, страстными и немощными, но и съ тѣми, которые въ высокому чину чистоты стоятъ, подъ мышцею разума Господня, бываютъ мысленныя паденія, но за ними слѣдуютъ миръ, утѣшеніе, помыслы цѣломудренныя и кроткіе. И вотъ причина тому, по объясненію Григорія Синаита: „Если бы не былъ человѣкъ оставляемъ, и побуждаемъ всякою страстію и помысломъ, не обрѣтая помощи отъ Бога,—онъ не могъ бы сокрушиться, *имѣть себя подъ всеми*, и считать себя *послѣднѣйшимъ* рабомъ всѣхъ, горшимъ самихъ бѣсовъ, которые его побуждаютъ. Въ самыхъ паденіяхъ нашихъ мы видимъ смотрѣніе Промысла надъ нами и указаніе намъ смиренія. Знай, что *точно стоятъ* въ добродѣтеляхъ не твое, но дѣло благодати, носящей тебя на дланяхъ рукъ своихъ“.

Предложивъ молитву, пѣніе, чтеніе, руководѣліе и всякое *подѣлье*, какъ средства противъ злыхъ помысловъ, и общее правило—поработать тѣло душѣ, Ниль разбираетъ потомъ каждый изъ помысловъ отдѣльно, а всего ихъ восемь: отъ нихъ-то рождаются всѣ страсти, сокрушающія духовное существо человѣка.

Изложеніе борьбы начинается съ помысла *чревообязтнаго*, потому что воздержаніемъ началось паденіе Адамово. Мѣра пищи, время пищи, различіе ея входятъ въ разсужденіе объ этой борьбѣ. Григорій Синаитъ совѣтуетъ вкушать отъ всѣхъ брашенъ, даже и сладкихъ, но по малу. Имѣешь здоровое и крѣпкое тѣло — утомляй его, имѣешь немощное и недужное — хотя мало, но покой его. При воздержаніи чрева всѣ добродѣтели соборно входятъ въ человѣка. Тому Русскому человѣку, который, какъ Ниль, хотѣлъ жить духомъ въ древнія времена нашей жизни, не худо было начинать борьбу съ чрева: мы помнимъ изъ его сказаній и пѣсень, какого множества яствъ требовала его утроба богатырская.

Второй помыслъ *сладогостіа* особенно нападаетъ на человѣка, когда онъ хочетъ причаститься святыни, потому что врагъ всячески старается осквернить совѣсть нашу. Цѣломудріе и чистота не одно внѣшнее только житіе, но потаенный сердца человѣкъ, чистый отъ скверныхъ мыслей: онъ-то Богу особенно любезенъ. Отцы говорили: кто слагается съ помыслами сластолюбивыми, тотъ любо-

дѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ. Паденіемъ называютъ всѣ они такое сложеніе. Не-обходимо иноку вспоминать стыдъ и срамъ, которые бывають ему отъ людей въ такихъ паденіяхъ: смерть предпочтительнѣе такого стыда.

Третій помыслъ *сребролюбія*, когда укрѣпится въ человѣкѣ, всѣхъ злѣе бываетъ: Апостоль называетъ его не только корнемъ всему злу, скорби и гнѣву, но идолослуженіемъ.

О четвертомъ помыслѣ *инѣва* Отцы говорили: если бы гнѣвливыи и мертвеца воскресилъ, непріятна его молитва. Конечно, говорили это они не въ томъ смыслѣ, чтобы гнѣвливыи могъ въ самомъ дѣлѣ мертвеца воскресить, а чтобы показать всю мерзость его молитвы. Можно оскорблять брата не только дѣломъ и словомъ, но даже и взоромъ. Лучшее средство противъ гнѣва, по совѣту Аввы Дорошея, молиться за прогнѣвавашаго и призывать на помощь себѣ самыя его молитвы. Избѣгающему гнѣва обѣщано *сыноположеніе*: будете сынове Отца вашего.

Замѣчательна борьба съ пятымъ помысломъ — *печалію*, и съ шестымъ, который есть *уныніе*. Предлагаая правила рати о другихъ помыслахъ, Ниль говорить болѣе словами Святыхъ Отцевъ, а здѣсь уже чаще отъ своего имени, и говорить такъ сильно, такъ живо, какъ Русскій человѣкъ, наиболѣе доступный чувству унынія. „Немалъ намъ подвигъ на духъ скорбный, понеже вметаеть душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь отъ человѣковъ будетъ, подобаеть благодушно претерпѣвать ее, и молиться за оскорбившихъ, зная, что не безъ Божія промысла все съ нами случается и что все на пользу посылаетъ намъ Богъ, и на спасеніе душамъ нашимъ, а если чтѣ теперъ и кажется неполезнымъ, полезно можетъ быть послѣ. Полезна намъ можетъ быть одна только скорбь: о грѣхахъ нашихъ, и то съ надеждою и покаяніемъ. Скорбь же праздную надобно отметать отъ сердца наравнѣ съ прочими злыми страстями, потомучто она творить душу пустою и унылою, и некрѣпкою, и нетерпѣливою къ молитвѣ, и лѣнливою къ чтенію.

Но если уныніе укрѣпится въ насъ, великій подвигъ предстоитъ душѣ: лють его духъ, самый тяжелый, сопряженъ съ духомъ скорбнымъ. А тѣмъ, которые пребываютъ въ безмолвіи, рать на него належитъ великая. Когда жестокия его волны встають на душу, въ тотъ часъ и не мнитъ человѣкъ, чтобы можно ему было когда нибудь отъ нихъ избавиться. Ему приходитъ на мысль, что и Богъ оставилъ его, и не печется о немъ болѣе, и что его одного только и оставилъ Онъ, и что съ другими того не бываетъ чтѣ съ нимъ, и тогда все благое кажется ему мерзкимъ“.

Послѣдніе два помысла, седьмой и осьмой, *тщеславіе* и *гордость*. Приводятся тщеславному слова Никиты Стифата: если ты зла не сдѣлалъ, то совершеніе заповѣдей помысли, и увидишь себя недостаточнымъ, какъ малую купѣль противъ величества моря. Тщеславный помыслъ ведетъ къ презорству и гордыни,

которая *всѣмъ злымъ начало и конецъ*. Богъ гордымъ противится. Мерзость и нечисть всякъ высокосердый передъ Господомъ. Гордаго Богъ оставляетъ, и какъ листъ онъ колеблется, какъ прахъ вѣтромъ возмется. Избирай всегда послѣднее мѣсто и на трапезахъ, и въ собраніи посреди братіи, носи худѣйшія ризы, люби работы черныя и низкія, встрѣчаясь съ братією, первый смиренно кланяйся, люби молчаніе, не высья въ бесѣдахъ, не люби преній словами. Мы сквернѣе всѣхъ тварей: всѣ по естеству живутъ, а мы и самый законъ естества нарушаемъ. Призывай на помысль гордости молитву Ефрема Сирина.

Изложивъ борьбу съ каждымъ помысломъ въ отдѣльности, Нилъ приводитъ молитвы Отцевъ противъ всѣхъ и заключаетъ изображеніемъ старца, у котораго въ обычаѣ было говорить про себя: отойди, окаянный, и приди, возлюбленный! Когда одинъ изъ братіи, думая, что старецъ говорилъ съ кѣмъ нибудь, спросилъ у него: „съ кѣмъ ты бесѣдовалъ, отче? — тотъ отвѣчалъ: — я отгонялъ злые помыслы, а призывалъ благіе“.

Память смерти и память страшнаго суда — сильнѣйшія оружія въ брани съ помыслами. Поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшишь, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ. Всегда положи въ сердцѣ твоемъ, человекѣ, еже отъити, сказалъ Сиринъ. Какъ хлѣбъ нужнѣе всѣхъ брашенъ, такъ память смерти — прочихъ добродѣтелей; не возможно алчущему не поминать хлѣба, такъ и хотящему спастися не поминать смерти, сказали Отцы. Полезно припоминать и различныя смерти, видѣнныя и слышанныя нами и бывшія во дни наши. Вникнемъ въ страшное таинство смертное, когда душа отъ тѣла нуждою исходитъ, и отъ составовъ и сочетаній естественнаго союза Божіимъ хотѣніемъ отлучается. Уразумѣемъ въ этотъ горькій часъ великій подвигъ души! О памяти страшнаго суда одинъ изъ Отцевъ сказалъ: если бы возможно было тогда умереть, весь міръ отъ страха умеръ бы.

Другое оружіе противъ помысловъ — благодать слезъ, дарованіе Божіе. Моли о немъ у Бога, какъ библейская Асханъ, дочь Халевова, просила у отца своего земли водоточной. Повторяй молитву за Германомъ, патриархомъ Царградскимъ: „главу мою исполни, Боже, водъ очистительныхъ и сотвори брови моя облаки присно водоточныя“. Симеонъ новый Богословъ именуетъ всѣ добродѣтели воинствомъ, а царемъ ихъ и военачальникомъ умиленіе и плачь. Прекрасны слезы самоисходныя, безъ усилія текущія: онѣ утѣшаютъ болѣзненную душу, и она бываетъ похожа тогда на младенца, который и плачется, и свѣтло улыбается въ одно и то же время, какъ говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ.

Умереть всякому земному попеченію есть верхъ и основаніе всей иноческой жизни. Эта мысль внушаетъ Нилу въ 10-мъ словѣ сильныя рѣчи противъ стяжанія селъ. Она внушала ему ихъ и на соборѣ 1500 года. Всѣ эти заботы о *притяжаніи многихъ селъ, о содержаніи многихъ имній, заботы, гнѣздив-*

піяся во ви́шнемъ обычаѣ обителѣй, ему современныхъ, Ниль называетъ заботами *безсловесными*. Мало власъ смущаетъ око, и мало попеченіе потребляетъ безмолвіе. Уединенное жителство съ однимъ или съ двумя братьями, подобное тому, какое Ниль видѣлъ на св. горѣ Афонской и въ Царьградѣ, и въ другихъ мѣстахъ, есть тотъ средній или царскій путь между общимъ житіемъ и совершеннымъ отшельничествомъ, который всего болѣе ведетъ къ достиженію духовной цѣли.

За 11-ю словами объ осьми помыслахъ, въ рукописныхъ книгахъ ихъ содержащихъ, слѣдуютъ обыкновенно три посланія Нила Сорскаго, къ сожалѣнію, еще неизданныя: 1) къ брату, вопросившему его о помыслахъ, 2) къ одному старцу о пользѣ, 3) къ нѣкому брату. Всѣ они относятся къ тому же предмету и заключаютъ въ себѣ отрывки, которые вошли въ текстъ 11-ти словъ. Третье посланіе написано съ особенною любовію къ тому, который спрашивалъ Нила, но имени брата любимаго онъ не открылъ. Вѣроятно, это Иннокентій, любимый ученикъ его и товарищъ, основавшій пустынножителство въ лѣсу Комельскомъ, въ предѣлахъ Вологодскихъ, авторъ предисловія къ творенію Нила и *„завѣта братіи“*. За посланіями встрѣчается иногда въ рукописяхъ⁴⁾ переводъ небольшого, весьма замѣчательнаго сочиненія Анастасія Синаита о помыслахъ. Онъ обращаетъ вниманіе на многихъ духовныхъ дѣятелей, которые думали состязаться съ самими помыслами и ихъ въ себѣ уничтожить, вооружались противъ нихъ постомъ и слезами, и въ пустыни удалялись, но нисколько въ томъ не успѣли, ибо въ помыслахъ своихъ человѣкъ не властенъ и за нихъ не отвѣчаетъ Богу; но власть его начинается съ того времени, какъ помыселъ къ нему явился; отъ него зависитъ прямое отсѣченіе прилога, какъ выше сказано, т. е. не зачинать съ нимъ никакой бесѣды, никакого знакомства.

Такъ поучалъ братію свою Преподобный Ниль борьбу духовной. Такъ, самъ удаляясь въ дебри и пустыни, боролся избранный древній Русскій человѣкъ со страстями, одолѣвавшими плоть его, и тѣмъ заготовлялъ добрую почву для своего будущаго образованія.

Борьба, предлагаемая Ниломъ, никогда не окончится, — и Русскому человѣку нашего времени, не пренебрегающему духовною жизнію, всегда спасительны его совѣты, содержащіе много глубокомысленныхъ наблюденій надъ душою человѣческою. Не можемъ не питать душевнаго сочувствія къ этимъ святымъ, высокимъ созерцаніямъ и радуемся тому, что они могли принадлежать нашему соотечественнику въ XV столѣтіи⁵⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Эти подробности сообщены іеросхимонахомъ Ниломъ и заимствованы изъ одной древней рукописи, содержащей житіе Нила.

2) № 637.

3) № 489. Главникъ Даниловской, л. 75. Преп. Кассіана Римлянина о осмихъ помыслахъ иже всякъ грѣхъ свершается. — Л. 132 об. Нила Синайскаго о осмѣхъ помыслѣхъ зѣло красно слово.

4) Такъ напримѣръ, въ рукописи Погодинской, принадлежащей теперь И. публ. библиотекѣ.

5) Матеріалы для изученія Нила Сорскаго: Слов. М. Евгенія. Т. II, стран. 140. — Поѣздка въ Кирилло-бѣлоз. мон. Ч. 2. 91. Нилосорская пустынь. — Обзоръ Русск. дух. литер. Преосв. Филарета, стран. 116. — Истор. Росс. іерархіи. Ч. V, стран. 215 — 336. Уставъ скитскаго житія или твореніе Нила о осми помыслахъ. — Преп. о. н. Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ. Изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва. 1849. — Въ Нилосорской пустыни хранится письменная книга, писанная древнимъ полууставомъ. Вотъ ея содержаніе: Тропарь, кондакъ и ікосъ Пр. Нилу, изображенные на его гробѣ. Сочиненіе ихъ приписывается ученику его Иннокентію. 2, 3, 4, 5. Надписаніе о преданіи Пр. Нила о жительствѣ св. Отець. Преданіе Пр. старца Нила отшельника пустыни Сорскія его ученикомъ или Скитскій уставъ. Краткое извѣщеніе о преп. Нилѣ и о скитѣ его. Оглавленіе книги Пр. о. Нила Сорскія пустыни начальника. 11 словъ его. Окончательное заключеніе его же о написаніи словесъ книги его. Послѣ сихъ о преставленіи и погребеніи Преп. Нила. Его завѣщаніе ученикамъ. — 6. Обиходъ скитскій на весь годъ. Преданіе и уставъ инокомъ скитскаго житія и правило, и когда бываютъ у скитянь сходы въ церковь. 7. Посланіе первое Преп. Нила Сорскаго къ брату, вопросившему его о помыслѣхъ. Посланіе начинается такъ: Похвально желаніе твое подвигнулъ еси, о возлюбленне. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ это посланіе надписывается брату Князю Кассіану. Преосв. Филаретъ предполагаетъ, что этотъ кн. Кассіанъ есть Грекъ, князь Мавнукскій, прибывшій въ Россію съ Софією и скончавшійся въ Угличскомъ монастырѣ 1504 г. (ст. 26, стран. этой части). — 8. Посланіе второе Пр. Нила ко иноку старцу о пользѣ. „Еже усты ко устомъ бесѣдова твоя святыня ко мнѣ, честнѣйшій отче, таже и писанія о томже посылалъ ми еси“... — 9. Посланіе третье Пр. старца Нила пустынника Сорскаго къ нѣкоему брату. „Писанія твоя, отче, еже писалъ ми еси, получилъ: просиши у мене отписати къ тебѣ, еже на ползу, и извѣстити ми тебѣ о себѣ“... 10. О пришествіи Пр. о. н. Нила Сорскаго чудотворца. 11. Изложеніе отчасти чудесъ Пр. о. н. Нила чудотворца. Чудо 1-е. О образѣ его, како начася писатися по явленію Пр. Нила. Чудо 2-е. О приходѣ въ Нилосорскую пустыню Царя Ивана Васильевича Грознаго. — 12. Надписаніе или Надсловіе на книгу Пр. Нила Сорскаго, написанное ученикомъ его, инокомъ Иннокентіемъ. Оно напеча-

тано въ изданіи Оптиной пустыни. — 13. Завѣтъ инока Иннокентія, ученика Пр. Нила чудотворца. — 14. Заключение. — Я пользовался этою рукописью, благодаря обязательному расположенію иноковъ обители и особенно отца Никона, теперь же іеросхимонаха Нила. — Библіотека Іосифова монастыря изобилуетъ рукописями твореній Нила Сорскаго и за № 637 хранитъ рукопись отъ 1-го листа до 253-го, писанную рукою самого Преп. Нила и содержащую Житія Симеона Столпника, Онуфрія пустынника, Петра Афонскаго, Паисія великаго (последнее сочинено Іоанномъ Коловымъ). Въ концѣ Паисіева житія подписано: „Въ сей книзѣ до zde переписи старца Нила, отшельника Сорскія пустыни, иже на Бѣлмозерт“. Видно, что Ниль Сорскій не успѣлъ докончить этой рукописи, потому что въ 1508 году скончался, а книга окончена была письмомъ въ 1514 году и сдана въ обитель Ниломъ Полевымъ, который, по всему вѣроятію, и дописалъ ее. Послѣ помянутыхъ житій слѣдуютъ поученія великаго Иларіона и Исаака Сиріанина, и преданія о аввѣ Филимонѣ отшельникѣ, о аввѣ Исаацѣ великомъ, о аввѣ Сисои, о аввѣ Пиминѣ и проч. — Въ числѣ твореній Нила встрѣчается поученіе, начинающееся такъ; „Сѣдай въ келліи своей, собери си умъ“. — Всѣ эти рукописи, содержащія Нилковы творенія, требуютъ еще пересмотра. — Въ Даниловскомъ Главникѣ (№ 485) находимъ творенія Кассіана Римлянина (л. 75) о осмихъ помыслѣхъ, ими же всякъ грѣхъ свершается, и Нила Синайскаго (л. 132 об.): о осмѣхъ помыслѣхъ зѣло красно слово, въ которыхъ можемъ отыскать первоначальные источники творенія нашего Нила.

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	стр.
Содержаніе шестнадцатой лекціи	3
<p>Характеръ духовно-словесной дѣятельности въ Россіи XV вѣка.—Черты жизни духовныхъ дѣятелей. — Святитель Іона. — Митрополиты: Θεодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ.— Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ Рыло.— Другой Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ.— Общее содержаніе Посланій. — Посланія, имѣющія предметомъ: 1) единство Церкви Вселенской, 2) единство Церкви Русской, 3) устроеніе единодержавія, 4) освобожденіе отечества, 5) дѣйствіе на власти и князей, 6) дѣйствіе на народъ, 7) дѣйствіе на семью и домъ, 8) на внутреннее состояніе церкви и ея священнослужителей. — Заключение.</p>	
Примѣчанія къ шестнадцатой лекціи	27
Содержаніе семнадцатой лекціи	29
<p>Рукописи XV вѣка, обозначенныя годами.—Мѣста написанія ихъ.—Писцы.— Значительнѣйшія рукописи. — Геннадіевская Библія 1499 года. — 70 новыхъ обителей.— До 70-ти св. мужей. — Составители Житій: Епифаній, Пахомій Логоветъ, Ирнархъ, Митроп. Спиридонъ, Вассіанъ, Θεодосій, клирикъ Василій, Паисій Ярославовъ, пресвитеръ Василій, Романъ, Савва черный, Иродіонъ. — Примѣры житій изъ устъ народа перешедшихъ на хартии. — Лики и черты Святыхъ. — Черты историческія. — Сословія, изъ какихъ выходили Святые, преимущественно боярское и крестьянское.— Иноземцы въ числѣ Святыхъ.— Дѣйствіе святыхъ мужей на народъ и на власти. — Жизнь пустынныхъ отшельниковъ. — Отрывки изъ Житій: Евѳимія Новгородскаго, Пафнутія Боровскаго, Зосимы Соловецкаго, Александра Ошевенскаго, Александра Свирскаго, Данила Переяславскаго. — Общее заключеніе о житіяхъ. — Мысль о скоромъ преставленіи свѣта. — Зародышъ и происхожденіе этой мысли въ Греціи. — Отголоски ея въ Русской Словесности отъ начала XII вѣка. — Противорѣчія Геннадія. — Ночь на 25 Марта 1492 года.</p>	
Примѣчанія къ семнадцатой лекціи	53
Содержаніе восемнадцатой лекціи	56
<p>Памятники свѣтской литературы.—1) Путешествія.—Ксеносъ, или странникъ Зосимы.—Путешествіе инока Симеона Суздальскаго въ Италію въ 1437 году. — Флорентинская мистерія Благовѣщеніе, переданная Аврааміемъ. — Отрывокъ о земляхъ за Араратомъ.—Хоженіе Аванасія Никитина въ Индію.—2) Историческія сказанія.— Повѣсти о Тамерланѣ. — Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи Царяграда и о взятіи Царяграда. — Сказанія о восьмомъ соборѣ и о походѣ Іоанна III подъ Новгородъ. — Духъ лѣтописей XV вѣка.—3) Сказки и сказанія: Шемякинъ судъ, о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, Синагрипѣ, царь Адоровъ, или слово объ Акирѣ премудромъ, Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита, Сказаніе объ Индіи богатой.—Притчи, загадки, изреченія въ сборникахъ.—Памятники живописи и зодчества. — Кремль. — Стихъ объ Егоріи храбромъ.</p>	
Примѣчанія къ восемнадцатой лекціи	81

Содержаніе девятнадцатой лекціи . . . . .

Геннадій Гонзовъ. — Жизнь его. — Посланія. — Ихъ характеръ. — Пасхалія. — Полная Славянская біблія 1499 года. — Іосифъ Санинъ. — Его духовное воспитаніе. — Свидѣтельство объ обителяхъ, ему современныхъ. — Общежительный уставъ. — Основаніе Волоколамскаго монастыря въ 1469 году. — Преданія обители. — Борьба съ Жидовскою ересью. — Дѣло съ Серапіономъ. — Кончина (1515). — *Провѣтитель*. — Жидовская ересь. — Общее содержаніе книги. — Двойкій характеръ. — Основныя истины вѣрученія о Богѣ. — Раздѣленіе древней исторіи до Христа. — Мысль о кровавой жертвѣ ветхаго міра. — Отношеніе богослова къ явленіямъ природы. — Мысли, проникшія въ жизнь Русскаго человѣка. — Мысли о Церкви и молитвѣ. — О томъ, какъ служить Богу. — Характеръ пяти словъ гонительныхъ. — Исходъ ихъ. — Обличеніе отъ Вологодскихъ старцевъ. — Заключеніе.

Примѣчанія къ девятнадцатой лекціи 111

Содержаніе двадцатой лекціи 113

Ниль Сорскій. — Его жизнь. — Учрежденіе перваго скитскаго житія въ Россіи. — Уставъ его житія, или твореніе о осьми помыслахъ. — Подобныя творенія Касіана Римлянина и Нила Синайскаго. — Содержаніе Нилова творенія. — Внутреннее дѣланіе. — Пять степеней мысленной брани. — Высшее состояніе духа въ молитвѣ. — Анализъ борьбы съ каждымъ изъ восьми помысловъ отдѣльно. — Оружіе противъ нихъ. — Три посланія Ниловы и сочиненіе Анастасія Синаита о помыслахъ. — Заключеніе.

Примѣчанія къ двадцатой лекціи 125

О П Е Ч А Т К И.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	<i>Напечатано:</i>		<i>Читай:</i>
Стран.	XIII	стр. 17 св. полно собраніе	полное собраніе
»	XXXVII	» 5 сн. печати	печати
»	LI	» 9 сн. Симбирской	Симбирской
»	LXII	» 5 сн. никогда	никогда
»	LXVIII	» 11 сн. (примѣч.) иерешла	перешла
»	1	» 18 сн. общественной	общественной
»	1	» 14 сн. здѣсь	здѣсь
»	13	» 1 сн. чевѣческаго	человѣческаго

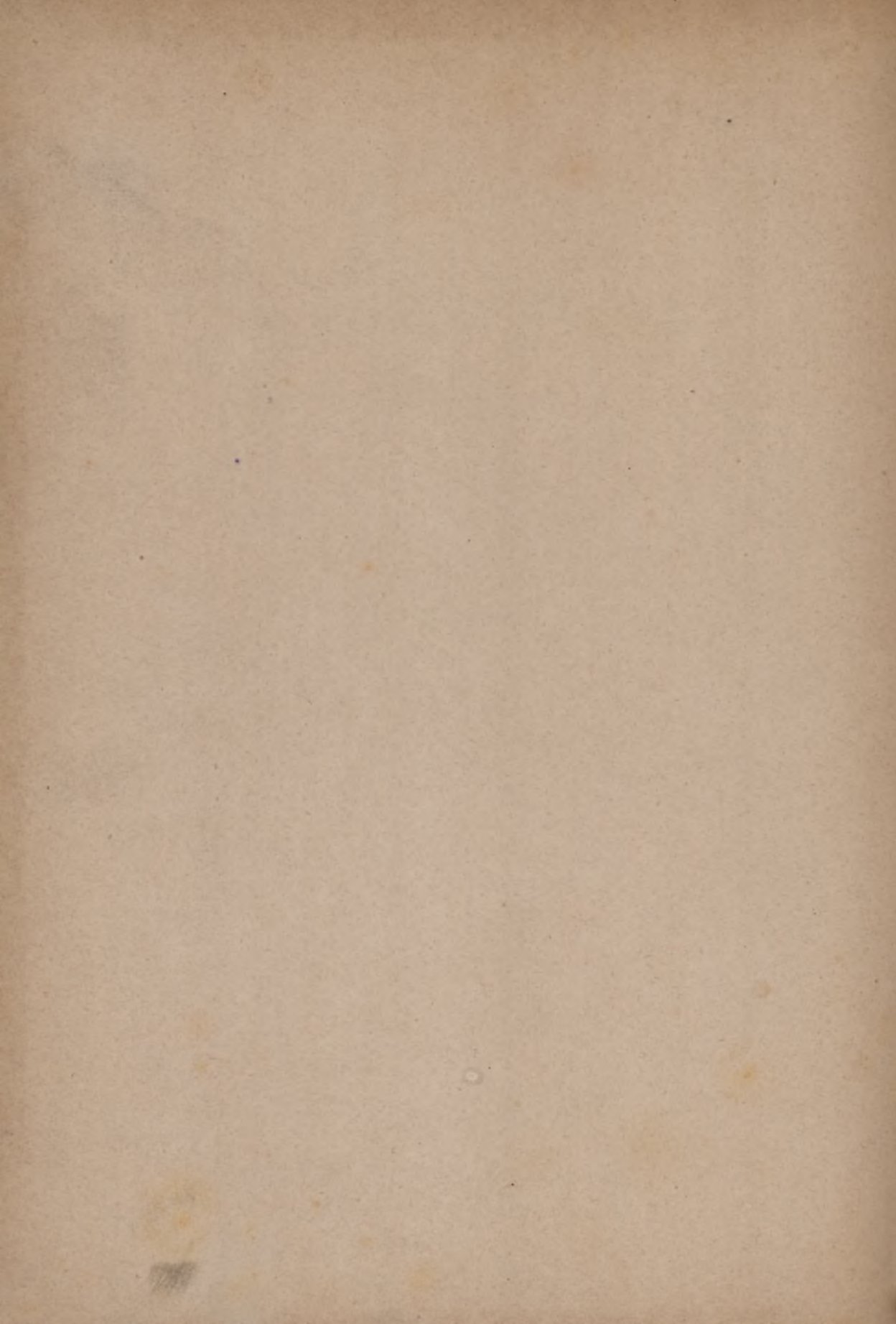
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (ПРЕДИСЛОВІЕ).

	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
Стран. VII	стр. 17 св. Калайдовичъ XII в. напечаталъ	Калайдовичъ въ изданіи памятникоевъ Словесности XII в. напечаталъ

ЦѢНА 3 РУБЛИ.

KSIEGARNIA

ANTYKWARIAT

513178 F

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

130105

Biblioteka WSP Kielce

0150812